12731

45 ой

ГК625
О134

Боевой путь
45.
Краснознаменной
Волынской
Дивизии
1919 - 1920.

Ленинград.
Ямбург.
Эстонский фронт.
Ст. Медведево.
Тверь.
Москва.
Вязьма.
Смоленск.
Рославль.
Калуга.
Брянск.
Гомель.
Мозырь.
Овруч.
Ржищевы Могилев.
Фастов.
Житомир.
Киев.
Староконстантинов.
Ст. Перепельная.
Проскуров.
Винница.
Умань.
Жмеринка.
Христиновка.
Казатин.
Балта.
Ольвиополь.
Долинская.
Ст. Чубово.
Рыбница.
Татьяновка.
Бобринец.
Кривой Рог.
Екатеринослав.
Новомосковск.
Царичанка.
Полтава.
Харьков.
Бахмач.
Глухов.
Белополь.
Сумы.
Бромля.
Ахтырка.
Новый Буг.
Вознесенск.
Дубоссары.
Григориополь.
Тирасполь.
Одесса.
Херсон.
Александровск.
Грушевка.
Апополь.
Каменец-Подольск.
Проскуров.
Шепетовка.
Здолбунов.
Ровно.
Броды.
Буг.
Львов.
Сарны.
Коростень.
Березовка.
Польский фронт.

12237

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

X ГОДОВЩИНА РККА
1918—1928

О Сорок пятой

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ИСТОРИИ 45-й СТРЕЛКОВОЙ ВОЛЫНСКОЙ КРАСНОЗНАМЕННОЙ ДИВИЗИИ.

БИБЛИОТЕКА СКВИРСКОГО МУЗЕЯ

ИЗДАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТДЕЛА 45-й ДИВИЗИИ
гор. КИЕВ
1928

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГК 625
О 134 р

Отпечатано в типограф. Штаба
45-й Стрелковой Краснознамен.
Дивизии Коммунист. 9 тел. 38-06
Киевск. Окрл. 230, з. 194—3000.

1064867 1106
28.
С90
7721

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спец. фонд

„Всегда вперед! К победе!“

В настоящем сборнике печатается лишь кое-что из истории 45 дивизии, славной дивизии, разорвавшей в 1919 году огневое кольцо врагов, сделавшей 1000 верстный боевой поход на деникинском фронте, отобравшей у поляков крепость Дубно, дивизии, подходившей к Львову, разгромившей Петлюру и всех его атаманчиков.

Обстоятельная история этой дивизии еще должна быть написана. Здесь показаны лишь кусочки тех ярких страниц борьбы, какие вписала дивизия в историю гражданской войны и пролетарской революции.

Но пусть и то, что здесь рассказано, будет прочтено молодняком дивизии с величайшим вниманием и интересом.

Молодой красноармеец! Храни боевые традиции дивизии, учись тому, как нужно бороться с классовыми врагами.

Пусть примеры храбрости, самоотверженности, преданности революции воодушевляют тебя на подвиги, на геройство и сейчас, в период временной передышки, в практической военно-политической учебе.

Будь готов в грозный для республики час, когда снова страна призовет тебя защищать строительство социализма, дело мировой революции, понести красное почетное знамя дивизии, обагренное кровью лучших ее сынов,—вперед, под лозунгом 45-ой „всегда вперед! К победе!“

Будь достоин славного звания бойца 45 Краснознаменной!

Тот не погиб, кто погиб за великое дело!

Их много было в наших рядах—закаленных в труде рабочих и крестьян. Большинство из них те, чью горячую кровь переплавляли помещики и капиталисты на холодное золото.

Одни из них попали к нам, незнакомые еще с оружием, другие пришли с богатым боевым опытом, молодые юноши с горячим сердцем, смелые, самоотверженные и старики, кормильцы больших семей, — но и те и другие пришли в наши ряды, ненавидя старый, проклятый строй, пришли с готовностью биться до конца со своими палачами, готовые отдать жизнь за дело революции.

Нам не пересказать всех ярких желаний и дорогих надежд, какие жили в сердцах и головах павших в великой борьбе. Одно мы хорошо знаем — их смерть сделала великое дело, они дали нам возможность теперь жить, работать, **строить социализм,** создавать коммунистическое общество, в котором не будет угнетения и рабства.

Имена многих не забыты нами. Близкие, друзья и соратники хорошо помнят их.

Но еще больше неизвестных, незаметных, не занесенных в красные списки героев, похороненных на случайных придорожных кладбищах, или совсем не зарытых, таких, о которых никто не скажет, кто они и откуда?

Никто не назовет этих имен, но мы их знаем: они все пришли от плугов и станков, их семья, единая семья пролетариев, семья угнетенных, поднявших знамя восстания против царизма, их родное нам имя — „Красные бойцы 45-й дивизии".

Сегодня о них наше первое слово!

Мы склоняем свои головы перед светлой памятью тех, кто своей жизнью дал нам победу...

Слава погибшим.

Они вечно будут жить в наших сердцах!

В дни дикого разгула реакции гетманско-немецко-гайдамацких полчищ на Украине зарождается 45-я В беспрерывных боях 1919 г. из мелких разрозненных, но горящих энтузиазмом и классовой враждой к угнетателям, полков, выкристаллизовалась грозная и могучая 45-я

Кто из врагов не испытал ее крепкого мозолистого, пролетарского кулака? Петлюра, Деникин, Юденич, поляки.

Вдоль и поперек прошла 45-я по Украине и Галиции

На любом участке, при всякой тяжелой обстановке 45-я, наступая или отходя, громила врагов.

Фронты окончены. 45-я на мирной учебе Оставаясь верной своим боевым традициям и на фронте мирной учебы, со свойственной ей энергией и упорством, умело руководимая своим командным и политическим составом, готовится к будущим схваткам.

Крепкое, непоколебимое руководство нашей испытанной в боях Всесоюзной Коммунистической партии является верным залогом будущих побед.

И. Дубовый.

О боевых традициях 45-й.

(Из доклада комдива 45 тов. Василенко на 3-й комс-ской конференции 1928 г.)

Первая традиция 45-й дивизии. Есть задачи трудные, но непосильных—нет. Я приведу историческую справку. В 1920 году нужно было ликвидировать Петлюру. Это было в ноябре месяце. У нас не было ни обуви, ни одежды, а наступать нужно было,— таково было задание. Правда было несколько командиров, которые говорили, что у нас мол ничего нет и нужно несколько подождать.

А что значить подождать? Это значит быть битым Мы этого не сделали. Наши бойцы ответили, что они готовы к бою „только прикажите и мы пойдем".

45-я дивизия считала задачу борьбы с Петлюрой трудной задачей, но она ее выполнила и на ее долю выпала половина всех трофеев, а остальная половина досталась 5 другим дивизиям. Вот что значит с энергией выполнять задание.

Вторая традиция. Всегда вперед! К победе! Маленькая историческая справочка. В 1919 году 45-я дивизия, находясь в Одесском районе, была окружена со всех сторон врагами. И 45-я дивизия выбилась из этого окружения, соединилась с северными войсками именно потому, что она несла на своих знаменах это уверенное „вперед". Во время польской войны дивизия всегда была одной из первых и отступала только по приказанию свыше. Она так шла обратно, оставляя Галицию, как идут вперед: она не потеряла ни одного пулемета, ни одной винтовки, не отдала ни одного кр-ца в плен полякам. Такое отступление равносильно тому, когда идут вперед.

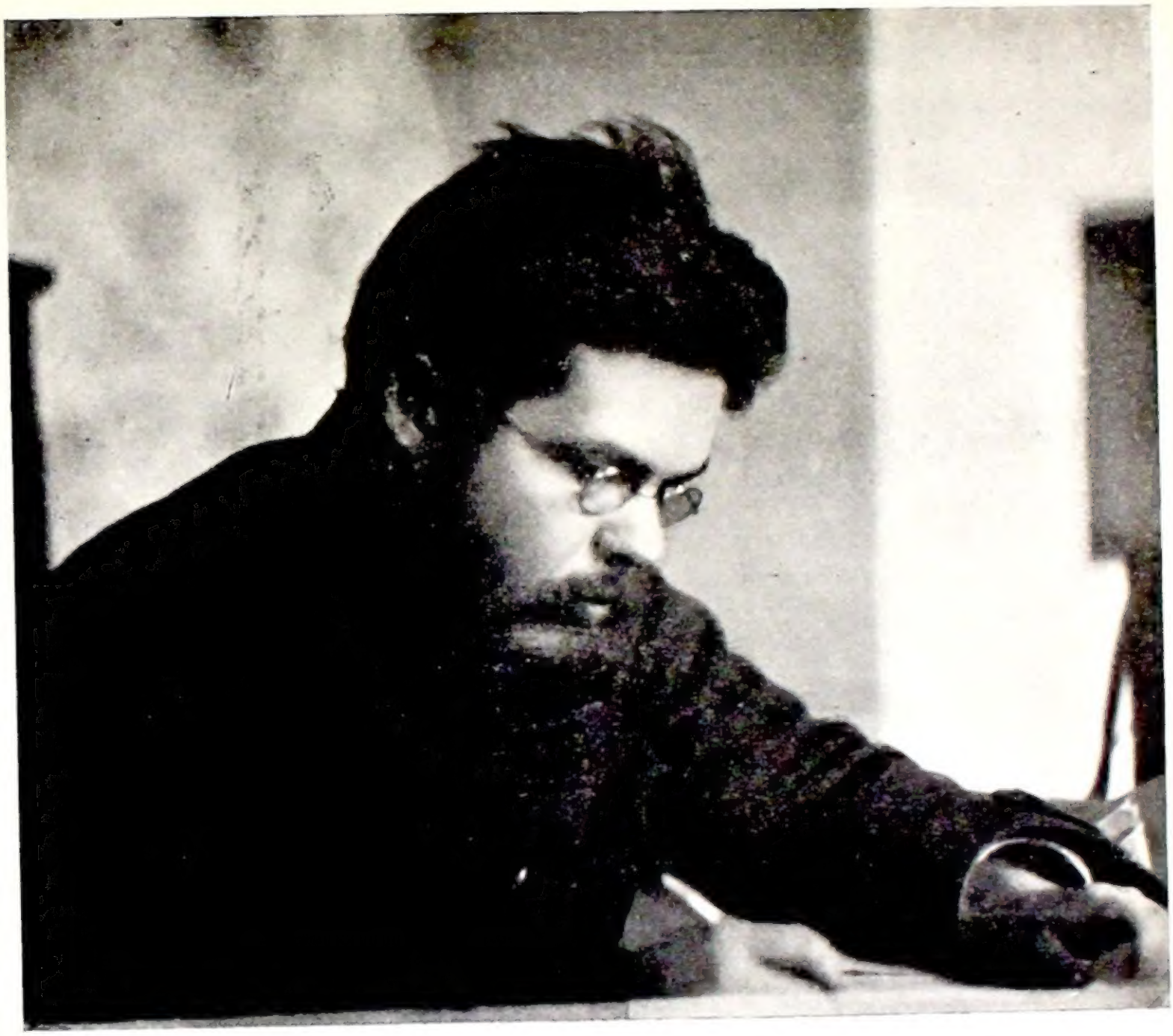
Третья традиция. „Спрашивай, где противник, а сколько его, узнаешь, когда разобьешь".

Иллюстрирую это такой справочкой из истории дивизии. Во время борьбы с Петлюрой мы имели сведения, что у него есть кавалерийская группа некоего Фролова, численности неизвестной, но как тогда говорили, несколько тысяч. Но не пугало это Котовского. Имея пятьсот сабель, он вцепился в противника, наседавшего на 45-ю дивизию, разгромил его, отобрал артиллерию, а потом уже установил, что помимо пехоты, против него действовал и отряд Фролова силою до 2-х тысяч сабель.

Надо, чтобы эти боевые традиции 45-й дивизии были восприняты нашим молодняком, надо, чтобы на этих традициях выковывалась воля к победе, стремление всегда идти вперед!

Председатель Революционного Военного Совета Республики, Народный Комиссар по Военным и Морским Делам

Климентий Ефремович Ворошилов.



Член Революционного Военного Совета Украинского Военного Округа, Народный Комиссар РКИ и Председатель ЦКК Украины (Член Реввоенсовета Южной группы в 1919 году)

Владимир Петрович Затонский.

Организатор 45-ой Дивизии, ныне Командующий Войсками Украинского Военного Округа
Иона Эмануилович Якир.

Иона Эмануилович Якир.

„Каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл". Так говорил великий полководец Наполеон. Для современных буржуазных армий, это лишь красивая фраза, для Красной армии — истинная правда.

Тов. Якир, ныне командующий войсками Украинского Округа начал свою службу в Красной армии в качестве рядового красноармейца. Беззаветная преданность революции, личные качества выдвинули его в ряды первых военачальников рабоче-крестьянской Красной армии.

Первая командная должность тов. Якира—командир китайского батальона. В 8 Советской армии т. Якир впервые с достаточной яркостью проявил свое революционное мужество и военное чутье.

Это было в 1918 году. Краснов собирался с силами, чтобы повести наступление на Москву. Красная армия тогда только создавалась и серьезного сопротивления Краснову оказать не смогла бы. Единственной серьезной преградой на пути Краснова был огромный уголовный отряд авантюриста Сахарова, который все же заявлял себя сторонником Советской власти. Но к этому времени Сахаров решил перебросится на Украину, кое чем поживиться.

Краснову очищался путь. Положение было серьезное. Якиру дан был приказ спасти положение.

Тов. Якир на паровозе, один, прибыл в расположение Сахарова, который встретил его крайне недружелюбно.

Окруженный со всех сторон сахаровской охраной, т. Якир решительно и твердо заявил Сахарову:

— Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет узнал, что вы собираетесь изменить Советской власти. Мне приказано проверить эти сведения и, если это правда, застрелить вас.

Смелые слова Якира подействовали. Сахаров растрогался, согласился перейти в полное оперативное подчинение 8-й Советской армии.

В кровопролитнейших боях под руководством т. Якира сахаровский отряд отражал наступление Краснова.

За сахаровскую операцию тов. Якир награжден был первым орденом Красного Знамени. Это был орден номер два,—первый номер получил Блюхер.

Отход Южной группы. Со всех сторон противник. По селам банды. Кое-кто колеблется, готов впасть в отчаяние. Якир издает свой исторический приказ, дышащий твердой революционной решимостью. Женщин с собой не брать. Слабым духом—оставаться, прорваться во что бы то ни стало.

И сам впереди одной из бригад делает стосемидесятиверстный переход.

Настроение поднимается. Растет спайка и уверенность в успехе. Южная группа свою задачу выполняет.

Ст. Вязьма. 45-й дивизии приказано ехать на питерский фронт. Среди украинских крестьян, еще не совсем освободившихся от партизанщины, начинается злостная агитация:

— Ехать назад, на Украину.

Положение серьезно. Тов. Якир издает приказ, принимает меры—и в одни сутки грузятся на Петроград 36 эшелонов.

Польский фронт. Якир столкнулся с талантливым начальником 18-й польской дивизии, Краевским. Между двумя военачальниками происходит состязание — кто кого. Краевский поставил себе задачей во что бы то ни стало захватить Якира в плен.

Один момент он был к этому очень близок. Польские части зашли нам в тыл. Якир с двумя всадниками оказался отрезанным

Изумительное чутье, умение разобраться в обстановке и на этот раз вывезло Якира.

Быстро сообразив, каково расположение прорвавшихся польских войск, он пробрался к своим, разработал операцию. Через короткое время польские части отступали в панике и сам Краевский еле успел спастись.

Энергичные, яркие приказы, но вместе с тем, непреклонность в их проведении; расстрелы на месте, где нужно, и товарищеская благожелательность, жестокая требовательность к другим и личный пример храбрости и выдержки — вот что характеризует тов. Якира, военачальника, с именем которого неразрывно связана боевая история 45 дивизии.

Блискавицкий.

И. Якир.

Сорок пятая Краснознаменная.

1919 год был годом, когда рабоче-крестьянская Красная армия имела уже много организованных, сколоченных красноармейских частей Ценою огромных жертв и усилий, разрозненные малоорганизованные отряды сводились в Красные полки и дивизии. Со всех сторон окруженная злобными врагами, отбиваясь от них, страна Советов создает регулярную Красную армию. На востоке и юго-востоке эта работа шла быстрее и ушла далеко вперед. На юге еще сплошь и рядом встречались слабо сколоченные, подчас бандитствующие отряды, еще царила вольница—партизанщина. Здесь позднее началась стройка.

Мало кому известны боевые операции, происходившие в 1919 году на юге, особенно на юго-западе, в районе Одессы, Тирасполя, Бирзулы, Рыбницы.

45-я дивизия, действовавшая в этом районе, формировалась из 3-й Украинской армии. Организуясь, сводя в боевые единицы многочисленные полки и отряды, дивизия принимала новый облик. Некоторых командиров приходилось деликатно исподволь обращать в красноармейскую веру. Была развернута большая воспитательная работа среди бойцов. Все части могучей машины были пущены в ход: агитация, раз'яснение, улучшение довольствия и снабжения, заградительные отряды, трибунал, жесткая карательная политика за преступления и предательство, а главное, только начинавший открыто неустанно работать партийный аппарат дивизии.

На этот организационный период дивизия, волею гражданской войны, получила очень небольшой срок, уже через 2—3 недели после сформирования, растянутые ниточкою на три сотни верст полки дивизии, стали раздираться многочисленными наступлениями и с флангов и в центре.

На флангах против дивизии с севера действовал Петлюра, подкрепленный под Жмеринкой галицийскими корпусами, на юге у Одессы,—флот союзников, грозивший с минуты на минуту высадкой белого десанта. В центре тревожили румыны. А весь тыл кишел бандитами, бандами, восстаниями украинских кулаков, немцев-колонистов и т. п.

С этого весьма тяжелого для дивизии периода, мы и исчисляли не совсем правильно начало ее жизни. Родилась то она раньше, но окончательно оформилась и представила из себя сколоченный организм, именно к этому периоду, к июлю 1919 г.

В настоящей статейке я сумею остановиться вкратце на 3-х моментах из жизни 45-й Краснознаменной дивизии.

Через месяц после организации дивизия была поставлена в безвыходное положение. На юге — море, англо-французская эскадра, поддерживающая высадку в районе Одессы белого десанта. За Днестром румыны, то и дело переправляющиеся на нашу сторону и тревожившие нас частыми, мелкими ударами. На севере Петлюра и галичане, в тылу банды, восстания, колокольный набатный звон, разрушенные мосты, нападения на склады, стычки с отдельными отрядами, убийства отдельных товарищей и мелких групп, рисковавших передвигаться в тыловой зоне... И под конец новый „гость" на главной тыловой магистрали, еще остававшейся свободной и, скверно с перерывами, но связывавшей нас с севером, с армией, с управлением, на узловой станции Помощной,—Махно, с его всеразлагающей вольной, бандитствующей армией. В это время Махно был как раз в периоде своего расцвета, он только, что значительно пополнился отдельными частями Крымской армии (позже 58-й дивизии) поддавшимися на его вреднейшую агитацию. Дивизия была окружена со всех сторон, оторвана от какого бы то ни было руководства Находившийся в далеком тылу, в нескольких стах верстах к северу, Киев был занят врагом. Почти одновременно к нему подошли армии Деникина с юго-востока и Петлюры с запада. Там замыкалось второе кольцо...

45-я дивизия должна была уйти из этого тягчайшего положения, она должна была прорываться на север, прорваться на соединение со своими северными братьями с тем, чтобы вместе с ними продолжать тяжелую борьбу с контр-революцией. Положение было тяжелое: неблагоприятный район, наличие Махно, недостаточная крепость парторганизации и недостаточная дисциплинированность командиров, усугубляли и без того тяжелое положение.

Здесь начинается первое славное дело 45-й дивизии. Путь 45-й дивизии, в составе Южной группы, полный отваги и героизма, победными боями, вписавший прекрасные страницы в историю гражданской войны.

Перед ее командирами и красноармейцами-партизанами стояла сложная задача. Как быть? Стоит ли пробиваться на неведомый север, на соединение с далекими северными красными братьями, или оставаться здесь—на юге, партизанить, отстанвать свои родные поля, свои хаты.

Ежели вспомнить, что к этому времени в нашу дивизию входили полки с названиями Тилигулло-Березанский, Приднестровский, Плосковский, Балтский и т. д. и что командовали ими Панченко из Анатольевки, Колосников из Плосково и другие, т. е. ежели понять, что как красноармейский, так и командный состав происходил из приморских приднестровских районов и Бессарабии, то станет ясным, что в решении этого вопроса был заложен ряд трудностей. Трудно было сказать в первую минуту, как поведут себя некоторые командиры-вожаки, если будет отдан приказ двигаться на север.

Нужна была решимость, быстрота в действиях. Помимо огромной работы, развернутой нашей партийной организацией, помимо агитации, пришлось прибегнуть к решительным репрессивным мерам. Для того, чтобы каждый красноармеец отчетливо понял свою задачу и проникся волей к ее исполнению, была написана и широко распространена „Памятка бойца Южной группы".

Сильно она была написана, сейчас пожалуй так не напишешь. Живо и образно эта памятка звала к выдержке, испытаниям, звала к новым тяжелым боям, звала к движению на север, куда пройдут неизбежно бойцы Южной группы, ощетинившись штыками, умирая и побеждая Памятка говорила о могучих северных братьях, на соединение с которыми мы идем, о братьях, которых миллионы, которые неизбежно бьют и разобьют врагов наших и придут на выручку, окруженным противником, бойцам Южной группы. На очень и очень многих памятка оказала огромное решающее влияние. — так в ней было много силы, так много в ней было убеждения в необходимости двигаться вперед на север, к победам.

Приказ о движении наряду с наградами героев, с увеличением жалования красноармейцам, с улучшением довольствия бойцам южной группы говорил и о другом, говорил о смерти для тех, что предадут, колебнутся и попытаются изменить.

Таким образом, путем максимального напряжения нужное настроение было создано и движение началось. Оторвавшись от железной дороги в районе Бирзула-Балта, дивизия двигалась между двумя железнодорожными линиями, по наиболее, казалось бы, невероятному для противника маршруту. Это движение продолжалось двадцать с лишним суток,- двадцать суток непрерывных, неизменно победных боев с деникинскими, петлюровскими, галицийскими частями и отрядами. Мы пожертвовали всем ж /д. подвижным составом, уничтожили большую часть и без того незначительного дивизионного имущества и даже огнеприпасов, резко оторвались от противника и сколоченной группой, компактным кулаком—шли на север, легко ломая встречавшиеся нам по пути линейные кордоны противника. Двигавшаяся группа не

имела никакой связи с другими красными частями, у нас не было ни верного направления движения, ни определенных перспектив. После занятия Киева противником мы даже не представляли себе, где же к северу от Киева задержался красный фронт, где мы сумеем встретиться с нашими северными братьями. Мы даже по радио не могли нащупать какой нибудь свой красный штаб. Тем не менее дивизия шла на север, шла почти безостановочно. Маленький привал, ночевка и снова рывок, скачек верст 30-40 на север. Потери наши были очень невелики, в то же время росла и крепла отвага, выдержка, готовность, если нужно будет—умереть в любой момент. Стремительность и неожиданность наших нападений вызывали растерянность и панику во всех частях противника, встречавшегося на нашем пути. Это же бодрило и веселило наших бойцов, ибо каждый видел, что ежели твердо за руки взяться и сколоченную часть создать, то легко с противником можно справиться.

В этом переходе дивизию вел командир ее Илья Гарькавый и комиссар Николай Голубенко. Справа от 45-й в составе Южной группы двигалась 58-я и остатки 47-й дивизии.

Через двадцать суток беспрерывного движения наша полевая радио-станция впервые восприняла слабые, едва уловимые волны, посланные такой же дивизионной „нашей радио-станцией". До этого момента радио-станция 45-й дивизии развертывалась каждую ночь, после тяжелого дневного перехода и каждую ночь напролет измученные, уставшие радисты безуспешно звали своих, ловили вести от них. И не находила дивизия в воздухе никакого отлика, ей препятствовали все окружающие радио-станции противника, и даже отдаленные мощные станции румынские и другие. Только наши мощные станции в тот период забыли о нас. Ведь им то ничего не стоило дать в воздух телеграммку шифром, или без него, в которой указать бы нам ориентировку, сказать бы несколько слов—держите мол, товарищи, путь на Житомир, на Коростень, или на Киев. Забыли наши высшие штабы нас, а быть может думали, что нет уж нас, что погибли. Факт только тот, что имели они полную возможность из любой мощной радио-станции дать Южной группе точные указания, куда ей, окруженной со всех сторон, держать свой путь. Из могучей станции „Коминтерн", которую ныне слушают сотни тысяч радистов, мы тогда не услыхали этого указания.

Лишь на 21-й день движения, дивизия, при помощи радио, нащупала едва слышимые позывные такой же радио-станции, но полевая радио-станция не берет далеко и поэтому не слышно, не добиться толку... Новый сорокаверстный скачек на север, станция снова развернута и та же близкая родная дивизионная станция-соседка отчетливо разговаривает с нами. Мы сговари-

ваемся с прибывшим на свою радио-станцию старым боевым командиром 44-й дивизии тов. Дубовым. Дубовый указал нам направление на Житомир и сам двинулся нам навстречу. Уверенно бодро дивизия продолжала движение и уже через двое суток мы столкнулись со своими. Радостной была эта встреча—восклицания, слезы, об'ятия, встретившихся после большого перерыва старых друзей бойцов 44 й и 45-й дивизий. У переправы через р Гуйва под самым Житомиром встретились коренастый плотный, со свисающими запорожскими усами, Гарькавый с высоким мощным, бородатым Дубовым. Только крепко пожали друг другу руки, слез не было, но волнение было велико. На этом не кончилось это славное дело. Привыкла и 45-я дивизия и остальные части Южной группы легко и свободно продвигаться по тылам противника, а тылы у белых какие были: армия прошла, а позади по городкам и селам, где один, где два, где пяток стражников и—помещик, кой где возвращается. Ясно, что тыл буквально в неделю начинал по-немножечку волноваться, возмущения наростали и нам красным в этом тылу легко и свободно, и жить, и двигаться, и кормиться можно было. В это время Деникин под Орлом был, стали мы просить у Главнокомандования разрешения Южной группой нанести удар на Киев, пройти через Днепр и двигаться в направлении на Пирятин-Полтаву, с тем, чтобы подрезать наступление белых на Москву. Мы все твердо верили, в то что, обязательно подрежем, что в самом худшем случае для себя отвлечем наиболее подвижные части белых, их конницу и броневые части и тем самым ослабим их удар на север. . Не разрешили нам в конце концов это дело Дважды разрешали, дважды запрещали и приказали грузиться на Вязьму. Мы грузиться стали, но Киев для примера на-коротке все-же захватили, наступать пустили части 58-й и 44-й и только конницей Котовского 45-я дивизия им помогла. Оказалось это дело очень нетрудным, нечем было в тылу держаться Деникину и легко без всяких усилий захватили мы на 2-3 дня Киев. Даже и этот налет, на мой взгляд, имел по тому времени большое значение, подбодрил он бойцов Южного фронта, увидели как не трудно такие дела делать, да и веру в силу Деникина подорвал.

Таково вкратце было первое красивое дело 45-й дивизии. Это дело в бойцах уверенность укрепило, силу и твердую веру в неизбежность общей победы рабочих и крестьян дало во всей их будущей работе.

По выходе из окружения дивизия была переброшена в резерв Главнокомандующего на Вязьму. Отдохнула она немного, пополнила ряды свои, кой как пододелась и бросили ее после этого на Юденича под Питер. Поспела она туда уже к шапоч-

ному разбору, чуть-чуть успела помочь своею 3-й бригадой нашим под Ямбургом, а потом, за ненадобностью под Питером, была вновь переведена обратно на Южный фронт. О том, как шли мы на Питер или вернее, как отказывались отдельные части идти, можно будет написать в более подробном исследовании. Спровоцировали враги отдельные наши подразделения, ну они и заканителили „на Украину" говорят шлите,—свои земли освобождать, а на Питер не хотим, там кошек и собак едят, нечего там нам делать.

Так говорили бойцы спровоцированного Тилигулло-Березанского полка. „Уговорили", однако, мы их дружно, все поехали, с полным сознанием того, что нужно отстоять великий пролетарский Питер и с настроением шли уж таким, что ежели драться за Питер пришлось, дрались бы я в этом нисколько не сомневаюсь, героически. Однако, не пришлось, как я уже говорил, под Питером драться. Грузились мы обратно на юг, на Украину. Здесь на юге снова длинные марши, частые столкновения, неизменное движение вперед, новая встреча с Махно; как и в первый раз, так особенно сейчас Махно не удалось внести никакого разложения в наши ряды. Наоборот дивизия к этому времени уже вполне внутренне дисциплинированная и политически стойкая, сама „разлагала" – вернее оздоровляла махновские банды, отнимая у Махно полк за полком и разоружая те его отряды, которые не переходили на нашу сторону. В этот период Махно—только эпизод. Новые движения тяжелые бои с крепкой группой деникинцев, до последнего момента сохранявшей боеспособность и пробиравшейся от Одессы на Тирасполь и частью вдоль Днестра дальше на север (группа Мартынова и Бредова). И мы снова победители на Днестре, снова дома, на берегах, с которых несколько месяцев всего назад мы начали почти в безнадежном положении отход на север. Сейчас прямо и не сообразишь, как это так случилось, что возвращаясь на Украину в боях с Деникиным так нарезали нам разграничительные линии для дивизии, что совершенно случайно повезло бойцам и вернулись мы на свои старые места.

Тяжелый бой пришлось нам выдержать при самом подходе к Днестру. Я не буду в этой статье останавливаться на захвате Одессы, не буду здесь разрешать спора между Осадчим—командиром 41-й дивизии и покойным Гр. Ив. Котовским. Уверяю только Вас, товарищи, что не без героических действий конницы Котовского занята была Одесса. А из Одессы нашу западную разграничительную линию завернули на Тирасполь и быстрыми аллюрами Гр. Ив ушел из Одессы на Тирасполь. В то же время крупная группа белых в тысяч десять, ушедшая из Одессы на Ольвиополь—Маяки, двинулась на немецкие колонии

Баден—Страссбург и вышла нам в тыл. Быстрыми действиями наших пехотных и кавалерийских частей нам удалось здесь у Лимана задержать движение этой группы наиболее отчаянных белогвардейцев. Они пытались перебраться на румынский берег; румыны, боясь, что следом за ними ворвемся и мы,—встретили их пулеметным огнем, убивали женщин, детей. Вернулись они и после короткого боя эта группа белых вынуждена была сдаться. Это были последние остатки армии Деникина на Правобережьи.

Кадры нашей дивизии состояли из бессарабцев, только огромная выдержка могла заставить дивизию остановиться, не двигаться дальше через прочный лед в свои родные края. Пощелкали зубами, поглядели на свой берег, кавалеристы Котовского помаячали в своих красных шароварах по буграм и... ушли от Днестра. Двинулись в новый поход на польский фронт.

Тяжело начиналась для нас борьба на польском фронте, не знали мы противника и на первых порах учил он нас уму-разуму. Однако, мы быстро с ним познакомились и не так оказался страшен черт, как его малевали. Из большого периода борьбы на польском фронте здесь отметим лишь то короткое время, которое 45-я дивизия работала в составе 1-й Конной армии. После поражения и тяжелого отхода с линии Буга, не успев оправиться, дивизия получила новое ответственное боевое задание. В составе группы Фастовского направления совместно с 44-й дивизией и Днепровской флотилией мы должны были с максимальной активностью наступать от Цветково на Б.-Церковь—Фастов—Киев. Дивизии были потрепаны, пополнения не было, а задача такая —рвитесь на Фастов, обманите противника, пусть думает, что здесь идет конная армия, ведь не может он поверить в то, чтобы разбитые, только что отступавшие дивизии сумели сразу активно и решительно перейти в новое наступление. И несмотря на потери, на пустые ряды, двинулись—ибо подход огромной всесокрушающей лавины конников, идущих легко и уверенно на смерть, вдохнул новые моральные силы, новую отвагу в изнеможденных, ободранных бойцов дивизии.

Вскоре поляки были сбиты и нам пришлось расстаться с своим боевым братом 44-й дивизией. Часто в течение гражданской войны мы воевали рядом с ней и редко боевые товарищи так верят друг другу, как верили во взаимную поддержку и выручку 44-я и 45-я Краснознаменные дивизии. Знали на опыте—не подведут, и действительно никогда не подводили друг друга. После занятия Б.-Церкви и Фастова дивизия была включена в состав Конной армии, теперь ей пришлось поспевать за конницей, не отставать от конных дивизий, двигаться на Броды, затем в Галицию к Львову. Это движение происходило

с огромным под'емом, который поддерживался, главным образом, соседством доблестной нашей красной конницы. Этот под'ем царил в рядах бойцов вплоть до самого Львова.

Один эпизод. За Кременцем, за топкой Иквой рекой есть гора. Название ей—Бужья Гора (Божья Гора , еще в старую войну много русских и германских дивизий легло на кольцеобразных укреплениях, тянувшихся десятком линий вокруг горы. Конники подвижны, бывало нажмет противник на соседа, на конную дивизию, ей иначе нельзя, она снимется и уйдет. Так и здесь было. Нажал в районе Радзилова противник—конный сосед отскочил оголил наш пехотный фланг, а нашему брату пехоте быстро взад-вперед мотаться невозможно. Вот и оказались мы во временном окружении: на юге—гора, занятая противником, к северу—железная дорога, по ней бронепоезда противника ходят, сзади Иква, а соседи-конники исчезли. Мы то знаем, что исчезли они не надолго, что соберутся, оправятся и сейчас же на выручку нам, но противник не ждет, бьет. Положение тяжелое. Однако, выдержки было много, могучий порыв, скопом навалились на гору, сбросили оттуда поляков и дивизия уже на Бужьей горе.

Двое суток отсиживались мы на этой горе, за проволокой, отбиваясь от наседавших поляков, на третьи сутки на нас начали наступать большие конные массы. Мы ведем огонь И поздно замечаем, что кой где у конницы развеваются Красные знамена, оказывается свои—выручка. Сначала некоторая злоба, понятная горечь, скорбь о зря погибших от наших пуль товарищах. Потом незабываемый момент. Буденный построил конную армию и перед строем ее пропустил небольшую потрепанную, худо одетую, но крепкую стрелковую дивизию. Могучее ура, шапки в воздухе, и общий крик „пусть здравствует наша Красная пешка". В основе этого возгласа лежал подлинный восторг от совместной боевой работы. Несколько пренебрежительное слово „пешка" не могло ослабить силы и значения огромного под'ема. И так до Львова, в котором мы не были, но который мы видели из Винников, что в 6-ти от него верстах.

Все до сих пор написаннос, только незначительные, неполные отрывки из жизни 45-й дивизии. Нет в этой статье того, что должно было бы оживить ее, нет людей. Ни тех людей, что командовали, вели, воспитывали и сплачивали красноармейские ряды полков, ни тех, что составляли ее многотысячный красноармейский организм. 45-я дивизия за жизнь свою недолгую дважды сменила всех своих полковых руководителей, они погибали в упорных боях с врагами революции. О них нужно особо писать, ибо каждый из них, начиная с наиболее прекрасного Григория Котовского, через помощников его Уль-

риха, Няги, через пехотных командиров полков Попы, Старого' Скляр-Коваль, Криворучки и многих прочих погибших бойцов' был героем, вспоминая которого можно и должно учить и воспитывать молодых рабочих и крестьян, подготовляя их к грядущим и неизбежным боям с капиталом.

Только ли красивое и хорошее было в истории 45-й дивизии. Ясно, что нет. Были и недочеты. Была подчас слабость дисциплины, некоторый анархизм, отскоки,—все это было особенно в первый период войны. Но оглядываясь на весь путь, пройденный дивизией, приходишь к твердому убеждению, что благодарность рабочего класса—почетное Красное знамя Центрального Исполнительного Комитета было получено дивизией по заслугам.

Весь период гражданской войны 45-я дивизия верно служила рабочему классу, верно служила революции. Многие и многие смерти лучших ее командиров и бойцов—яркое доказательство этой верности. Славное и героическое прошлое дивизии—лучший залог ее славного боевого будущего.

Илья Иванович Гарькавый.

В числе первых революционеров - бессарабцев, отходивших под давлением захватчиков румын, был Илья Иванович Гарькавый.

Тов. Гарькавый — незаможный крестьянин Мусианковых хуторов, Екатеринославской губернии. С малых лет он успевал и пахать, и пасти коров и овец, и учиться

Я знаю Гарькавого по дивизии. Он прибыл в 45 дивизию почти в одно время с тов. Якиром. Будучи назначен пом. начдива 45, как человек неутомимой энергии, с большой инициативой, с железной волей, он вынес всю, тяжесть организационной работы по созданию 45 дивизии. Работоспособный и усидчивый, Илья Иванович умел заставить всех работать, никто не имел права подумать об отдыхе, ибо никто не видел его самого отдыхающим, — подлинным отцом дивизии был он, поистине „батько".

б. Начдив 45, ныне Начальник Командного Отдела Штаба РККА
Илья Иванович Гарькавый.

Никто в дивизии не знал так всех больных сторон ее, как тов. Гарькавый. Все знали, что если он выезжает на смотр или в передовую линию, то уж не глянет свысока и уйдет обратно. Нет, уж обязательно рассмотрит все закоулки и тут же сядет — покажет полковому ад'ютанту, как нужно вести канцелярию, начпулькоманды—как смазывать пулеметы, обозному, как нужно запрягать „коняку", чтобы не побить холку и т. д.

Все красноармейцы знали и любили его—своего близкого начальника. Тов. Якира каждый раз высшее командование отрывало на высшие соединения, а его всегдашний заместитель был всегда в дивизии.

В Южной группе он командовал 45-й дивизией и красноармейцы тогда говорили:

— Наш „Гарьканов", хоть долго крутит свой длинный „вус", но уж, если раскрутит и шандырахнет какого-нибудь противника, то противник крутится и катится так, что и нагнать нельзя.

В великом Южном походе он на-ходу, налету создавал и укреплял ряды 45-й дивизии. В самые трудные минуты, когда части, оторванные друг от друга, не имея связи, окруженные, отбивались от всех противников, когда в частях не хватало патронов, не было жратвы, — все знали, что, где есть Гарькавый, там в нужную минуту и патроны

будут, и испортившееся орудие заменят, и жратвы подвезут. А если молодые головы, хотя бы из начальства, зарывались, Илья Иванович и на них сумеет вылить маленько холодной воды, чтобы, значит, „не дуже того"...

Бои с деникинцами и поляками показали этого спокойного, выдержанного начальника во всю ширь, — его огромная, личная храбрость, уверенность, вносили всегда спокойствие в ряды его красноармейцев и младших командиров.

Прекрасный боевой начальник, организатор и хозяин. Ему лучше всего известны все нужды красноармейца, с какой внимательностью и любовью он относился к каждому из „хлопцев", как он их сам называл — должною любовью отплачивали ему — да, и не любить такого начальника трудно.

О. Яковлев.

И. Гарькавый.

ЕЕ ПУТЬ.

Трудная и непосильная задача перелистать всю книгу славной истории 45-й Краснознаменной дивизии.

Два года боевой страды на разных фронтах, год борьбы с бандитизмом и трудовой работы, шесть лет мирной учебы — вот главнейшие этапы на длинном пути 45-й.

1919 год. Юг. Район Одессы—Тирасполя. Бушующая стихия партизанщины и бандитизма. Июнь месяц. Ликвидирована авантюра Григорьева. В это время из партизанских отрядов Одесщины, Бессарабии и Приднестровья родилась 45 дивизия. 23 июня она получила номер „сорок пятый" и вошла в состав 12 армии.

Тяжелое испытание выпало на долю дивизии, окруженной уже к концу августа со всех сторон врагами. И первый свой боевой закал она получила в Южном походе. Двадцать дней боевого марша в окружении, в кольце, без связи с высшим командованием — на соединение с красными частями, на север. Все слабое, неустойчивое, случайное, отстало. Все здоровое, революционное, сознательное, полное веры в победу шло в составе дивизии на север. Это они послужили тем кадром, который обеспечил и создал дивизии славное имя и победы на всех фронтах.

Бойцы дивизии имели большую честь помогать рабочим-питерцам, застрельщикам Октября, — защищать „великий город — коммуну" от набега Юденича.

В этом же 19-м году дивизия вновь была возвращена на юг, на Украину добить Деникина.

В начале 1920 года, пополненная российскими рабочими и крестьянами, дивизия, проделав маршманевр от Глухова, заняла свой прежний район Одесса—Тирасполь—Раздельная. Деникин разгромлен. Выявляется новый враг — польские паны.

Борьба с бело-поляками длительная, упорная, тянется почти на всем протяжении 20 года. Бойцы дивизии вписали тогда немало героических страниц в историю гражданской борьбы.

И, наконец, в ноябре 1920 года частям дивизии пришлось ликвидировать последнюю авантюру врага, выпустившего из-за кордона Петлюру с его сподвижниками. Здесь нельзя не вспомнить славных дел нашего соратника тов. Котовского, с его Бессарабской бригадой, входившей тогда в состав 45 дивизии. Разгром Петлюры был последней блестящей страницей в боевой жизни дивизии.

24 ноября 1920 года заканчивается боевая служба 45-ой. Дивизия переходит на мирное положение испытанной, проверенной в жестоких боях, спаянной кровью лучших многих своих бойцов.

Дивизия побеждала, но знала и поражения. Но уныния и растерянности в ее рядах не бывало. Временные неудачи сменялись новыми победами. Каждый боец ждал случая, когда ему придется вновь встретиться с противником и исправить свою невольную ошибку. Боец дивизии знал своего командира, своего военкома и политрука. Взаимная поддержка, выручка воспитались в боях. Предательства дивизия не знала, а с отдельными трусами, шкурниками расправлялась со всей суровостью.

На мирном положении, бойцы дивизии сохранили свой закал, свой опыт и высокую сознательность. Дивизии легко было приспособиться к новым условиям. Все свои силы, уменье и знания она приложила на фронте трудовом: укрепление Советской власти, восстановление разрушенного хозяйства, вывозка хлеба, сахара и одновременно борьба с бандитизмом, а в свободный час—занятия, учеба.

В 1921 году дивизия наполовину уже в казарме, к концу 22-го года, в 23-м году она уже вся в красной казарме, в большом украинслом центре, в Киеве. Все больше и больше времени выкраивается для учебы, для подготовки молодого бойца, командира и политработника.

Состав дивизии коренным образом изменился. Много лучших, испытанных бойцов осталось на боевом пути дивизии. Немало оставшихся в живых, прекрасных бойцов рассеяно по обширной территории СССР. Боевая школа для них даром не прошла. Они—лучшие работники села, города, руководители советских, партийных организаций, директора фабрик и заводов. Но их взоры—всегда в сторону 45. Мы их знаем, знаем, где они, и что делают. Мы слышим от них: настанет час и мы будем с вами, в ваших рядах. Это—наше богатство.

Тесная связь завязана не только с нашими ветеранами, старыми бойцами, но и с новыми бойцами, прошедшими школу учебы уже в мирной обстановке и отпущенными уже по домам. С ними у нас также налажена связь и это—ценный багаж.

Нити связи протянуты к рабочим и крестьянам, ко всем трудящимся, с которыми дивизия встречалась на протяжении пяти лет своего существования. Мы уверены, что проклятий по нашему адресу они никогда не посылали и не пошлют. Красноармеец 45-й умел себя держать, он знал, что призван защищать трудящихся. Хулиганщины, озорства, тем паче бандитизма, в своих рядах дивизия незнала.

Старик! Вас—единицы в дивизии. И тем больше, тем сложнее твоя задача. Ты должен передавать боевые традиции дивизии каждой новой смене, ты должен воспитывать и подготовлять новых бойцов, достойных славного прошлого дивизии и памяти ее лучших героев!

Молодой командир и политработник! Все ли ты сделал для того, чтобы изучить историю дивизии? Знаешь-ли ты ее традиции? Молодой боец ждет, что ты его на опыте прошлого научишь, как драться, чтобы победить.

Молодой боец! Ты должен знать славное боевое прошлое дивизии, ее традиции. Полюби свою дивизию, гордись своей частью. Твои предшественники сделали ей славу. Лучшие герои, умирая, завещали тебе продолжать их дело. Учись и будь готов! Крепко держи винтовку в своих руках и зорко охраняй свои красные боевые знамена!

Наши вдохновители и основатели —бессарабцы! Где вы? Послушайте, мы о вас не забыли так же, как не забыли угнетенной Бессарабии, откуда вы, вместе с некоторыми из нас, ушли в 17—18 годах. Вместе с вами мы лелеем надежду, что близок час, когда угнетенная Бессарабия сделается рабоче-крестьянской республикой.

Рабочие и крестьяне! Мы подводим итоги, отмечаем пройденный путь. С полной верой в близкую и окончательную победу над мировым капиталом, мы заявляем:

Работайте, восстанавливайте наше трудовое хозяйство—ваши часовые на своих постах. Они учатся, как с наименьшими трудностями скорее победить.

Коммунистическая партия, выделявшая лучших, храбрейших бойцов в дивизию, цементировавшая ее—по первому твоему зову боец дивизии

всегда готов

выступить на последний и решительный бой.

Из партизанского периода.

Ниже мы даем выдержку из собственноручной рукописи основателя партизанского отряда еще в 1918 г., отряда, потом вошедшого в состав 135 Тилигулло-Березанского полка.

Выдержку из рукописи помещаем с сохранением орфографии и стиля.

Как мы организовались.

„Приступая к письменному об'яснению обо все нижеизложенном, я хочу охарактеризовать прежде всего свою биографию, кто я таков и какого происхождения. Я сам уроженец Одесской губернии, Коминтернского райисполкома—(быв. Антоно - Кодинцевского) деревни Антоно - Кодинцево. Сословие из крестьян Имущественное положение мое—незаможник. Род занятий —хлебопашец. Родители мои были помещичьи батраки. Образование мое—самоучка. Родился в 1881 году 26 сентября.

В 1917 году, в последних числах, я прибыл с фронта империалистической войны, где я был три с половиной года. Видя всякую несправедливость от старого правительства, напитавшись революционного духу немного на фронте, так как тогда был переворот везде и всюду решил я отомстить буржуазии за мои поруганные права и права рабоче-крестьянского угнетенного пролетариата. Отыскав в своей деревне старых товарищей-революционеров еще с 1906 года, мы подобрали человек 17 товарищей более сознательных крестьян и организовали большевисткий подпольный комитет. Распределили между собой фунции. Я начальником - организатором боевых подпольных дружин. Сделав собрание нашей организации у меня на квартире, выработали повестку дня, что нужно нам первым делом делать. Повестка дня была такая. Вопросы первый—свергнуть монамент *) царя освободителя, 2) взять в свои руки земское Антоно-Кодинцевское волостное правление и ликвидировать старые дела, 3) Разоружить местную варту, 4) Разоружить немцев-колонистов, 5) Сделать манифестацию по селу с красными знаменами, 6) Вербовать добровольцев в боевые дружины, 7) Водрузить красное знамя на волости. Повестка дня была принята единогласно.

В дружину начали записываться охотно, узнав значение дружины от наших ораторов. Мы потом стали искать связи с прочими волостями. Волости охотно откликнулись на наше предложение. Только батраки и беднейшее крестьянство. Потом к нам прислали свою делегацию во главе с партейным работником т. Марком Потриваевым, Анатолиево-Тузловский подпольный ревком.

Они пригласили нас на подпольный с'езд. Мине как раз припало быть в нашей делегации на с'езде.

В 1918 г. в нашем районе начали оперировать белогвардейские банды и петлюровские. Тогда мы решили преследовать эти банды. Я командовал тогда Антоно-Кодинцевским партизанским отрядом, начал делать блокаду Вознесенской

*) Монумент-памятник.

Организатор Подпольного Анатальево-Тузловского Ревкома.
Один из организаторов Тилигулло-Березанского Полка
М. Потриваев.

столбовой дороге, по которой проходил транспорт продовольствия, беря сколько нужно для отряда, а остальное раздавал я населению. Узнав, командование доброй*) армии выслало к нам добровольческий конный отряд, чтобы нас проучить и ликвидировать. Об этом узнав, одесские рабочие предупредили нас, чтобы мы были готовы к отпору. Мы приготовились и отряд приехавший потом в село, под свисты и крики селян, которых он собрал на сходку, уехал не солоно хлебавши.

Селяне говорили уезжайте себе по добру по здорову, пока Ваша голова на вязах цела, мы умрем все как один с оружием в руках, не выдадим Вам ничего, а отряд хотел, чтобы селяне выдали нас партизан. Рабочие Одессы узнав, что у нас есть продовольствие прислали своих представителей с города Одессы пересыпского района, чтобы мы им отпустили. Мы им не отказали, выдали в долг 500 пудов муки. О существовании нашей организации узнал Петлюра, прислал своего нарочного с приглашением наших представителей на с'езд у Елисаветград.

Когда были там представители наши, Петлюра им заявил, чтобы наша организация со своим штабом прибыла в его распоряжение или же когда он будет наступать на Одессу, то чтобы мы его поддержали наступлением со своей стороны. Делигация отклонила его предложение, ссылаясь на людей, не зная каково их будет мнение и согласие. И он решил выждать ответа. По приезде нашей делигации на место и когда делигация сообщив нам о его требований, ему было категорически отклонено".

Иван Ефимов Овчаренко.

На этом мы обрываем рукопись тов. Овчаренко.

*) Добровольческой белой армии.

Озерянский

Против греков и румын.

Весна 1919 года. После долгих боев Тилигулло-Березанский партизанский отряд приближается к родному лиману.

Противник (греки) расположился в хорошо сооруженных окопах, чуть ли не в блиндажах. У него около 700 человек. Они охраняют правое крыло своей наступающей группы и примыкают к берегу Черного моря. В нашем отряде один пулемет и одна пушка без прицела. А весь отряд—100 человек и каждый боец снабжен лишь 5 патронами. Что мог сделать маленький отряд тилигулло-березанцев, против численно превышающего его, и хорошо укрепившегося врага?

Но бойцы горели желанием итти вперед и ничто не могло удержать храбрецов.

Вот пехота и горсточка кавалерии в 13 сабель с пулеметом брод переправляются на другой берег. Нападают на греков, разбивают их и берут 300 пленных, много винтовок, пулеметов; остальные, бросив все, убегают, сея панику среди своих соседних частей.

— Наступает несколько тысяч большевиков, — крича убегают греки.

Куда девать 3 сотни пленных и захваченные трофеи?

Налет на Бендеры

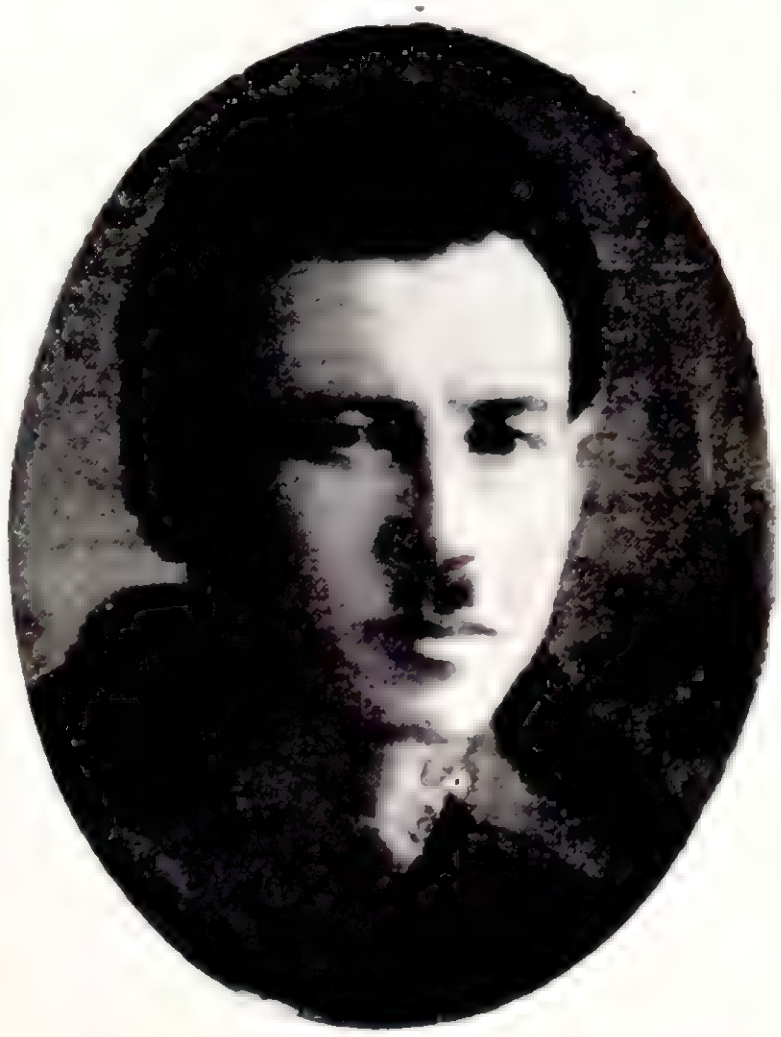
В последних числах мая 1919 г. из нашей тогда 3 бригады выделили маленький отряд для вылазки в гор. Бендеры.

Переправа через Днестр на румынский берег предполагалась около села Парканы у взорванного желдормоста, где Днестр глубок и широк. Противник занимает командующую над местностью сторону. С его берега в простой бинокль видно, что творится у нас, да и сам берег, заросший кустарником, очень крут и высок.

3 часа утра. Светало...

Отряд в 150 человек, при двух пулеметах Льюиса, собрался на берегу, приготовив 8 плоскодонных лодок для переправы.

Нам было известно, что в гор. Бендеры много войска, но сколько именно, мы не знали. Как впоследствии выяснилось, гарнизон города был равен одной дивизии численностью до 4000 человек и состоял из французов, польских легионеров и румын.



б. Военкомбриг 135, т. Озерянский.

В первую лодку садится комбриг тов. Черников, я и пулеметчик с ручным пулеметом. Поехали вперед. Когда приблизились к румынскому берегу, от нашего берега оторвалась вторая лодка с 5 кр-цами, третья, четвертая... Приехавшие вскарабкались на крутой берег, держась за кусты. Послали разведку. Скоро она вернулась и из расспросов жителей прибрежных домов узнала расположение противника.

6. Комбриг 135 т. **Черников**.

Бендерский гарнизон спокойно спит в казармах, ничего не подозревая: румыны уверены в своей силе и невозможности нашего наступления в данном пункте. Тогда уже переправилось на лодках около 60 человек.

Весь отряд мы разделили на 2 группы: одна под командой комбрига тов. Черникова пошла штурмовать крепость, а другая под моим руководством двинулась на казармы и полицейское управление, находившееся близ казарм.

Вот казармы. Выстрелом из нагана снят часовой и в казармы брошено несколько больших гранат. Поднялась страшная паника. Зуавы и французы начали выскакивать из казарм и сдаваться в плен. Ведем наступление на полицейское управление. Захватываем его. Некоторых расстреливаем, а некоторых берем с собой, в том числе начальника прибрежной сыскной полиции Попеско.

В крепости такой же успех. Гарнизон ее сдался без боя и через какие нибудь полтора часа у нас на берегу скопилось около 2000 пленных. Их мы на лодках переправляли на свой берег.

В городе наших бойцов очень тепло встречали жители.

Нами была взята масса трофеев, пулеметы, автомобили, военное имущество. Все это мы сложили на Бендерском берегу, но перевезти уже к себе не успели, ибо французское и румынское командование, оправившись от паники и получив подкрепление из ближайшего расположения своих воинских частей, большими силами повело на нас наступление.

Наша горсточка, насчитывавшая не более 45 человек (у нас 2 убили и 12 человек оказалось ранеными в уличных боях), не могла выдержать и под сильным артиллерийским и пулеметным обстрелом начала переправляться на свою сторону. Вылазка дала нам 250 пленных, из них несколько офицеров и один пулемет, который успели мы перевезти раньше.

Озерянский.

А. Гринштейн.

О своих и чужих.

45 дивизия выделилась из 3 Украинской армии. Что собой представляла эта армия—трудно сказать. Во всяком случае на регулярную армию она была мало похожа. Политически невоспитанные, органически не порвавшие еще с григорьевщиной, части 3 армии представляли собой совершенно сырой и необработанный материал. Командный состав был также очень слаб. Среди них были и скрытые петлюровцы, как Савицкий (впоследствии кажется, судившийся в Одессе в ОГЧК) и явно бандитский элемент, как например, Живодеров, командир бригады.

Настроение красноармейской массы было в общем боевое, но отсутствовала дисциплина и политическая сознательность. Так, в Поарм нередко поступали донесения, что кр-цы срывают вывески Исполкомов в Ольвиополе, Дубосарах и других местах, говоря, что это „жидовские" вывески, что там готовят для крестьян „комунию' и т. п.

Эти факты тем более интересны, что в дальнейшем после известной политической обработки, эти же части, побросав свои хаты, с песнями пошли пробиваться на север, через вражескую стену на соединение с советской Россией и той самой „комунией", которая так отпугивала их в начале.

Для всех было ясно, что 3 армия должна быть почищена и реорганизована. Такого взгляда придерживались назначенные туда членом РВС тов Левензон и я, назначенный Начпоармом. Нас энергично поддержал в этом член Реввоенсовета 3 армии т. Голубенко.

Положение в общем было тяжелое. Впереди румыны и очень протяжная линия Днестра, которую нужно было оборонять; позади—григорьевщина, восстания, неурядицы. А ко всему этому опасность заражения наших частей григорьевскими настроениями.

Вспоминаю свое первое знакомство с частями 3 армии.

Как то ранним летним утром, мы с т. Левензоном отправились смотреть наши части, расположенные у Днестра. Вошли в Парканы (недалеко от Тирасполя). Предложили местному командиру построить свои части. Вскоре собралась толпа красноармейцев, непостроенных, плохо одетых и обутых, еще хуже дисциплинированных.

Первое впечатление было очень невыгодное. Однако после небольшой беседы выяснилось, что перед нами хороший людской материал. Все кр-цы пришли воевать добровольно. Все знали, что они идут бороться за свою власть, за рабоче-крестьянскую. Выяснилось в особенности то, что эта красноармейская масса готова была бить румынских бояр в любое время и при любых условиях. Для меня тогда же стало ясно, что исход борьбы будет зависеть не только от винтовки, но и от того, сумеем ли мы политически отшлифовать эту бунтарски настроенную крестьянскую массу.

Но успеем ли мы это сделать?,—выразил мне свое сомнение тов. Левензон, когда мы с ним возвра-

щались из Паркан. Как бы в подтверждение его мысли с румынского берега залаяли мортирки. Румыны, заметя нас или по другой причине, стали осыпать дорогу снарядами. Выпустив десятка полтора снарядов они успокоились и мы благополучно добрались до своих лошадей.

. . . . . .

Прекрасный солнечный день, а в голове мучительный вопрос: „Что-то будет впереди?".

А впереди действительно были тучи.

. . . . . .

Вскоре приехал тов. Аралов. Мы представили ему проект реорганизации армии, который был им в целом принят. Армия была расформирована, из ее состава была выделена 45 дивизия. Предложенное нами размещение должностей также было принято тов. Араловым: тов. Якир – Начдив, тов. Голубенко—Военкомдив, тов. Гарькавый—Начштаба, я—Начподив, Левензон—Военкомбриг и др.

Так, летом 1919 года, начала свое существование 45 стрелковая дивизия, вписавшая не одну славную страницу в историю нашей Красной армии.

Кто они и откуда пришли

Прежде всего пару слов о том руководящем командном и политическом ядре, которое создало дивизию, воспитало и провело ее через огонь гражданской войны.

Как и во многих боевых частях первого периода гражданской войны—это ядро состояло не из случайных лиц, а из хорошо сколоченной группы, спаянной между собой общей борьбой. Для руководящего ядра дивизии это была борьба против контр-революции в Бессарабии.

К этой руководящей организационной верхушке, включая и пишущего эти строки, принадлежали Гарькавый, Якир, Левензон и Голубенко. Эти товарищи, за исключением Голубенко, прибыли на Украину из 8 и 9 армий. Другие командиры и политработники, сыгравшие в периоде организационного строительства дивизии большую роль, как Котовский, Ракитов, Чихчавадзе (последнего и первого уже нет в живых) и некоторые другие, влились в 45 дивизию из расформированных частей 3 армии. Только немногие из них не были связаны по своей прошлой работе с Бессарабией. Большинство же были активными работниками Бессарабии в период между февральской революцией и оккупацией Бессарабии румынами. Тов Гарькавый, бывший председатель Кишиневского Исполкома СРК и СД, пишущий эти строки тов. председателя Исполкома и одним из руководителей профдвижения в Кишиневе, Левензон—Комендант города Кишинева и начальник гарнизона, Якир—один из руководителей революционной молодежи и активный организатор первых отрядов Красной гвардии в Бессарабии. Котовский—популярный среди Кишиневского гарнизона работник, член армейского комитета 6-й армии.

То обстоятельство, что большинство актива дивизии, по своей прошлой деятельности, связано между собой общей работой в Бессарабии, наложило своеобразный отпечаток на судьбу и традиции 45 дивизии. 45 дивизия все время (по крайней мере первые 3—4 года) была притягивающим центром для всех бессарабских политических эмигрантов, всех крестьян и рабочих, бежавших на Украину из под ярма румынских бояр. Все они тянулись к 45 дивизии, считали ее своей, родной, бессарабской. Дивизия всегда имела определенную тягу к Днестру. Где бы она ни стояла, всегда жила мечтой „на юг", „на Днестр".

Было еще одно обстоятельство, которое делало 45 дивизию притя-

гивающим центром для бессарабцев,—это наличие в дивизии нескольких полков, составленных почти целиком из Хотинских повстанцев, которые восстали против румынских оккупантов и были вынуждены тысячами бежать на Украину в конце 1918 года.

Кто же наши командиры? Вот коротенькая справка. Якир—бывший студент, в старой армии не служил. Гарькавый—подпоручик военного времени, по профессии—народный учитель. Левензон—бывший ефрейтор старой армии—служащий. Голубенко (кстати сказать, он был больше командиром, чем комиссаром), рабочий-металлист, в старой армии не служил. Котовский—кавалерист старой армии, кажется в каком-то младшем чине. Не буду перечислять стаж остальных командиров. Огромное большинство наших командиров не имело специального военного образования. Они были просто революционерами.

Несколько подробнее я хотел бы остановиться на двух наших командирах: т. Якире и тов. Котовском.

...Помню в одно весеннее утро я сидел в штабе Тираспольского отряда и в раздумьи приводил в порядок какие-то бумаги. Румыны производили свой обычный обстрел города. Выстрелы как-то особенно резко падали в мягкую тишину весеннего утра. Дело было в Тирасполе, в начале 1918 года. Из моего раздумья вывел меня необычайный посетитель. Вошел какой-то невероятно грязный и оборванный китаец и стал мне о чем то оживленно рассказывать. После долгих трудов, мне удалось уловить несколько русских слов, из которых можно было догадаться, что румыны на противоположном берегу не весьма любезно обошлись с его товарищами китайцами.

Было смешно видеть его гримасы и прыжки, которыми он иллюстрировал свои мысли. Но было ясно, что дело идет о мести и о желании служить в Красной гвардии, и не его одного, а всего его „войска". Не верилось, что из этого, что либо выйдет, но решено было посмотреть это „войско". Дело взял на себя тов. Якир, тогда еще 22-ти летний юноша. Не помню уже деталей этого китайского вопроса. Помню только, что через короткий срок отряд китайцев (около 600 человек), был сформирован тов. Якиром.

Отряд был направлен на охрану так называемой старой Тираспольской крепости, расположенной против Кичкинского монастыря. Якир был назначен командиром отряда, при чем китайцы звали его не командиром, а капитаном. Когда я однажды пришел посмотреть новое „войско" (кстати сказать очень преданное) тов. Якир с улыбкой представился:

— Капитан китайских революционных войск.

Так началась военная карьера одного из наших боевых командиров. Капитан китайских кули через короткое время стал комиссаром, так называемой, Южной завесы, членом РВС армии, начальником дивизии, а затем командиром корпуса и на сегодня Командующим Украинским Военным Округом.

Не будучи сам военным, тов. Якир прошел хорошую школу гражданской войны, учась на ходу, обнаруживая всегда решительность, выдержку и живую хватку обстановки и условий гражданской войны.

Не менее интересна военная карьера другого нашего командира тов. Котовского. О судьбе тов. Котовского ходят разные легенды. Многие из них имеют под собой вполне реальную почву. Он сам нам часто рассказывал о себе и мы всегда с неизменным интересом и вниманием слушали его захватывающие рассказы о необычайных приключениях в своей жизни. Тов. Котовский был в свое время бун-

тарем-одиночкой революционером. Не связав своей судьбы с определенным классом, он пошел по пути атаманства.

Славный командир кавбригады 45 Дивизии в боевые дни, командир кавалерийского корпуса Григорий Иванович КОТОВСКИЙ (убит в 1925 году).

В прошлом тов. Котовский производил набеги на помещиков, беспокоил их, брал имущество и раздавал бедным крестьянам. Здесь, в армии, в революционной обстановке, он быстро находит себя, находит применение своему бунтарству и неугомонной энергии, отдавши себя целиком служению революции.

Я не помню своего первого знакомства с тов. Котовским, но помню хорошо, как он стал красным кавалерийским командиром. История эта хотя и не „китайская", но не менее своеобразная. Котовский, вместе с отступавшими советскими войсками из Кишинева, в январе 1918 г. попал в Тираспольский отряд. Своим легендарным прошлым, могучей фигурой и своеобразным ораторским даром, обнаруженным им еще в Кишиневе на уличных выступлениях в 1917 г., когда над городом одно время нависла угроза погрома, Котовский не мог, конечно, не привлечь к себе нашего внимания. Ему было предложено (или он сам предложил, точно не помню) сорганизовать кавалерийский отряд. Он согласился, но при этом заявил, что навербует отряд из своих людей. Скоро у Котовского вырос небольшой кавалерийский отряд, очень хорошо экипированный. Отряд этот на первых порах выдвинул группу хороших лазутчиков, которые очень беспокоили румын.

Первый кавалерийский опыт т. Котовского не совсем оказался удачным. Помню, однажды вечером, в наш вагон, вошел тов. Котовский очень сконфуженный. Это было уже после отступления из Тирасполя, и заявил, что его отряд единогласно постановил демобилизоваться, конечно, забрав с собой и лошадей, и обмундирование, и вооружение и все прочее имущество. Дело было кажется, около Вознесенска. Конфуз тов. Котовского был настолько силен, что он заявил о своем решении покинуть нас и остаться на Украине в подполье. Мы дали свое согласие и Котовский на время ушел из нашей группы.

Позже, в 1919 году мы с ним снова встретились и, как ни сомнительны были его первые военные опыты, единогласно решили назначить его командиром одной из бригад 45-й дивизии. Военные способности тов. Котовского быстро развернулись в борьбе с петлюровскими войсками. Через некоторое время он был назначен командиром кавалерийской бригады, одной из лучших конных частей наших украинских армий. После он был назначен Начдивом кавалерийской, а затем командиром корпуса. Отличительными чертами тов. Котовского, как командира, всегда были большая личная храбрость, силь-

ное влияние на массу и уменье действовать всегда решительно, с увлечением и темпераментом.

„Попутчики".

Мне хочется остановиться на нескольких своеобразных фигурах, наличие которых в дивизии подчас сводило на нет всю нашу политическую работу. Я говорю об искателях приключений, чтобы не сказать больше, которых тогда немало было в наших частях. Я остановлюсь только на 3-х: на Живодерове, Стародубе и одесском воре-налетчике Мишке Япончике.

С Живодеровым я познакомился в первый же день моего вступления в должность Начпоарма. Помню, я сидел у себя в кабинете. Кстати сказать весь кабинет состоял из огромной пустой комнаты, одного не совсем исправного стола и двух стульев.

Неожиданно распахнулась дверь и в комнату не вошел, а влетел высокий чернобородый с живыми черными глазами человек, со знаменем в руках. Не замечая меня, он стал посреди комнаты и начал что-то вычислять на знамени.

— Вы кто такой и что вы здесь делаете?—спросил я.

Он быстро повернулся ко мне и гордо заявил:

— А знаете ли вы, кто я?—и почти не ожидая ответа внушительно проговорил:—„Я Живодеров... Понимаете?..."

Когда я ему все же предложил уйти, он был очень удивлен. Видно было, что он к таким приемам не привык!

Я вызвал к себе работника из Поарма и стал расспрашивать о Живодерове. Товарищ чуть ли не шопотом сообщил мне, что с Живодеровым нет сладу и что все его боятся, при чем слово „все" он как-то особенно подчеркнул. Позже я имел возможность познакомиться со стратегическими способностями Живодерова. Он об'яснял кому то план своих действий. Сверкая черными глазами и, вытянув свою широкую ладонь, он восторженно и убедительно показывал:

...— Вот тут (на правой части ладони), неприятель, вот тут (на левой части ладони) моя бригада. Тут артиллерия, там кавалерия, а я вот здесь...

И он с силой захлопнул ладонь, показывая, как их всех пристукнет. По этому поводу, знающие его работники, говорили, что Живодеров не особенно любит карту, которой он предпочитает свою ладонь. Так или иначе Живодеров никому не подчинялся и нам пришлось порядочно повозиться, прежде чем удалось выставить его из переформированных частей армии.

Мне потом рассказывали, что Живодеров, якобы стал главарем бандитской шайки, оперировавшей против соввласти и будто бы был пойман и расстрелян. Насколько это верно—не знаю, но такой конец мы ему в свое время предсказывали.

Полк Стародуба.

Этот был сформирован в Одессе из одних матросов. Но не из тех матросов, которые в начале революции ушли на Дон, юг Украины для борьбы с немцами и белым казачеством, а тех, кто потеряв всякую почву под ногами, стал искателем не всегда подходящих приключений.

Полк Стародуба я видел в Одессе, марширующим по улицам города. С виду великолепный—напускать страх на жителей сколько угодно—а внутри совершенно гнилой, разложившийся. Вот этот полк и был прислан нам в середине лета для подкрепления 45 дивизии. Положение дивизии тогда было очень тяжелое и эта помощь оказалась как раз кстати, но...

Пробыв недолгое время на позиции, полк неожиданно открыл фронт и в один из самых тяжелых моментов снялся и заявил, что

устал и едет в Одессу для пополнения и переформирования. Захватив санитарный состав, полк двинулся с позиции к штабу, стоявшему тогда, кажется, в Бирзуле.

Когда состав подошел к станции, из него стали выскакивать озлобленные матросы, вооруженные винтовками. Ругаясь по нашему адресу отборной бранью, они собирались стать хозяевами положения. В распоряжении штаба находилось 60 кр-цев и несколько пулеметов. С такими силами мы окружили поезд и предложили стародубцам сдаться.

Я следил за нашими кр-цами. Это был экзамен. Матросы пытались всячески играть на их страстях, предлагая перейти кр-цам на их сторону и захватить штаб. Кр-цы, однако, экзамен выдержали, получив приказание стрелять, они немедленно взяли винтовки на изготовку. Матросы же, как и следовало ожидать, струсили и сдались. Я долго не мог забыть озлобленных лиц матросов, их злобных выкриков, когда мы арестовывали и сажали их в теплушки.

История с полком Стародуба показала нам, что коренные части дивизии уже достаточно окрепли политически. Разлагающее влияние стародубцев, не только, не повлияло на боевые части, но наоборот вызвало самое отрицательное с их стороны отношение.

Полк Мишки Япончика.

История и судьба этого полка достойна кисти художника и пера историка. Дело было в общем так. Около 2000 отборных одесских воров и налетчиков, во главе с известным воровским атаманом Мишкой Япончиком, в один прекрасный день прислали делегата в Одесский Ревком с заявлением о своей готовности служить соввласти и Красной армии. Желание их было, как будто искренне. Доказательством тому до некоторой степени служило их отрицательное отношение к белым в период пребывания последних в конце 18 г. в Одессе. Ревком нашел возможным удовлетворить их просьбу. Я не помню, чем руководился при этом ревком. Быть может просто желанием, как нибудь избавиться от них, но быть может играло известную роль другое соображение—расчет использовать эту живую силу, как хороший боевой материал. Так или иначе полк был организован. К нему был приставлен в качестве комиссара тов. Фельдман—коммунист-анархист по убеждениям, преданный товарищ хороший революционер.

Штаб дивизии упорно отказывался принимать Мишку Япончика. Одесса же энергично настаивала на том, чтобы влить полк Япончика в действующие части дивизии с отведением ему боевого участка. После долгих переговоров, мы согласились принять Япончика. Полк прибыл. С внешней стороны он производил отличное впечатление: одних пулеметов было, насколько мне помнится, 40 с лишним штук—очень большая, по тогдашнему времени, цифра. Политическая часть полка также производила с внешней стороны выгодное впечатление: большая библиотека основная и передвижки, граммофоны с агитационными пластинками—все новенькое, чистенькое.

Но то была внешняя сторона. С внутренней же стороны полк производил очень сомнительное впечатление. Я попытался кое с кем заговорить, чтобы узнать, что влечет этих бандитов на фронт.

Ответ был общий:

— Хотим доказать, что мы тоже революционеры и стоим за Советскую власть.

Насколько ответ этот был искренен, трудно сказать. Сейчас, вспоминая прошлое, мне кажется, что ответ в общем был искренен. Наша революция, полная героизма, пробудила у всех этих людей какой-

то своеобразный энтузиазм и желание приобщиться к великим подвигам нашей Красной армии. Но само собой разумеется, что одного этого желания, даже и искреннего было недостаточно, чтобы эта орава налетчиков превратилась в революционное войско Когда я задал одному вопрос, умеет ли он стрелять из винтовки, он несколько покривился, и ничего не ответив, показал мне на свою ручную бомбу, висевшую у него на поясе.

Во всяком случае сомнения наши были очень велики. У тов. Якира, даже возникла, кажется, мысль о том, что необходимо разоружить полк Япончика еще до выступления на позицию. Эта мысль, однако, была отклонена, тем более, что тов. Фельдман — комиссар полка, заявил, что он вполне ручается за боеспособность полка, хотя несколько сомневается в его политическом поведении.

Пару слов о самом Япончике. Он оказался молодым, сравнительно, человеком, среднего роста, самого обычного вида. Особенно поражал наивный, почти детский взгляд его синих глаз. С трудом верилось, что он известный воровский „батько". Говорил он мягко и толково. Сам указывал на плохое политическое состояние полка, выражал всяческие опасения, но в общем головой ручался за боеспособность людей.

На мою долю выпало принимать парад полка Япончика. Зрелище было довольно любопытное. На мои приветствия и речь, последовала речь Япончика, примерно, такого содержания: „Мы мол были воры и налетчики, но то было при старом режиме, а при советском мы должны стать передовыми борцами" и т. д. и т. п. в этом роде. Все дружно кричали „ура".

Торжество однако было омрачено донесением о налете каких-то молодчиков Япончика на жителей Бирзулы.

Что было дальше? Полк Япончика действительно выступил на позицию, совершил удачную атаку при помощи ручных бомб, но, как только наступила ночь, на всех напал какой то панический страх и они, побросав все, (винтовки они еще раньше бросили) побежали с фронта. Полк был нами разоружен.

От партизанщины — к регулярной Красной армии

Так кончилась судьба второго пополнения нашей дивизии.

Между тем, основное крестьянское ядро дивизии, получив некоторую политическую обработку и военную закалку, быстро преображалось, превращаясь в подлинное революционное войско. Ни матросы Стародуба, ни молодчики Япончика не могли внести разложения в основное ядро дивизии. Это тем более удивительно, что кругом бушевало море кулацких восстаний. Бывшие помещики, оставшиеся на местах петлюровцы и всякий иной белогвардейский сброд внушали крестьянину мысль, что советская власть вводит какую то страшную „комунию". Как-то раз крестьяне окрестных сел прямо приперли к штабу и стали искать в эшелонах страшную „комунию", которая, как им говорили, привезена из Москвы. Нужно подчеркнуть, что они искали в этой „комунии" нечто осязаемое, видимое и страшное для себя. Во многих местах бандиты не только разрушали полотно железной дороги, но вдобавок сворачивали рельсы в бублик. Для этого они запрягали несколько волов, которых привязывали к одному концу участка рельс и, погоняя их, в сторону от пути, загибали рельсы.

Дивизия составляла в то время маленький островок среди бушующего, враждебного Советской власти, моря. Особенно страшно было восстание немцев-колонистов, имев-

ших тесную связь с белогвардейскими агентами-офицерами.

Чем об'ясняется политическое преображение частей дивизии, не так давно отпочковавшихся от григорьевщины? Здесь, несомненно, некоторую роль сыграл хороший подбор политработников (хотя необходимо признаться, что политработа в общем находилась тогда еще в зачаточном состоянии). Но кроме этого были и другие причины. И основная, повидимому, та, что в массе своей украинское беднейшее крестьянство все время крепко стояло за советскую мужицкую власть,—не будет парадоксом, сказать, и то, что защищало ее и то, что восставало против нее. Разница только состояла в том, что крестьяне одетые в красноармейские шинели, видели вблизи советскую власть и коммунистов с их порядками, а те, что жили в селах, соввласти тогда еще не знали и поэтому легко шли под знамена петлюровцев и разных белогвардейских агентов, не мало использовывавших наши революционные лозунги.

В кольце.

К концу лета тучи стали сгущаться. В один августовский день мы получили нешифрованное радио из главного штаба украинских войск в Киеве, указывающее, что штаб спешно эвакуирует Киев и отступает на север. То, что радио даже не было зашифровано, яснее всего рисовало положение вещей. Почти в то же время, чуть ли не в тот же день, Одесса была занята десантом с моря.

Мы остались, таким образом, в захлопнутой наглухо коробке. Позади Деникин, впереди Петлюра, слева румыны, справа Махно, мечтавший о том, чтобы либо добром переманить к себе наши части, либо же силой разоружить их и перебить. Сплошное кольцо. А свои делеко на сезере, за 500 слишком верст от нас. Вдобавок ко всему—полный разрыв с частями дивизии. Помню один исключительно жуткий момент. Как-то в вагон ко мне прибежал товарищ и сообщил по секрету, что мы потеряли связь со всеми своими бригадами. Я вышел на полотно дороги. Стояли мягкие сумерки тихо угасающего августовского дня. Было грустно. Самые тяжелые мысли лезли в голову. Мы одни—маленькая горсточка людей, нас могут в любой момент раздавить и перебить. Неприятель глядит на нас изо всех щелей, со всех сторон.

Но это было еще не все. Прибежавшие из северной части селения товарищи сообщили, что на нас движутся два села. Если память меня не обманывает, речь шла о двух близких селах под названием Пуцицелы и Муципелы (или что-то в этом роде).

Я не помню сейчас, подтвердилось ли заявление товарища, но ничего невероятного тогда в этом, конечно, не было. А нас всего то в штабе было 80-100 человек при нескольких пулеметах. Духом, однако, никто из нас не пал. Были приняты все меры предосторожности на случай нападения. С другой стороны, изыскивались все пути и средства к восстановлению связи с бригадами. Действительно, вскоре удалось восстановить связь со всеми бригадами, за исключением бригады тов. Левензона.

Прорваться на север во что бы то ни стало!

Положение было на первый взгляд безвыходное. Что могли мы сделать одна-две дивизии, на таком огромном фронте при необходимости пробиваться на север, на протяжении свыше 500 верст? Помню наши мучительные сомнения, звать ли с собой кр-цев дивизии—несколько тысяч человек, звать на подвиг, но и почти на верную гибель или демобилизовать их, а са-

мим остаться в подполье. Да и пойдут ли они за нами на верную гибель?

Член РВС Южной Группы в 1919 г., Секретарь Дальневосточного Крайкома, член ЦК ВКП(б)

Ян Гамарник.

В решающем совещании по вопросу об отступлении принимали участие тов. Якир, Затонский, Ян, Гарькавый, Немитц, бывший командующий Черноморским флотом, добровольно пришедший к нам тогда, в эти тяжелые дни. Не помню, где были тогда т.т. Клименко, Голубенко, Княгницкий и другие активные работники. Многие из них были где-то на фронте.

После долгих совещаний решено было отступить в полном порядке с целью пробиться на север. Командование было поручено тов. Якиру, которому в то время была подчинена еще и 58 дивизия. Связь с этой дивизией тогда была, однако, утеряна.

В Балте в, конце августа 1919 г., мы вышли из вагонов, уничтожив излишек своих боевых припасов и военного имущества Необходимая амуниция и с'естные припасы были погружены на подводы, сами же построились и пошли в пешем строю. Части должны были несколько позднее подойти. Клубы черного дыма поднимались к небу и заволакивали городскую площадь. То жгли телефоны и иное имущество, которое нельзя было забрать с собою. Жители испуганно смотрели на наш уход. Кое-кто закрывал ставни и двери. Издали доносились взрывы уничтожаемых снарядов и имущества. Было жутко и радостно. Радостно оттого, что впереди были испытания и подвиги во имя революции.

Позади на площади—клубы черного дыма. Впереди—бодрая музыка нашего штабного оркестра и звонкая песня уходящих частей.

Вперед, бесстрашно вперед!

Так начался славный прорыв Южной группы из-под Одессы на север, туда, где находилось сердце нашей Красной армии и революции.

. . . . . .

Самое большое достоинство Красной армии, и в частности 45 дивизии, в том, что ее командный состав в огромном своем большинстве, сделан из того же теста, из какого лепятся все герои революции—из преданных делу рабочего класса людей, страстно ненавидящих старый мир и в ней, в этой ненависти, черпающих свое уменье и силы бороться с буржуазным миром и его белыми армиями.

М. Василенко.

Поход Южной группы.

I. Вступление.

Поход Южной группы составляет одну из славных, и выдающихся страниц в истории не только 45-й дивизии, но и Красной армии.

Дать исчерпывающую картину этого славного подвига на протяжении десятка страниц журнала—задача совершенно невозможная.

Задача будущего историка, с архивными материалами в руках, дать исчерпывающее изложение событий и абсолютно верную обрисовку обстановки.

Мы же ставим себе задачу, на основе имеющегося у нас материала, дать краткий очерк, могущий по существу служить только вступительной статьей к собранию воспоминаний по данной операции.

II. Обстановка на Южном фронте к концу августа.

а) Группировка белых армий. Их намерения.

Август месяц 1919 года характеризуется крайней активностью белых армий и упорной борьбой Красного командования за инициативу.

Южный фронт, поколебленный рейдом Мамонтова, не только удержался на месте, но и готовился к контр-наступлению.

Но к этому же времени на фронте 14 и 12 армий обстановка складывается крайне неблагоприятно.

Деникин, сосредоточив пятерное превосходство сил в районе **Харькова**. развивает наступление на **Киев** с одновременным выдвижением от **Екатеринослава** на **Знаменку-Елисаветград** и из **Крыма** на **Херсон-Николаев** и **Одессу**.

К 18 августа он уже вышел на линию **Рыльск. Лубны Помощная-Николаев**, а к 31 VIII его войска уже заняли **Киев, Фастов-Николаев**.

14 армия, понеся большие потери, отошла к северу.

Одновременно с этим, польские дивизии развивают активные действия на Коростеньском и Ровенском направлениях, стремясь к тому же **Киеву**.

Не отстает в этом стремлении и Петлюра. Нанося удары в направлении на **Вапнярку**, во фланг и тыл 45 дивизии, он одновременно, наступлением от **Винницы** на **Казатин**, углубляет прорыв и в дальнейшем стремительным выдвижением к востоку, 30 VIII занял **Киев**.

К началу сентября северный фронт белых армий уже проходит через **Житомир, на Фастов. Киев, Конотоп**.

Одновременно другая группа петлюровских войск продолжает наступление на юго-восток, стремясь, путем уничтожения частей 12 Красной армии, овладеть правобережьем Украины.

К концу августа, фронт Петлюры в этом районе находится уже на линии **Браилов, ст. Крыжополь**.

Район **Звенигородка, Сквира, Казатин, Винница, Христиновка** занят бандами петлюровской ориентации, которые под его руководством срочно переформировываются в дивизии.

Намерения белого командования ясны из самых направлений их ударов.

Овладеть **Киевом**, как сердцем Украины, это первая задача.

Отрезать и, окружив, уничтожить 12 армию (45, 47, 58 дивизии), отбросив одну ее 44 дивизию к северу—это вторая задача.

Первая и вторая задачи были общие и для Деникина, и для поляков, и для Петлюры. В этом вопросе они действовали заодно.

Но помимо этого у каждого из них была еще и 3-я задача—это овладение Правобережной Украиной, которую каждый из них хотел получить только для себя.

б) Группировка сил 12 армии и намерения красного командования.

К началу августа 12 армия имела задачу борьбы с поляками на **Ровненском** направлении, борьба с Петлюрой—**Каменец-Подольском** направлении, кордон по **Днестру** против румын и прикрытие границ с моря на участке **Одесса—Херсон**.

Группировка сил 12 армии к началу августа была следующая: 44-я дивизия фронтом на запад, имея левый фланг у **Винницы**. 45-я дивизия фронтом на запад, имея правый фланг в районе ст. **Вапнярка** и левый у селения **Маяки** в районе **Одесса**, имея главные силы дивизии в районе **Вапнярка** и, прикрывая **Днестр** заставами.

47-я дивизия прикрывала **Одессу** с моря и 58 дивизия занимала район **Николаев-Херсон**, имея задачей и борьбу против Деникина и борьбу с Махно. Помимо этих сил были еще мелкие гарнизоны по мелким городам и новые формирования в районе **Одессы**.

Наиболее активными участками 12 армии был петлюровский фронт в районе **Винница-Вапнярка** и участок борьбы против банд, которые особую активность проявляли в тыловых районах правого и левого флангов 45 дивизии.

Тыл 12 армии с востока был прикрыт 14 армией, фронт которой к началу августа проходил по **Днепру** от **Алешки** в районе **Херсон** на **Екатеринослав** и далее на **Полтаву**. Однако прикрытие это являлось скорее видимостью, чем реальным фактом, ибо кордон, который являла собою растянутая 14 армия, по существу, не мог служить прикрытием, что и оправдалось позже.

Таким образом, для 12 армии создавалось положение, при котором она была взята как бы в клещи, готовые сомкнуться, где то в районе **Киева**. Такое положение внушало серьезные опасения у верхушки красного командования.

18 августа Главком телеграфировал Командарму 12:

—„Оборона южной Украины, в частности, городов **Одессы и Николаева**, необходима, а потому войска трех находящихся там дивизий нельзя отводить на север, но считаю необходимым, чтобы на одну из этих дивизий и притом на более прочную была возложена задача по обеспечению за нами постоянной связи между **Киевом** и южной Украиной. На эту дивизию должна быть возложена упорная оборона района **Умань, Ольвиополь, Ново-Украинка, Новомиргород, Звенигородка** путем активных действий против противника, наступающего как с запада со стороны **Вапнярки**, так и с востока со стороны **Знаменки**. Все три диви-

зии, оставляемые в южной **Украине**, должны быть об'единены в одну группу, на которой должно лежать сохранение за нами южной Украины и в том случае, если не удастся воспрепятствовать соединению петлюровцев с деникинцами в районе **Умань—Елисаветград**, войска эти должны принять все меры к тому, чтобы об'единить вокруг себя население для борьбы с противником*.

Вот намерения красного командования.

Однако жизнь опережала все планы и плану Главкома так и не суждено было осуществиться. Деникин, развивая наступление на запад от **Полтавы** на **Киев** и от **Екатеринослава** на **Елисаветград** и одновременно из **Крыма** на **Херсон—Николаев**, к 18 августа вышел на линию **Рыльск—Помощная—Николаев**, а к 31 августа, продолжая наступление, занял **Киев**.

В то же время Петлюра, расширяя прорыв между 44 и 45 дивизиями, стремительно движется на **Киев** и 30 августа занимает его.

Опасения Главкома оправдались. Деникинцы с петлюровцами встретились, хотя и не в районе **Умань—Елисаветград**, а значительно севернее.

Южная Украина отрезана, отрезаны и три дивизии ее защищавшие (45, 47, 58).

Оставалось приступить к выполнению задачи, поставленной Главкомом на случай, если не удастся помешать соединению деникинцев с петлюровцами, т. е., образовав группу из трех дивизий, продолжать борьбу, об'единяя вокруг себя население отрезанной Украины. Но и эта задача оказалась невыполнимой по ряду причин: первая из них—58 стр. дивизия, потеряв **Николаев**, отходила на **Вознесенск**, но по пути две ее бригады перешли на сторону Махно, и, как боевая сила Красной армии, были сняты с учета.

47-я стр. дивизия, имевшая задачу защиты **Одессы**, под ударами с суши со стороны **Николаева** и десанта с моря сдала город, при чем главная масса войск попала в плен. Отойти удалось только тылам, которые, присоединившись к остаткам 58 дивизии, пошли на присоединение к 45 дивизии. А 45 дивизия в это время находилась тоже не в блестящем положении. **Ее** тылы раз'едались бандами, подвергались ударам бандитов, для борьбы с коими приходилось снимать с фронта целые полки. С фронта наступал Петлюра, медленно, но неуклонно тесня главные силы дивизии к юго-востоку.

Эти затруднения усугублялись недостатком патронов, грозившим срывом всей борьбы, гибелью всей дивизии. И вот в такой обстановке образовалась группа, образовалась не в том составе, в котором была предположена и не для выполнения той задачи, для которой Главкомом предполагалось ее сорганизовать.

Перед группой, в командование которой вступил Комдив 45 тов. **Якир**, встала одна единственная задача: учтя обстановку, поставить себе новые задачи.

А обстановка эта не была ни простой, ни легкой.

Коротко ее под'итожим:

а) Силы всей группы и особенно количество бойцов в ней были недостаточны и немногим рознились от сил 45 дивизии, которая фактически и представляла собой весь боевой состав группы. Нельзя же было брать в расчет, как боевую силу, остатки 58 дивизии с ее тылами. Еще менее можно было расчитывать, как на боевую единицу, на тылы 47 дивизии, ушедшие из района **Одессы** без бригад.

б) Потеря желдорог, связывающих с центром—с источниками снабжения, резко обострила вопросы снабжения боеприпасами, а уход от желдорог в острой форме выдвигал проблему колесного транспорта, проблему, которая так трудно разрешалась, которая вооружала население против воюющих. Недостаток огнеприпасов не давал возможности оставаться в местности, насыщенной бандитизмом, на территории постепенно, но неуклонно сокращавшейся вследствие успешного продвижения врагов.

в) Противник, который в начале августа был только с запада, к моменту образования группы навис уже со всех сторон и окружение стратегическое грозило превратиться в окружение тактическое.

г) Банды, которые находясь в тылу, причиняли только беспокойство, очутившись на фронте, в сфере влияния одного из противников, (особенно Петлюры), превращались в организованные дивизии, утроивая силы противника. Для оценки их значения достаточно сказать, что численность банд только в районе **Умань, Сквира, Винница, Вапнярка** определялась в количестве до **8 тысяч**.

д) Настроение войск, сформированных преимущественно из местного населения, не благоприятствовало всяким решениям, сопряженным с передвижениями в новые районы и особенно сопряженным с уходом на новые фронты куда то на „чужбину"...

Вот краткий, далеко неисчерпывающий итог обстановки.

„Помню наши мучительные сомнения, звать ли с собой кр-цев дивизии—несколько тысяч человек, звать на подвиг, но и почти на верную смерть или демобилизовать их, а самим остаться в подполье. Да и пойдут ли они за нами на верную гибель?"

Так пишет бывший начпоарм и позже начподив 45 дивизии тов. Гринштейн.

И теперь, много лет спустя, можно сказать, что его опасения были реальны:

Но не было слабых среди командования 45 стрелковой дивизии, которое под своим руководством об'единило все части, все силы, все остатки 58 и 47 дивизий, способные еще к бою.

Решение командования 45 дивизии в лице ее командира т. **Якира** было и простым, и смелым, и вместе с тем построенным на учете реальной обстановки.

„Собравшись в кулак, двигаться на север, тараня стену противника, окружившего группу, пробить ее и искать соединения с Красной армией, где бы к тому времени она ни находилась".

Вот решение командования группой.

В конце августа это решение было принято, с 1 сентября начато выполнение, а 20 сентября уже блестяще закончено.

III. Поход Южной группы.

К моменту принятия решения остатки 47 и 58 дивизий двигались на **Голту** и далее на **Умань**. 1-я и 2 я бригады ведут бои с петлюровцами в районе ст. **Крыжополь-Рудница**.

Тыловые учреждения группируются в **Балте**.

Направление для движения группы было избрано в обход желдорог через **Балту** в общем направлении на **Сквиру**.

Для движения было применено следующее построение: впереди идет авангард из частей III бригады под командованием тов. **Черникова**. С запада движение прикрывается так называемым „боковым отрядом", фактически являющимся главными силами 45 дивизии в составе I и II бригад под командой тов. **Котовского**.

В центре движения, так называемые, „главные силы", являвшиеся по существу сбором тыловых учреждений 45 дивизии и Южгруппы плюс сборный отряд **Базарного**. С юга движение прикрывает арьергард составленный из нескольких мелких отрядов.

Вся операция выхода из кольца отмечена почти непрерывными столкновениями преимущественно с бандами и особенно серьезными боями: 1) в районе ст. **Рудница** и **Крыжополь** в момент начала отхода; 2) большим боем в районе ст. **Попельня. Вчерайше** у желдороги **Киев-Винница**, боем, благополучный исход которого предрешил успех всей операции и, наконец, 3) боями третьего периода за овладение **Житомиром** по существу своему уже действиями совместно с 44 дивизией, успешный исход коих явился фактическим соединением их.

Описание каждого из этих боев может быть предметом особого очерка, но заняться этим без архивных материалов и не рисковать погрешить против исторической истины—нет возможности. В силу этого нашу задачу краткого очерка „Поход Южной группы" мы можем считать законченной.

По разному можно подходить к вопросу оценки этой операции. Одни хотели бы видеть в ней неисполнение букв приказа а, другие хотели бы создать „непрерывные бои с полчищами пр-ка, горами трупов и массами трофеев". Будущий историк на основе архивных документов даст исчерпывающий ответ на эти вопросы.

Мы же на основе имеющихся у нас материалов попробуем дать свою оценку:

В той обстановке, которая создалась, возможны были три решения:

1) **продолжать драться**. Сдача частей 47 переход бригад 58 и недостаток патронов в 45,—этому мешали;

2) **разойтись**. Это отвечало настроению слабых. Это отвечало характеру партизан.

Но это не отвечало настроениям актива, стоявшего во главе войск и в частности 45 дивизии, не отвечало настроениям партийного актива и они выдвинули третье новое оригинальное решение. Не гибнуть на месте, не распылять силы, а, собрав кулак, итти вперед и силой проломить захлопнутые ворота, силой пробить созданные в тылу барьеры.

Ни сотни верст, разделяющие Юж. группу от Красной армии, ни многократное превосходство пр-ка, ни его вооружение, не остановили героических намерений группы.

И величие этой операции, по нашему мнению, вовсе не в тех боях, коих оказалось меньше, чем можно было ожидать, не в тех лишениях,

коих оказалось не так много, а в величии духа принимавших решение, в величии духа бойцов, последовавших за этим решением.

Отказаться от сравнительно спокойного, а главное привычного пребывания в подполье, отказаться от соблазна „умыть руки". Взять на себя огромную ответственность за десятки тысяч жизней и вывести их из бандитского района, сберечь оружие, сберечь актив, дать десяток тысяч бойцов, а главное дать моральную победу Красной Армии,—вот в чем величие этого решения и этого похода.

В заключение мы считаем возможным несколько остановиться на значении похода Южной группы для последующей истории 45 стр. Волынской Краснознаменной дивизии.

Во-первых дивизия за этот поход стала **Краснознаменной**, во-вторых во время похода Южной группы дивизия впервые услыхала, впервые усвоила, впервые применила на практике те лозунги, которые ее имя записали в историю революционной борьбы, в числе первых, среди первых.

„Всегда вперед! Всегда к победе! Лозунг старых бойцов, с которым они пробивали дорогу всей группе при выходе из кольца; лозунг, с которым они прикрывали с фланга выход группы; лозунг, с которым 45 дивизия позже совместно с конницей, а иногда и впереди ее шла к **Львову**, с которым дивизия пробивала фронт Петлюры; лозунг, который позже, в мирной работе, будучи превращен в традицию 45-й стр. дивизии, обеспечил ей первенство в достижениях по учебе и обеспечит пребывание в первых рядах в будущих боях.

В этой же операции дивизия впервые восприняла и лозунг: „Спрашивай, где враг, а сколько его, узнаешь, когда враг будет тобою разбит". Лозунг, с которым дивизия уходила из кольца, с которым она громила поляков, уничтожала петлюровщину.

В этой операции, как никогда раньше, была закреплена традиция старых партизан и подпольщиков: вера друг в друга,—командира-вождя и красноармейца-бойца, взаимная выручка их и поддержка. Традиция, которая дала уверенность вождям, а с ней и силы вывести бойцов из западни; традиция, которая позже дала победы у **Дубно**, довела до **Львова**, вывела без потерь назад, дала разгром Петлюры и обеспечивает огромные достижения дивизии в деле мирной работы, в деле подготовки к войне, к новым подвигам, к новым победам.

Пусть же живут старые традиции дивизии!

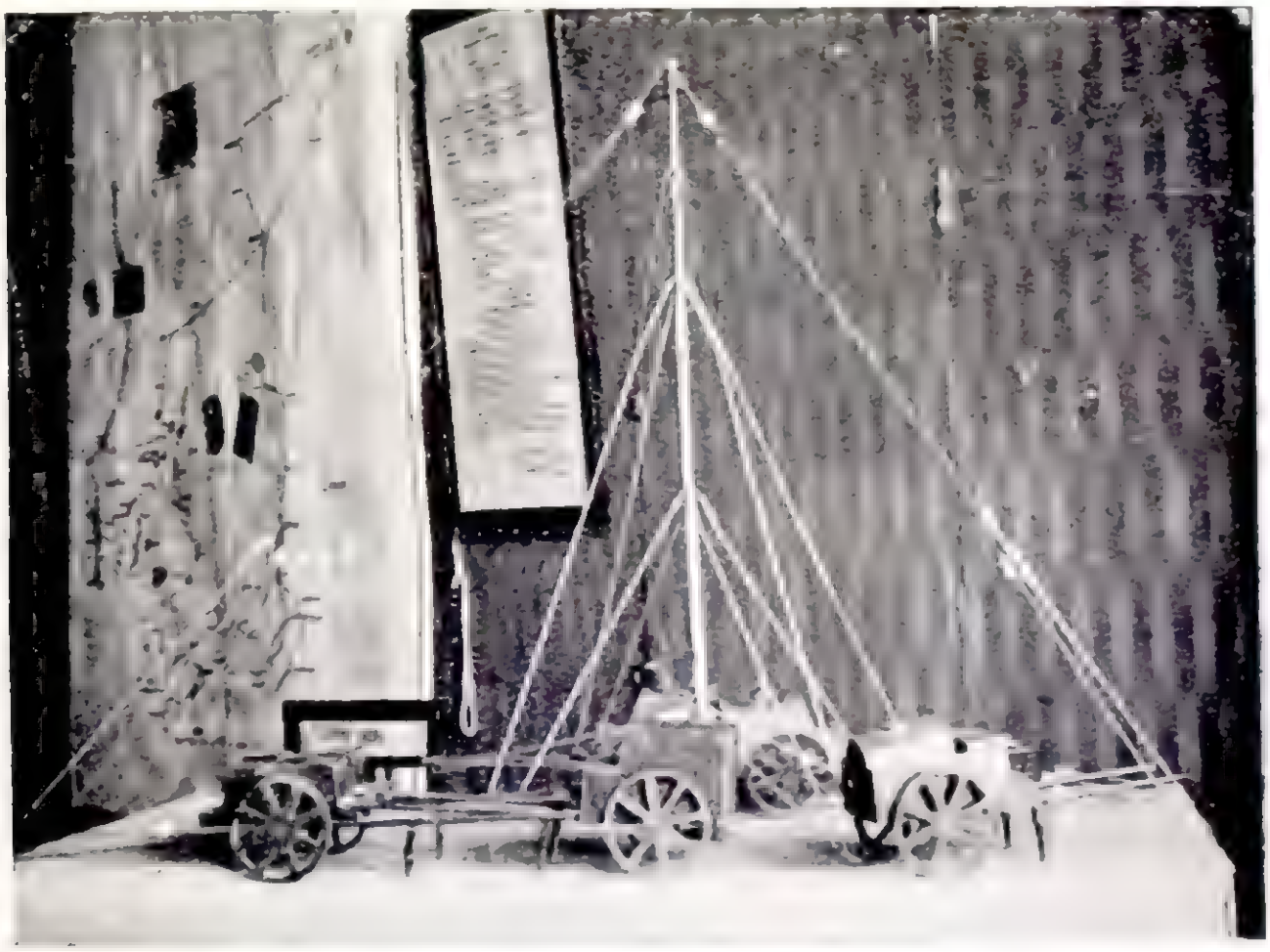
Пусть живет в наших сердцах память о павших творцах их, пусть живет у нас признательность и уважение к живым творцам традиций — к ветеранам дивизии, свидетелям героического прошлого дивизии!

Им, живым и мертвым, посвящается этот очерк!

В. Агатов.

Волынская Краснознаменная.

Пусть лик времен снарядами
изгрызан,
Рубцы клинков не нам пусть
залечить,
Но никогда не смогут позабыть
Бойцы огонь и славный бег
дивизий.
Пусть год летит за перекат
взметенный,
Крепили стальное начало.
Ковыль золотился, как мед,
По вражьим плечам и по трупам
Кинулась Южная группа
В свой небывалый поход.
Рот огневые резцы
Летели в равнинах, как птицы,
Славные эти страницы
Не позабудут бойцы.



Радиостанция, (модель) при помощи которой 12 сентября 1919 г. была установлена связь между 45 и 44 дивизиями.

Но в этот день пусть заблестит
опять
Меж всех дивизий цифра „45“ —
Могучий киль полков краснозна-
менных.

* * *

Насторожившись, как волк.
Вспыхнув огнем и металлом,
Каждая рота и полк

* * *

А в г у с т...
Дождливо и хмуро...
Группа—клинок меж долин
Северо-Запад—Петлюра
Берег Днестра—у румын.
С моря нагайки и пики,
Обрез и бандитский кастет;
В лоб наступает Деникин
Выхода группе—нет.

* * *

В этих глухих перекатах,
В гребнях тяжелой травы,
Как будто бы были мертвы
Радио-аппараты.
Вдруг промелькнуло смятенье
Среди эскадронов и рот:
— Товарищ Якир—сообщенье
Сорок четвертая ждет.

Летело за словом слово,
Искрой вгрызаясь в эфир,
— Кто говорит?—„Дубовый"
— Кто говорит?—„Якир"
Немедленно соединиться
Дивизии наши должны.
Как к Вам поближе пробиться?
— А как имя деда жены?
Фразою странной и темной
Якир был немало смущен,
Но рассмеялся и вспомнил
Царицынский фронт,
Где шла по рядам прибаутка
И помнят ее молодцы—
Жену Ворошилова в шутку
Дедом прозвали бойцы.

Синий, лучистый, бурливый
Метнулся веселый ответ:
—„44-й—Начдиву—
Жена Ворошилова—дед".
По буеракам отлогим,
Взрыхляя железом пески,
Спокойно размеренно в ногу
Шли в наступленье полки.

* * *

Рот огневые резцы
Летели в равнинах, как птицы.
Славные эти страницы
Не позабудут бойцы.

Я. Охотников.

Южный поход начался...

1919 г. Августовский день был такой жаркий, что кр-цы с большей охотой лезли на крыши вагонов, чем в самые вагоны. Множество эшелонов сгрудилось на ст. Раздельная. Среди бойцов шли сообщения, информации, что Одессу заняли деникинцы, что то там, то здесь восстания. Вести говорили за то, что наше положение плохое, что мы окружены.

— Ну и жара—сказал боец Тилигулло - Березанского полка, —по моему в бою прохладнее, как никак снаряд наводит ветер.

— А ты не думай,—сказал военком полка тов. Подрывной—скоро тебя продует, только держись.

...Карта являла вид: Одесса-Вознесенск-Помощная-Черкассы заняты генералом Деникиным Между Каневом, Белой-Церковью и на юг от этой линии по ж. д. Бирзула-Голта орудуют бесчисленные банды. Линия Жабокрич-Крыжополь-Вольфановка—галичане и Петлюра, а по Днестру—румыны.

45-я в огневом кольце. Красные войска стягиваются к ст. Бирзула к маленькому вагону № 386. Здесь

Группа краснознаменцев во главе с командиром 45 дивизии т. Василенко М. И. (×) 1927 г.

сидел мозг красных бойцов Южной группы Якир. Отсюда из этого вагона передавались короткие, ясные указания, отсюда бойцы чувствовали железную волю, воодушевление, желание бить и побеждать. И банды и многочисленные противники увидели, что нас взять нелегко.

Командующему Южной группой доложили, что упал неприятельский самолет.

— Доставить летчиков! — был ответ.

Летчики предстали перед т. Якиром в одних трусиках, так как остальное обмундирование „затерялось" среди кавалеристов.

Через переводчика тов. Якир спросил:

— Кто вы?

— Офицеры английского короля.

Тогда последовал вопрос:

— Зачем вы летаете над нашим расположением и сбрасываете бомбы?

— Видите-ли,—ответил один из офицеров — мы давно не летали. Нам захотелось промять крылья самолета.

Командующий приказал их допросить.

И потом уже в самом походе мы стали с ними друзьями. Когда однажды англичане постирали свои трусики, кр-цы „сперли" их Офицерам английского короля пришлось прогуливаться к тов. Якиру под прикрытием фигового листочка.

...В средине кольца шли бои с бандами, ловили шпионов, саботажников.

На каждом шагу был фронт. Стрельба, взрывы, стоны, крики, песни, хохот, но настоящего боя не было.

В конце августа был дан приказ—пробить дорогу на соединение с красными частями, действующими в районе Киева. Левый боковой отряд, под командованием тов. Котовского, отбивался от наседавшего многочисленного противника и в те времена Григорий Иванович Котовский был сердит. Он вводил в бой все резервы, вплоть до самого себя, и не раз приходилось противнику оставлять брюки для наиболее облегченного движения назад.

Тов. Левензон со своей бригадой жестоко отбивался от неприятеля и только уже на походе присоединился к составу Южной группы.

На самых опасных подступах стояли люди, которые заявили:

— Только перейдя через наши трупы, возьмете нас! .

Все трусливое бежало. Остались бойцы, которые были готовы на смертный бой Среди них ходила „красноармейская почта" будто Деникин по радио предложил Якиру сдаться, а Якир ему по радио ответил: „чтобы он кирпич в зад поцеловал".

Наступил день, когда главные силы, перейдя из Бирзулы в Балту, кажется, 2 сентября выступили из Балты в м. Песчаны. Перед самой Балтой банда Заболотного начала нас обстреливать. Завязалась перестрелка.

В это время, на машине под'ехал командир дивизии тов. Гарькавый. Он стоял в автомобиле, как бы обнюхивая воздух, потом обернулся и поймал меня глазами:

— А ну скажи, чтобы артиллерия пукнула раза два.

Артиллерия открыла огонь и наш кавдивизион ударил во фланг. Заболотный исчез.

— Пакостный сын, тикаеш, — и обернувшись к тов. Базарному, начальнику колонны, Гарькавый крикнул:

— Ну Ваня продвигайся потихонечку...

Ваня взял под козырек. Колонна двинулась дальше...

Южный поход, с боем, музыкой, песнями начался...

А. Зарницкий.

В огневом кольце.

„Комуния идет".

Сентябрь 1919 года.

Южная группа отступает из Украины.

Мы, авангард дивизии, движемся походным порядком, со всеми мерами предосторожности, чтобы не попасть впросак.

Враг подстерегает нас на каждом шагу.

Жарко. Пыльно.

Огромной черной змеей медленно извивается по проселочной дороге обоз.

Встречные крестьяне, работающие в поле, стараются не замечать нас, пропускают мимо.

— Красноармейцы пусть пройдут. Опасный народ.

Иногда мальчишка-пастух пробежит мимо, будто беззаботно играя на солнечном лугу.

На самом деле он бежит в деревню сообщить, что „комуния" идет. В деревне это известие— удар грома среди ясного неба.

В гостях в Ленинском детгородке.

— „Комуния" идет, заберет весь хлеб, скот, все... Крестьяне стараются спрятать все, что можно, подальше, прячутся и сами. Когда мы входим в деревню, она производит впечатление вымершей. Ни живой души.

Словно мор гибельный прошел здесь, словно смерть справляла чудовищный пир.

Хаты все на запоре. Ставни наглухо закрыты.

Даже собаки не лают...

Петлюровщина тогда была в самом разгаре. Агитация делала свое дело. Слишком страшными казались красные. Грабитель на грабителе... да и воюют они за какую то непонятную „комунию", два вагона которой должны были, по слухам, уничтожить весь хлеб на Украине.

Жутко.

А между тем нам в этой деревне ночевка.

Но мы знали, как быть в таких случаях.

В деревне пусто. Мы доходим до церковной площади и там располагаемся, усаживаемся на траву, курим, болтаем, но не идем никуда.

Спрятавшиеся крестьяне, повидимому зорко следят за нами, выжидая, что мы предпримем. Проходит с полчаса.

Наконец, один крестьянин (нарочно подосланный) подходит к нам. Начинаются расспросы: „Кто мы такие, откуда идем, куда?".

Через несколько минут крестьянин убеждается, что мы такие же люди, как и он и ничего дурного не замышляем. Злостные агитаторы только обманули его.

Он встает, добродушно, виновато улыбается:

— Пойдемте в хату, чего ж тут сидеть. Так лучше будет. Покушаем что нибудь. Вы в дороге наверно проголодались.

Двое-трое из нас встают, берут винтовки и идут с ним.

Минут через 5 в его хате негде яблоку упасть. Крестьяне толпятся и в комнате, и в сенях, и на дворе при настежь раскрытых окнах.

Расспросам, выпытываниям нет конца.

Крестьянская любознательность велика:

— И что это за „комуния" у вас?

— Да никакой такой „комунии", просто: красноармейцы мы, вот-что, а воюем за советскую власть.

Крестьяне чешут затылки:

— А нам говорили, что сюда два вагона „комунии" прибудет и весь хлеб начисто сожрет, как саранча. И картошку тоже...

— Ну, вот мы и пришли,— смеемся мы,—а что делаем. Твоя хата вот заперта и никто не отопрет, пока ты сам не отопрешь. Никто не посмеет.

Через каких нибудь четверть часа все запоры сняты, окна открыты и почти нет хаты, где бы не было красноармейцев.

Шутим, балагурим. Крестьяне угощают нас всякой всячиной. Крестьяне варят нам ужин. Вечером нет-нет, где нибудь под черешней сидит красноармеец с „дивчиной". Он рассказывает ей о походной жизни, о боях, щеголяя своей храбростью и удальством, покоряя ее сердце. Лицо девушки— распускающийся маков цвет.

На следующий день, когда мы уходим дальше, крестьяне провожают нас и дают даже кое-что на дорогу.

Хорлеевка.

Накануне мы выбили незначительную петлюровскую часть из м. Паволочь и там заночевали.

За ночь петлюровцы успели подтянуть крупную силу и готовились уничтожить нас.

За время двухнедельного похода до Хорлеевки, нам несколько раз приходилось читать в попадавшихся петлюровских и деникинских газетах сообщения о предстоящем нашем уничтожении. Раза два мы даже прочли об этом, как об уже совершившемся факте.

Но нас эти сообщения, разумеется, нисколько не смущали. Мы хорошо знали в каком мы положении находились, знали, что мы окружены кольцом врагов, но мы решили вырваться из этого кольца и шли к победе, гордые сознанием своей силы и исполненного перед революцией долга...

...Утром мы выступили из местечка. В этот день нам предстояло пересечь последнюю лежащую на нашем пути ж. д. линию, между Казатином и Фастовом. Прошли несколько верст. Стали подходить к жел. дороге.

2 петлюровских бронепоезда поджидали нас.

— Пак-пак. Пак-пак.

Неподалеку от нас, в воздухе разрывались шрапнели.

Мы рассыпались в цепь, пошли вперед.

У деревни Хорлеевка остановились. Дальше итти нельзя было. Там был сильный враг.

Мы залегли в открытом месте на вспаханном поле и стали отстреливаться.

В стороне от деревни была каменная мельница. На ней петлюровцы укрепились. Установили два пулемета, наблюдательный пункт. Кроме того за мельницей собирались гайдамаки. Повидимому собирались ударить на нас.

Наша 6 рота занимала крайне правый фланг 1-го сводного красного полка как раз против мельницы. Дальше было пусто.

Мы увеличили интервал, протянули цепь дальше и загнули фланг, чтоб видеть, что делается за мельницей и помешать гайдамакам собираться.

Петлюровцы открыли адский огонь. Пулеметы, словно швейные машины, строчили, засыпая нас огнем. Вот ранен один. Другой. Ранен наш ротный командир.

— Пулемет на правый фланг,— передаем мы по цепи.

Но нам не дают пулемета. На левом фланге завязался жаркий бой и взять оттуда пулемет значит сильно ослабить участок. Помощи нет. Мы предоставлены самим себе.

Гайдамаки ежеминутно выезжают из-за мельницы, видно готовятся к атаке. Выбирают только место для атаки.

Но мы стреляем метко. Каждый патрон дорог.

Атака кавалерии отбита еще прежде, чем началась, гайдамаки не выдержали и ускакали в деревню.

1928 г. Принимает телефонограмму...

Справа к нам кто-то перебегает:

— Эй, вы кто?

— Свои. 3-я рота.

— Ага. Атаковали бронепоезд? Ну, как?

— Ничего.

— Чесанули?

— А думал, взяли. Их там два было не один. Попробуй.

Третья рота ложится за нашей, потом лощиной уходит. Бой в разгаре.

Петлюровская артиллерия пристреливается по нашей цепи.

Мы начинаем снимать наблюдателя.

Раз... Два... Три...

Наблюдатель исчез. „Петлюровские гостинцы" делают перелет.

— Теперь очередь за пулеметами.

— Даешь.

Опять напряженная меткая стрельба. Пулеметы отвечают. Но вот один смолк. Другой прошелся редким дождем огня и затих также.

— То-то облагоразумились. Сами ушли.

Сумерки. Воздух свежеет. Становится темно. Небо—звездное сито.

— Цепь вперед!... В атаку!

— „Ура".

Петлюровцы бегут. 7 пулеметов, несколько десятков винтовок и победа. Наше удовлетворение за дневной бой. Через день нашей роте в приказе по полку была об'явлена благодарность за смелые действия.

Пробились.

19 сентября. Мы на подводах в'езжаем в чешскую колонию Высокое, недалеко от Житомира. Доехали до средины села. Навстречу нам какие то войска. Тоже на подводах.

Свои? Враги?

Но за время похода мы отвыкли встречать своих. Каждый встречный враг. Едем молча. Молчат и те.

Увидали мы нашего кавалериста. Позвали. Шепнули!

— Скачи в штаб полка, скажи, что встретились с другими войсками.

Если через пять минут не будет ответа, откроем стрельбу.

Кавалерист понесся...

Через несколько минут скачет во весь дух обратно.

— Не стреляй. Наши. Северные войска.

— Значит пробились. Поход окончен.

Вырвалось „ура" дружное, громкое, от сердца, от души. Поздравляем друг друга с победой.

А потом 2-х дневный отдых и мы движемся по Житомирскому шоссе на Киев.

Поход окончен.

На Киев!... На Киев!...

В. Плоткин.

Мы вернемся...

Котовский.

Такие самые были поля на Подолии.

...Тяжело дышал бронепоезд, вонял смазкой, копотью и металлом. Солнце будто нанялось спалить землю. После каждого, еле слышного орудийного выстрела, подымается столб земли, совсем недалеко... Живот беспокоит не много Неизвестно, где сейчас ударит. При каждом выстреле позывает лечь, но ...стыдно. Котовский идет да еще смотрит в бинокль. По его круглому лицу катятся крупные капли пота...

Мы наступаем на ст. Рахны.

Котовский высокий, толстый, но стройный, немного заикается. Когда он разговаривает с командирами, они трусятся. Даже бывший полковник Курковский.

Мы за Котовского и с Котовским готовы итти в огонь, в самое пекло. И чем он нас взял?

Когда он в первый раз пришел к нам в казармы в Одессе на 2-й станции он только сказал:

— Ну молодцы подходящие, только обмундирование плохое.

Мы ревели „ура". Точно душу хотели отдать ему вместе с приветствиями.

...Мы заняли Рахны. Издалека Петлюра забрасывает станцию снарядами.

Невозможно удержаться. Надо отогнать его дальше. Котовский взял нашу роту и повел. Крутил нас под плетнями...

Вышли из села с неизвестной стороны. Оврагами, узенькими кривыми тройками шли, согнувшись. Хватала за ноги повилика. Трудно итти. Вдруг услышали пулемет и ружейные выстрелы. Разрывные пули посеяли панику. Кто-то крикнул: „Кавалерия", испуганно показав на горизонт. Котовский только повернул голову в том направлением, потом до „паникмахера":

— Эх, ты!..

Итти было очень трудно. Хотелось пить. На дороге лужа. По ней зеленые пятна и камышня. Кинулись к ней... Разом стали. Котовскому первая очередь. Но он уже сидел под кустом и обтирал пот с бритой головы: „Пейте". Последним, самую грязную выпил сам.

Мы вошли в небольшой лесок. Когда вышли, видно стало, как на недалеких холмах „рвала когти" петлюровская артиллерия.

Отдыхаем в леску. Котовский шутит с сестрой милосердия, лукавой одесситкой. Она смотрит на него восхищенными глазами. Она видит его в первый раз.

Вечерело... Кто-то привез Котовскому распоряжение—наступать дальше.

— Мои люди устали. Надо отдохнуть.

Интернационал.

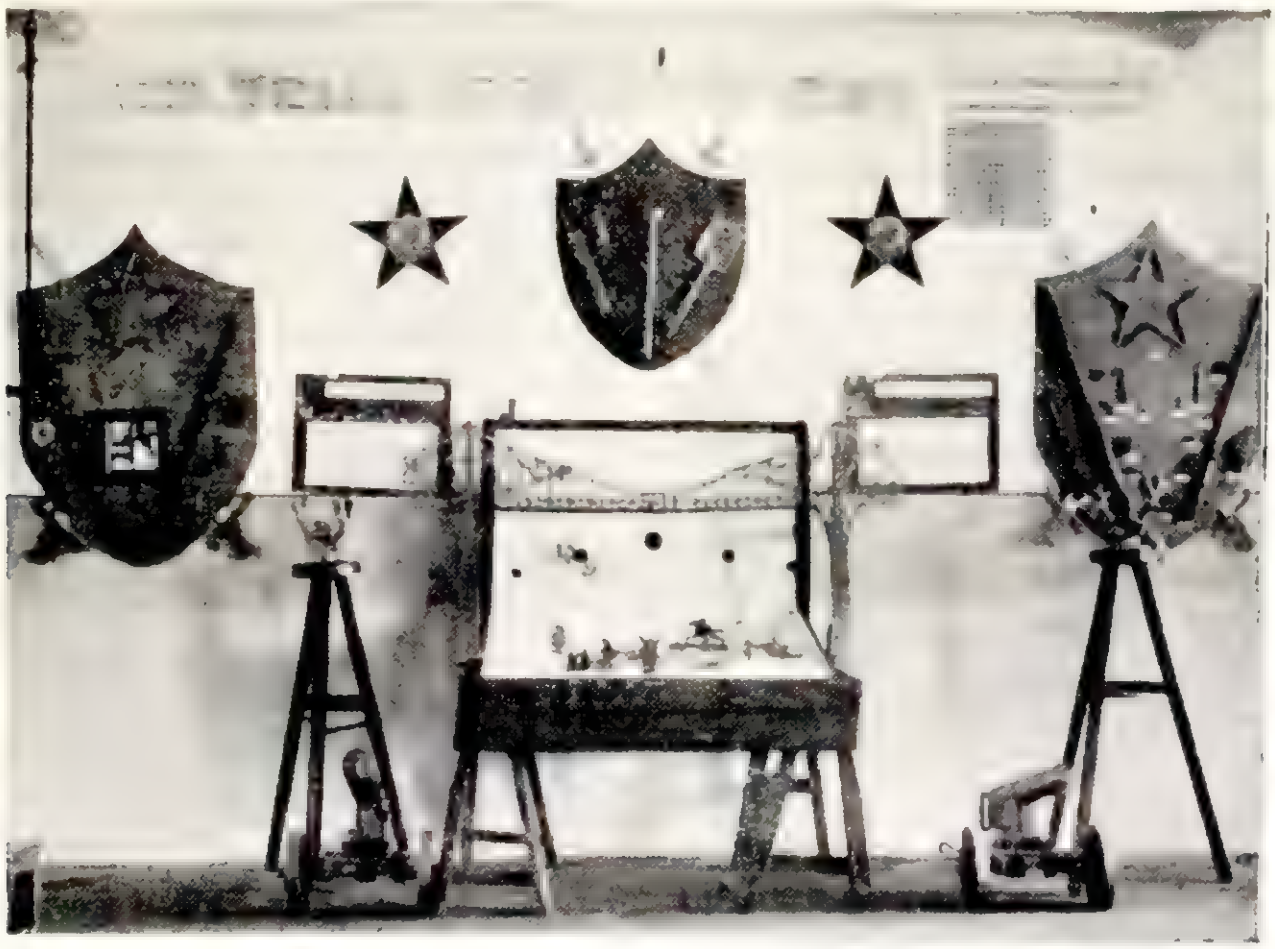
В черном лесу пахнет дымом и гнилой листвой. Над кострами красноармейцы растянули одежду, жгут вшей.

Кто воевал на Украине, тот знает, какие холодные украинские ночи. У меня и у товарища одно пальто.

Днем, когда солнце потом вытягивает из нас силы, мы его носим по очереди, на ночь прячемся под пальто вдвоем. Все равно холодно. Я засыпаю. Первым, что я почувствовал, когда проснулся, это свои застывшие ноги. Рассветало... Лощины дымились туманом... От холода все у меня онемело. Понемногу вставали все. Позавтракали

мы. Пусть будет, что будет. Они с Киевских курсов. Наступали с Винницы, заняли Жмеринку. Взяли много трофеев: два бронепоезда, составы поездов, пленных...

Выехали в разведку на Ярошенку. Мы рассказали свое. Взволнованные сердца переполнились радостью. Хотелось обниматься и целоваться... Вошли в станцию.



1928 г. Военный уголок полковой школы 133 полка.

земляникой. Наш взвод (в нем было 11 человек) пошел в разведку на Ярошенку. Идем и никого нет. Неожиданно натолкнулись на паровоз, сошедший с рельс. Это был наш первый трофей. Пришли на Ярошенку. Спрашиваем у железнодорожников:

— Когда ушел Петлюра?

— Ночью еще.

В село итти боимся. Вдруг услышали тяжелое дрожание земли. Поезд со Жмеринки. Там Петлюра. Кинулись бежать с дороги... Не успели спрятаться за насыпью... Пропали. Подошел. Бронепоезд.— Черепаха. Что такое? На нем красный флажок. Обман. Выскакивают в пилотках... курсанты. . Вышли и Запели песню борьбы трудящихся.

Дрожали стены маленькой станции. Мы пели интернационал..

Мурафа.

Борьба шла за линию Одесса-Киев. Эта линия снова наша, но чтобы удержать ее, надо наступать на запад. Разбитые петлюровские части бежали на Могилев-Подольск.

Нам дано задание настигнуть их и вступить в бой. Котовский с отрядом черноморцев охватывает их с Вапнярки, мадьяры с Жмеринки. Наша цель уничтожить остаток живой силы Петлюры. Мы шли усиленным маршем. Всюду находили следы ушедшего Петлюры.

Пронесся слух, что петлюровцы заночевали в Мурафе—от нашего привала 14 верст. Немедленно выступили. Это преследование нас измотало. Ног не чувствуешь. Они идут как то сами, механически... Кажется, вот вот упадешь, но они несут — впереди цель. Сегодня ночью мы настигнем Петлюру в Мурафе. Тихо поднялись к местечку. Оцепили...

Я с товарищем у обомшелой каменной стены, из'еденной временем. Она наверное видела еще польскую шляхту на Украине времен Богдана Хмельницкого. Бурьян выше человеческого роста. Чертополох раскинул свои колючие лапы. Сердце полно тревожной радости. Враг спит. Он в наших руках. Он не знает, что наша выдержка решила его судьбу.

С зарей мы вырвем бурьян с нашего советского поля...

Просыпается местечко ...Надо начинать бой... А Котовского с черноморцами нет. И мадьяров нет. Входим в местечко, суживая кольцо. Нас мало. Неожиданно сломали тишину первые выстрелы где-то с другой стороны.

...В одном белье выбегали в панике желто - блакитники. Прыгали через плетни... метались, как обалдевшие крысы... Много убили, еще больше взяли в плен в то утро.

...Через пару часов мы бежали под пулеметным обстрелом вниз с горы. Бежать можно было только через мост, а над ним рвалась шрапнель. Мы бежали, как испуганное стадо. Животный страх гнал нас. Напрасно Курковский молил нас остановиться, напрасно он сам оставался сзади. Мы бежали до Ярошенки.

Печальные ждали нас вести. Котовский окружен на Вапнярке и считается погибшим. Мадьяры были разбиты, не дошедши до Мурафы, встреченные на полпути свежими галицийскими частями Петлюры.

Это было начало конца.

1918 г. Стреляют, спрятавшись за лошадьми.

Больше мы Котовского не видали. Деникин занимал левобережную, а мы изнемогали в борьбе за правобережную Украину.

Отступление.

Мы отступали одной большой колонной. Командование „группой" (сбродом разных частей), принял Костюк. Кругом восстания... Банды... Банды... Банды... Мы идем проселочными дорогами.

Идем целый день с пятиминутными перевалами. Идем ночью. Спишь на ходу. Идешь, как лунатик. Перешагиваешь через корни, пни, лесной дорогой, как смутное воспоминание — видишь деревню,

кустарники... Засыпаешь на 5 минут на привале. Не просыпаясь, встаешь и идешь снова.

...Холодят сердце пули, ужасают снаряды, (не верь тому, кто говорит, что он в бою не боялся), но самое страшное—это отступление, это 150 верстный поход без передышки, без сна. Слабые ложатся на дороге и засыпают. Остаются в плену... Нужна сильная воля, чтобы заставить свои ноги стоять, когда им хочется бежать назад, но еще больше нужно бороться с соблазном лечь и заснуть.

Мы пришли ночью в местечко. В ту ночь я познал правду рассказов Гоголя. Местечко мертво. Полуоторваны, выломаны рамы окон. Валяются обломки мебели, тряпки... Жуткая тишина. Живых нет. Разбитые стекла сверкают холодным блеском. Здесь был погром.

Привал. В конюшне на навозе мгновенно заснули. Разбудила стрельба, крики, схватился за кормушку. Еле поднялся. О, как ноют почти парализованные ноги! Товарищ стонет, подняться не может. У него ноги опухли в пахах. Уже с вечера я измучился, убеждая его итти. Он равнодущен к смерти.

— Браток возьмись за шею!— говорю товарищу.

— Не могу. Иди. Я останусь. Хуже этой боли уж ничего не может быть.

— Я не уйду. Мы погибнем оба.

— Иди.

...Наши проходят измученными тенями...

Стою в мучительной нерешительности. Вдруг из-за угла—пулеметная повозка. На ней четверо.

— Стойте! Возьмите больного!

— Лошади не выдержат.

Схватил под уздцы из последних сил. Не пускаю уехать. Кнутовищем бьют меня по голове. Товарищ вопит. Под'ехал Костюк:

— Взять больного.

Поехали. Усталый далеко плетусь сзади...

Киев.

От 40 украинского полка едва ли осталась пара сотен человек и те истрепанные. Всю энергию, весь боевой пыл, все что можно было взять от нас силой слова, угрозами, неисполненными обещаниями комиссаров и политработников, все было исчерпано. Мы были небоеспособными. По слухам едем в Киев на переформирование.

...И однажды утром мы увидели себя на запасном пути. Кругом вагоны, вагоны, вагоны. Между ними, как разумные существа, кричали и маневрировали „кукушки".

Над всем этим город. Да, самый настоящий город.

...Мы бродим с товарищем по улицам, наслаждаясь звонкой твердостью камня, растворяемся в толпах...

На Киеве втором сотни воинских частей живут в эшелонах. Жгут костры под вагонами, варят, поют песни... Некоторые вагоны устроены с „комфортией": есть даже лесенка, чтобы влезать. „Предложение" пошло навстречу „спросу": у эшелонов базар. Ходим с товарищем покупаем. От скуки барахолим...

Дезертиры.

...Говорят, что если сегодня не выйдем из города, Деникин займет мосты и тогда амба...

...Беспорядочными зелеными рядами тянемся по улицам... Топот тысяч ног покрыл все звуки. Движение приостановилось. Поспешно спускаются шторы магазинов. Быстро захлопываются калитки. На привалах красноармейцы саранчей покрывают тротуары. Сидят на тумбах, на земле, на вещевых мешках. Перевернули несколько корзин с семячками, разбили пару витрин. Скатились с Печерска, прошли мосты Слободки, змеей растянулись по дороге на Бровары. Могучие сосны — стеною вдоль дороги. На

горе Киев сияет золотыми главами церквей. Двигаемся, увязая в белом песке. Тоскливо.

...Город зовет. Город разбудил заглохшее было стремление к личной жизни. Вечером в картошке лежим, слышим разговор:

— Дык я прогулял целый день, а вечером на пост до денежного ящика — а спать мне хоцца прямо смерть. Я того винтовку промеж ног, затвор на предохранитель и дремлю и вдруг меня как что толкнуло, открыл глаза каминдант штаба идьоть. Вижу пьянай. Так эта близка падходит и папиросу вынимаеть. Я ему говорю: „товарищ говорю каминдант, отойдите 3 шага назад" рассердился, а аташел. А мне спать хоцца. Сел он за стол, а на миня все смотрит из под лобья. А потом лег на диван... Бытта спить. А у миня глаза режуть. Сами закрываются и начинает что-нибудь снится. Тут меня как что толкнеть. Открою глаза, а ен на меня смотрить... Так ен мучил меня, аж пока смена пришла. Слышь Федь, а я ей богу к Деникину убягу.

— Дык что-ж побегиш, убьють можа наши, али казаки...

— Ни черта не убьють: у меня бумага есть, что мабилизований.

Кто-то подошел.

— Про што бурлаки толкуете?. Заговорили тихо... слов не слышно. Сгорбленным силуэтом приблизился Нудель, глухо прошептал: „собираются жидов Деникину выдать в случае, когда придется... Там такая агитация идет. Я тикаю, не хочу больше воевать.

— Ты через Киев?

— Да.

1928 г. Пулеметы по команде „к бою".

— Ты как а?.—обращаюсь к товарищу.

— Я думаю, что лучше вернуться в Киев.

Подлость выползла из мозговых нор. Подсказывает оправдание: „В конце концов мы добровольцы, хотим—воюем, хотим домой идем", а потом сказал вслух: „в Киеве найдем Яновского, Аркадьева и будем работать в подполье".

...Утром по дороге к Никольской Слободке упросились на подводу к бабе. На мосту красноармеец часовой не пропустит. Пошли вдоль реки. Отошли за поворот. Не видно. Винтовки в воду.

Жалко расставаться. В самые

трудные походы не бросал. В Киев с винтовкой нельзя. Кинул.

Самочувствие отвратительное... Подошли к пристани. Берем билеты в кассе. Кажется, что все узнают в нас дезертиров.

...Мы опять в Киеве. Бродим по улицам, ищем Яновского и Аркадьева. Как в воду канули. Чувствуем себя, как школьники на „казенке".

...Идет лихорадочная эвакуация. Грузовые автомобили, трамваи, ломовики... Все грохочут по Александровскому спуску нагруженные. Тянутся наверх пустые... Наши военные, советские спешат суетятся... все заняты... Все бегут и видно, что секунда дорога.

Все — одна бешено работающая семья.

А мы?.. Мы изменники. Мы бросили своих близких родных, своих товарищей в такой важный момент.

И живет своей жизнью мещанство. Ходят по улицам. Сегодня Пасха. Они не скрывают своего торжества. И только, попав в облаву при проверке документов, унижаются и делают страдающее лицо, боятся как бы уходящая сила не отдавила им хвоста. Между прочим... О как я их ненавижу! Петерс мало их расстреливает. Нужно сделать так, чтобы в эти дни нашего ухода они дрожали, сидя в погребах.

Два лагеря. А мы?.. Мы не с теми и не с этими. Мы бросили одних и не пристали к другим. Мы без пути...

— Знаешь браток, мне хочется в полк, хоть в какой нибудь. Я не могу вынести этого положения.

— Я тоже.

— Тут есть 2-й коммунистический, пойдем туда.

Пошли, пред'явили документы. Мучительно, изворотливо лгали.

Приняли. О счастье! Мы опять среди своих. „Те" два дня были как ужасный сон. Мы проснулись. Как чудесно пробуждение!

...Патрулируем ночью на улицах. По два часа стоим на перекрестке—Крещатик-Александровская. Товарищ говорит:

— Сегодня я готов всю ночь стоять без смены.

Я пьян от радости. Любовно заглядываю в лицо каждого „своего", пред'являющего пропуск. С нежной радостью прикасаюсь к винтовке...

„П у ш к а".

Мы отступаем. С продовольствием скверно. Снабжайся, как хочешь. Кузьмин сволочь. Остроумный мужик. Приходит во двор:

— Бабка, давай сала, яиц... Шамать хотим.

— И где же я тебе, соловейко, возьму? С рождества сала сами в глаза не видали.

— Ладно.

...Кузьмин ходит по двору, измеряет его шагами. Делает отметку. Бабка беспокойно смотрит. Кузьмин меряет. Тревога бабки прорывается:

— Ты, что-ж это сынок делаешь?

— Меряю.

Минута молчания. Кузьмин продолжает мерять.

— На што?

— Пушку ставить будем.

— Ой боже-ж мий!.. Та хто ж пушку во дворе ставит?

— Ничего бабка не поделаешь —война.

— Ой сыночек, не ставь ты ее тута. Ну ее к богу. Я тебе сынок сала у соседей достану.

— Давно бы так. Надо завсегда по хорошему. Ну тащи, не будем пушку ставить.

Дело кончается к обоюдному удовольствию.

„Пушка" кормит половину отряда.

В с т р е ч а.

Мы наступаем. Природа с нами. Мороз высушил дороги. Бодрит. А с привезенными газетами набегают волны радости.

— Орел наш... Наша кавалерия орудует в тылу у белых, рвет связи, захватывает штабы.

Вот он „пролетарий на коне".

Мы едем. Сани скатываются под ухаб. Нагнали парня. Ноги замотаны в обледенелые мешки. Грязная фуфайка. Стеганые штаны и козья папаха.

Улыбнулось белобрысое, заиндевелое лицо:

— Подвези братишка.

— Садись товарищ. Далеко идешь?

— В лазарет иду.

— Ну так мы тебя прямо туда и привезем.

...Вглядываюсь в розовое, с льняным пушком лицо. Что-то знакомое проглядывает, о чем то напоминает.

— А где то я тебя товарищ, видал? Ты в каких частях служил? В 45-й небыл? В 47-й?

— Не... Был в 60-й—в полку имени Тараса Шевченко...

...Вот оно блеснуло в мозгу. Днестр. Бешено несется мутная, весенняя вода. Крутит деревья и солому в мгновенно завертывающихся воронках. Я стою часовым в заставе. По ту сторону высокий румынский берег. В молчании громад притаилась угроза... Прошедшие сутки были очень тревожны.

Наш батальон I Одесского полка был прикомандирован к полку имени Тараса Шевченко. Пришли в Григориополь ночью. Не ели.

Приехал Живодеров. Черный, бородатый, на маленькой киргизской лошадке. Долго смотрел, иронически, злобно, потом поздоровался.

Живодеров произнес непонятную речь, из которой ясно было только то, что нас ждет мало хорошего и закончил словами.

— Да здравствует 3-й ынтырнационал и штоб мине никаких курей, ни гусей...

Такой „грех" был. В Таврове наши ребята поживились за счет крестьянской птицы. Хотя военком Ицкович запретил выходить после наступления темноты на улицу, но это мало помогло.

Мы разошлись по квартирам и не успели поесть, как прибежали командиры:

— Строиться.

Военком прочел воззвание о том, что Григорьев об'явил себя гетманом Украины и продал советскую власть. Шопотом передавали, что с наших ребят срывались звездочки.

Вечером нас развели в заставы. Тихи и серьезны были командиры и мы встревоженно молчали.

Стоял на посту. Более суток не ел. Страшная слабость и равнодушие. Беспрерывное движение воды кружило голову.

„Вот оно что".

...Он меня сменил и принес кусок мамалыги. Он сидит сейчас на санях, я смотрю на него и радость из переполненного сердца расплывается по телу. В его глазах веселое недоумение. Он не знает отчего сияет радостью мое лицо.

Он смеется серьезно и добродушно, показывая зубы.

— Помнишь, как на подводах уезжали мы из Григориополя? Навстречу нам ехал полк из Вознесенска. Среди них были григорьевцы и они нам кричали: „коммунисты... черти полосатые..." Помнишь? А мы молчали. Не нужно было отвечать. Нужно было выдержать. Не дать повода к драке и мы молчали. Вот мы выдержали и победили.

— Да, помню, помню.

. . . . . .

Прошло всего 7 месяцев... Убит Григорьев. Прогорел Петлюра. Бежит к морю Деникин...

Мы едем на санях. По сторонам куски зубчатого леса. На темной зелени сосен одинокие березки чеканят золотой узор...

За радостной беседой версты бегут незаметно. Среди багровеющих просторов к горбу приткнулась деревенька.

Алым блеском окон высматривают дали.

Мы вернулись...

Киев—Петроград.

После окончания Южного похода, дивизия вновь вступает в борьбу с врагами. Конец сентября, начало октября, Киев уже находился в руках деникинцев.

Дивизия получает задачу взять вместе с частями 44 и 58 дивизий город Киев. Дивизия перегруппировывается, но в связи с общей военной обстановкой 25 сентября, наступление было отсрочено и дивизия переходит в район ст. Коростень

Через несколько дней новый приказ о наступлении на Киев, но этот приказ опять отменяется. Все же сделанная предварительная перегруппировка частей дивизии выдвигает 2 бригаду на фронт, где она сменяет части тов. Голого на участке Новая-Гребля — Бородянка, — Берестянка, выполняя задачу прикрывать фланг 58 дивизии. Бригада входит в непосредственное соприкосновение с белыми. На этом участке деникинцы имели лучшие полки, почти целиком состоящие из офицеров. На 3-х солдат приходилось по одному офицеру.

6 октября 2 бригада неожиданным ударом сбила противника и заняла село Берестянку и Бородянский ж. д. мост. Бригада атаковала село Новая Гребля несколько раз, захватывала это село в руки, но опять отдавала белым. В этой борьбе за село Новая Гребля основную тяжесть удара выдерживал 400 полк, отбросив 14 атак в штыки офицерского батальона и, наконец, поддержанный кавалерийским эскадроном, занял село Новая Гребля. Удар был неожиданным и противник был сброшен в болото реки Ирпеня, оставив из 800 — 400 убитыми, ранеными и пленными.

После захвата Киева на 2-3 дня, частями 44 и 58 дивизий совместно с кавбригадой Котовского, 45 дивизия перебрасывается в Вязьму—Рославль, а оттуда к Петрограду, а затем на деникинский фронт.

Г. Котовский.

Непобедимая „дикая“.

По окончании знаменитого прорыва Южной группы, Высшим командованием перед бойцами 45-й дивизии была поставлена новая боевая задача—движение на Киев и его освобождение от противника.

Полкам 2-й бригады приказано было занять м. Бородянку и с. Новая-Гребля по реке Здвиж (приток реки Тетерева), где сменить части интернационального полка тов. Голого.

Интернационалистов в Новой-Гребле пришлось сменять 400 и 401 полкам, имевшим в общем не более 350—400 штыков.

Восточная часть с. Новая-Гребля занималась офицерским стрелковым батальоном противника, 800 штыков при 12 пулеметах Максима и Кубанской батареей, занимавшей позицию на восточном берегу реки Здвиж. Занятая часть села была сильно укреплена.

Смена происходила в тяжелых условиях и части сменялись группами от 5 до 10 чел. часто ползком.

Части полков, сменив Интернационалистов, с боем заняли западную часть села и фактически противные стороны разделял только один ряд дворов.

В первую же ночь на рассвете противник попытался атаковать наши полки, но атака была отбита.

Прошли еще одни сутки напряженной борьбы то в одном, то в

было бы переходить из потомства в потомство, как пример высшего революционного мужества и самопожертвования.

На рассвете, без артиллерийской подготовки, два маленьких полчка, при поддержке спешенного эскадрона, перешли в контр-наступление, бросившись на противника в штыки.

1920 г. Тов. Котовский (посредине) на польском фронте.

другом пункте. Ночью противник одиннадцать раз атаковал горсточку наших бойцов, которые в одних нательных рубахах и частью только в кальсонах, босиком (октябрь месяц), отбивали сильного, хорошо вооруженного противника из своих окопчиков и баррикад, наскоро построенных из бревен и песку. Много сказочного, легендарного героизма было проявлено в эту ночь, как отдельными героями, так и целиком обоими полками.

Почти что ничего не занесено из этой жуткой ночи, что должно

Никогда до этого и после этого во все время гражданской войны мне не приходилось видеть такого жестокого боя, поистине смертельной схватки.

Обойденные и отрезанные со стороны болотистой речки спешенными кавалеристами, занявшими единственный переход через нее, у них в тылу—мостик, белогвардейские стрелки-офицеры понимали, что спасения нет, и дрались с психологией отчаяния, в результате боя были уничтожены до одного человека, частью будучи уби-

ты, частью потоплены в болотистой речке.

Взошедшее утром солнце осветило жуткую картину места боя.

Трупы лежали грудами, иногда группой в 4—6 человек и видно было, как двое, схватившись в последней смертельной схватке, еще не убив друг-друга, были пронзены штыками своих врагов, а те, в свою очередь, были убиты другими. Так и лежала группа, навалившись друг на друга... Перегрызенные глотки, откусанные носы, оторванные уши...

Маленькие полчки после этото боя еще больше поредели, но задача была выполнена, противник совершенно уничтожен.

Поредевшие ряды легендарных, сказочных, незабвенных и, вместе с тем, скромных незаметных героев, рвались к Киеву „Даешь Киев"— вот что было на устах каждого отдельного и всех бойцов бригады и дивизии.

Их воля к победе, воля к освобождению братьев — пролетариев Киева была несокрушима и даже стихийна, но осуществиться этой мечте наших героев не пришлось...

Революция требовала бойцов 45 дивизии на другой участок фронта. Нас звали к себе на помощь петроградские коммунары, на которых наседал Юденич.

И скоро части геройской, непобедимой дивизии, эшелон за эшелоном двигались на помощь своим братьям на север.

А народ разносил весть.

Идет дикая дивизия!

Так окрестили нас белогвардейцы, после так тяжело и печально окончившихся для них боевых встреч с „дикими" бойцами 45-й стрелковой Краснознаменной-Краснооорденской дивизии.

(Июнь 1924 г.)

Николаевский.

Тульское пополнение.

В октябре 1919 г. получили пополнение из Тулы. Настроение тульского пополнения было неважное. Собранное из дезертиров и наскоро обученное оно только и думало о том, как бы скорее удрать из эшелонов домой. Ставили охрану, а все-таки дезертиры были. Те, кто и не помышлял о дезертирстве, были настроены уныло. Родные дома, вольная жизнь, матери, невесты,—все это осталось позади, а впереди какая то „дикая дивизия" (так называли нашу дивизию на юденичском фронте), в которую и ехало пополнение.

Приехали в Рославль. Приемщики загорелые, в мохнатых шапках быстро обходили кр-цев и проверяли имущество. Они весело разговаривали, шутили с пополненцами, совсем не походили на „диких". Пополненцы недоумевали —какие же они дикие? Начались рассказы, расспросы. Кончилась приемка и пополнение двинулось в бараки. Пришли к баракам, выстроились. Со всех сторон сбежались старые кр-цы посмотреть на пополнение. Старые кр-цы были почти все раздеты и разуты, но вид имели веселый, задорный.

— Вот так фронтовики,—думали туляки. Смеялись.

Приехал тов. Котовский. Он был встречен громкими криками старых

кр-цев. Он начал говорить пополненцам о „дикой дивизии", ее победах и традициях.

— Разрешите выразить пожелание,—говорил он—что северные орлы не упадут лицом в грязь и покажут всему миру, как умеет сражаться воин свободной республики. Забудьте о домах и семьях. ваш дом, ваша семья — это наши полки и дивизия, славу которых вы должны поддержать с честью. Трусам, шкурникам, дезертирам нет места среди победителей и храбрых бойцов. Тот, кто мечтает не о защите республики, не о победе, а о Брянских лесах, тот изменник рабочему делу и его ждет жестокая кара...

Слова Котовского были покрыты аплодисментами старых кр-цев.

Пополнение стояло оглушенное и подавленное. Оно увидело, что попало в среду боевых ребят, видавших виды, побывавших не в одних боях.

Разбили по ротам. Старые принимали новых, молодых радушно. Спрашивали, рассказывали о себе. Привыкнув к постоянному движению и опасностям в боях, как-то скучали здесь и выражали нетерпение — скорее двинуться на фронт:

— Скорее бы обмундировали нас,—говорили старики,—да и на фронт. Там жизнь, а здесь только киснешь в бараке, и холодно, и голодно, и дела тебе настоящего нет.

...И начинаются рассказы о победах, об отступлениях, о героях живых и павших.

— А зачем вы это с собой капусты много набрали,—смеясь, шутили старики,—полные сумки напхали.

Туляки виновато улыбались:

— Да как же без капусты? Уж очинно мы ее любим. А тут не достанешь.

Туляки удивлялись, вот старики голые, голодные, а не унывают. Все скорей бы на фронт.

В течение нескольких недель совместной жизни стариков с пополнением из молодняка стали вырабатываться кр-цы, проникавшиеся необходимостью борьбы с контрреволюцией, более или менее понимавшие, зачем их призвали, за что они идут воевать.

1928 г. Джигитовка.

...На деникинском, на польском фронтах, туляки потом показали, что и они умеют биться.

Так небольшие группки старых бойцов сумели воспитать своих товарищей, сделать их хорошими бойцами.

Н. Павлов.

На деникинском фронте.

(Декабрь 1919—март 1920).

45-я дивизия приняла активное участие в действиях по ликвидации деникинской армии во второй половине декабря 1919 г. К этому времени генеральное сражение на южном фронте было уже разыграно. Войскам южного фронта удалось добиться решительного перелома в свою пользу, но перед южным и юго-вост. (впоследствии Кавказским) фронтом встала задача, может быть еще более трудная, довести ликвидацию деникинских армий до конца. Силою обстоятельств белое командование принуждено было избрать две базы для сосредоточения своих разбитых армий: Кубань и Крым. Естественно, что деникинские войска, оперировавшие на Правобережьи, устремились на юг, стараясь пробиться в Крым. И вот на долю 1-й армии, в состав которой входила 45 дивизия, выпала задача ударом на Одессу отрезать эти войска противника и уничтожить их. 45-я дивизия прибыла в начале декабря с юденичского фронта на деникинский и распоряжением командующего 14 армией была назначена в армейский резерв с расположеним сначала в **Глухове**, а потом в районе **Полтавы**.

1928 г. Лучший пулеметчик кр-ц т. Козлов (133 п.)

20 декабря 45-я дивизия была выведена из армейского резерва и получила боевую задачу—овладеть районом—устье р. **Ворсклы-Верхне-Днепровск-Новомосковск-Днепропетровск** (Екатеринослав).

Эта задача ставила дивизию на правый фланг 14 армии. Иными словами 45 дивизии, в первую очередь, приходилось перехватывать противника, бегущего из района **Житомир-Киев**.

Дивизия справилась с поставленной ей задачей.

3 бригада была направлена на участок—устье р. **Ворскла-Верхнеднепровск**, 1 бригада в район **Новомосковск-Днепропетровск**, 2-я бригада оставлена в дивизионном резерве **Новомосковск**.

Противник перед фронтом дивизии отходил, не оказывая почти никакого сопротивления.

29/XII 1 бригада заняла **Новомосковск**, а 30/XII—**Днепропетровск**. 3 бригада к 30/XII вышла на линию—устье р. **Ворскла-Верхне-Днепровск**. Первая боевая задача была 45 дивизией выполнена.

После оставления **Днепропетровска** противник разделился на 2 группы: одна группа в составе 13 пехотной дивизии отошла на **Кривой Рог**, вторая в составе 34 пехотной дивизии—на **Александровск**. Для преследования последней была направлена 1 бригада, которая в ночь с 4 на 5 января овладела с боем **Александровском**. Противник отошел в район **Апостолово**.

С занятием **Днепропетровска** и **Александровска** части 45 дивизии вступили в махновский район и, не имея перед собой деникинцев, оказались лицом к лицу с армией Махно. Последняя состояла из 4-х корпусов и была сосредоточена в районе **Чумаки - Томаковка - Кичкас** (переправа через **Днепр** в нескольких верстах севернее **Александровска**).

По занятии **Днепропетровска** 45 дивизияя 4/I—20 получила задачу овладеть линией **Кривой Рог-Апостолово**, параллельно уничтожив банды Махно.

8 января был получен приказ Реввоенсовета Республики о переходе всех махновских отрядов в **Гомель**, в связи с наступлением поляков на западном фронте. Махно отказался выполнить этот приказ, поэтому с утра 9/I начались действия против махновских отрядов, при чем 1 бригада была направлена в район **Никополь**, 2 бригада обложила район **Александровска** и производила очищение этого района, 3 бригада разоружала махновцев в районе **Марьевка-Чумаки**. Разложение махновцев было столь велико, что они не оказали почти никакого сопротивления, и все операции против них свелись к окружению отдельных отрядов и разоружению их. К 13 января армия Махно перестала существовать: около 2,000 махновцев были разоружены и направлены в тыл, значительная часть партизан, служивших у Махно, перешла на нашу сторону, и из них был сформирован 399 полк; прочие разделились на мелкие отряды и разбежались.

1928 г. Лучший стрелок кр-ц т. Вакула (133 п.)

Лишь жалким остаткам во главе с Махно удалось бежать в **Гуляй-Поле** и **Орехов**

К 20/I части дивизии занимали:

3 бригада—участок **Кривой Рог-Каменка**;

1 бригада **Каменка-Апостолово**,

2 бригада дивизионный резерв **Кривой-Рог**.

Кавалерия, сведенная из бригадных дивизионов **Лозоватка** (15 верст с. в. **Кривой-Рог**).

Еще в период операций против Махно 45 дивизия получила новую задачу выйти на линию **Первомайск (Ольвиополь) - Вознесенск**. Задачей соседней слева 41 дивизии было поставлено овладение гор. **Николаевом**. Командование дивизией для выполнения этой задачи направило: 3 бригаду через **Бобринец** на участок **Первомайск - Константиновка**, 2 бригаду через **Ольгополь** на участок **Константиновка - Вознесенск**, 1 бригаду в тылу и уступом за 2 бригадой через **Ольгополь** на **Вознесенск** и далее на ст. **Березовка**; кавалерии Котовского было указано содействовать 2 бригаде в овладении **Вознесенском** и 1 бригаде в овладении ст. **Березовка**.

1928 г. По команде „на лестницу“. (Р. Св. 45).

При выполнении этой новой задачи части 45 дивизии должны были пересечь две очень важных для противника железнодорожных линии: **Бобринская - Знаменка - Николаев** и **Бобринская - Новоукраинка-Одесса**. Было ясно, что противник будет крепко держаться за эти линии, чтобы дать возможность войскам, действовавшим к северу от линии **Бобринская - Вапнярка**, отойти в район **Николаев-Одесса**. Действительно, оказавшийся перед фронтом дивизии корпус генерала Скалона (14 и 20 дивизии) оказал сильное сопротивление частям нашей дивизии в районе **Долинская - Казанка** и в районе **Ровное-Анновка-Людмиловка**. Однако частям 45 дивизии в ряде упорных боев удалось преодолеть сопротивление корпуса Скалона, к 4/II выйти на **Буг** и перерезать жел. дорожную линию **Бобринская-Одесса** у **Голты (Первомайск)** и **Вознесенска**.

3/II дивизией была получена новая задача наступать в район ст. **Раздельная ст. Выгода** с тем, чтобы не дать противнику возможности отойти на **Одессу** и по выполнении этой задачи безостановочно наступать для овладения районом **Тирасполь-Бендеры**.

Во исполнение этой задачи линия движения 45 дивизии, шедшая до сих пор с востока на запад, сворачивала под острым углом на юг. Командование 45 дивизии направило 3 бригаду на ст. **Раздельная** и 1-ю бригаду с кавалерией Котовского на ст. **Выгода**. При выполнении этой задачи части дивизии встретили упорное сопротивление со стороны противника. 9 дивизии противника 3/II удалось прорваться у д. **Николаевка** и превосходными силами атаковать части 2 бригады.

В период с 3 по 7 февраля части 2 бригады получили нес-

колько поражений от противника и понесли большие потери. Положение было востановлено благодаря своевременной помощи, оказанной 2 бригаде подоспевшими частями 3 бригады. Кроме того противник пытался оказать сопротивление частям I бригады и кавалерии Котовского у **Б. Буялык**, но был разбит. 9/II кавалерия Котовского ворвалась в г. **Одессу**, совместно с частями 41 дивизии, выбила оттуда противника и безостановочно преследовала его до **Дальники**, захватив много пленных и богатые трофеи.

10/II кавалерия Котовского разгромила у **Маяки** колонну противника до 4,000 пехотинцев и 300 сабель и захватила огромные трофеи.

11/II 3 бригада заняла ст. **Раздельная**, а 13/II частями 2 бригады, выведенной из дивизионного резерва, был занят г. **Тирасполь**. Противник, прижатый частями 41 дивизии к **Днестровскому** лиману, и не пропускаемый румынами на западный берег **Днестра**, двинулся на север, стараясь прорваться в район **Рыбница**, где румынами был организован прием, переправляющихся на западный берег, белых войск. Две группы его (Бредова и Попова) имели ожесточенный бой с нашими частями у ст. **Кучурган**, юго западнее **Раздельная** и у **Ягорлык**.

Это были последние бои, которыми 45 дивизия закончила операции на деникинском фронте.

Вторая половина февраля была посвящена очищению района **Рыбница-Тирасполь** от белогвардейских войск.

Махновцы.

1920 год. Полки дивизии стремительно двигаются вперед, тесня деникинские части и в один январский день, к вечеру, полковая разведка без боя занимает город Александровск. К вечеру в город входят другие части, бригады.

И тогда же, в этот зимний вечер, с кичкасской переправы в город входят отряды кавалеристов, табуны тачанок, на которых вперемежку с пулеметами лежат люди, метающиеся в тифозном жару...

Длинным потоком вливается вся эта орда в город, заливая площади, улицы, переулки...

— Махновцы вошли в город,— пронеслось среди населения,

Штаб самого Махно поместился в огромном двухэтажном доме, где большими вырезными буквами было обозначено: „Европейская гостиница".

Тогда же вечером, в гостиницу были „приглашены" оркестры музыки; в гостиницу тюками носили вино и пиво; всю ночь играла музыка, всю ночь шли танцы и беспробудное пьянство. Утром на углах улиц заблестел приказ Махно о том, что город об'является свободным. Начальником гарнизона назначается командир такого-то корпуса, а ад'ютантом-командир такого-то полка

... Но в тот же день вечером на углах улиц, рядом с махновским приказом, вывешивается приказ за подписью красного комбрига Левензона.

... Начальником гарнизона об'являю себя... Комендантом назначаю-

1928 г. НАШИ ШЕФЫ
Ксаверовская коммуна на Волыни. Трактор в работе.

Комбата тов. Липанова. Немедленно приказываю прекратить безобразия, творящиеся в городе, как-то: пьянство, грабеж, бесцельные стрельбы в воздух и т. п... Виновные будут подвергнуты наказанию по всем строгостям революционного закона..."

Обыватели в шубах, полушубках, старые чиновники, в потертых пальто и полинявших „государственных" фуражках, робко подходили к углам улиц, недоумевающе читали два приказа и также робко, также несмело, шептались друг с другом:

— Кто же настоящий начальник? Кому подчиняться?...

Рабочие завода „Коммунар" приходили в красноармейские отряды и, волнуясь, говорили:

— Нужно покончить с этой махновской ордой!

Вечером махновцы прислали представителя к красным и этот представитель сказал:

— Батько просит вас к себе на военное совещание

Комбриг тов. Левензон, Комендант тов. Липанов и еще несколько командиров идут на военное совещание, где на фронтоне „Европейской гостинницы" написано „Штаб украинской повстанческой армии Махно".

— Я,—начал свою речь Махно, —созвал это совещание с чисто военной целью. Мы должны затрагивать лишь вопросы, связанные с предстоящими военными операциями против белых. О политике ни слова!

На совещании говорили лишь о предстоящем наступлении на белых.

Закрывая совещание, Махно не преминул заметить:

— Сегодня наши задачи сходятся. Мы вместе идем бить белую сволочь, что будет завтра, посмотрим.

— Посмотрим,—ухмыляясь, подумали красные командиры.

На следующий день на площади, что огромным полотнищем тянется от Днепра к базару, был устроен парад.

Возле трибуны проходил поток красноармейцев, махновцев, кричали „ура", из толпы иногда раздавались возгласы: „Да здравствует наш батько Махно"! Возгласы переходили в широкое дружное „ура", раздававшееся над вооруженной толпой. Парад принимали Комбриг красных—Левензон и Комкор 2 Азовского махновец—Каретник.

После парада—митинг. На трибуну всходит Комбриг красных и, обращаясь к махновцам, говорит:

— Нужно бросить барахольство и грабеж! Переходите к нам, в Красную армию для защиты Советской власти.

1928 г. НАШИ ШЕФЫ

Ксаверовская коммуна Черняховского района на Волыни.

Комбрига сменяют махновские ораторы. Они, махая в воздухе револьверами, кричат:

— Наемники!.. За что вы служите? За жалованье, а мы за идею.

Красноармейцы, в большинстве добровольцы, плотным кольцом окружившие трибуну, вспыхивали огнем возмущения и, нервно теребя в руках винтовки, готовы были перейти на разговор оружием.

Выступали еще и еще ораторы и кричали:

— Продажные шкуры, кому вы подчиняетесь? Жидам и коммунистам. Переходите к нам, у нас вольнее и свободнее.

Красноармейцы в ответ брали на изготовку и Комбригу красных Левензону приходилось отдавать резкое и короткое приказание: „К ноге"!—Кр-цы успокаивались.

— Что же ваши комиссары и командиры—говорил Каретник тов. Левензону,—ведут агитацию среди наших бойцов. Это никуда не годится. Давайте предоставим самим бойцам разрешить вопрос с кем они, с нами или с вами.

Комбриг красных подумал минуту, а потом коротко отрезал:

— Да мы согласны.

С трибуны было об'явлено об этом вооруженной толпе, что занимала площадь и оттуда, из человеческого моря, послышались возгласы:

— Ладно!.. Давайте! ..

Загудела, зашумела огромная „аудитория"...

И не прошло 40-50 минут, как от махновцев начали откалываться десятки, сотни бойцов и переходить сюда, на эту сторону площади, где стояли красные войска.

Махновские командиры нервничали, махали револьверами и ругались, но это ничуть не помогало и к вечеру огромные массы махновцев перешли на сторону красной бригады.

Через день был получен приказ Командарма 14.

— Перебросить махновцев в район Гомеля для обеспечения западной границы от наступающих поляков.

Махно не подчинился.

..Ночью, когда шел сильный дождь и вода замерзала на шинелях, было сыро, морозно и холодно, части Красной бригады вышли за город в поле и там, соединившись с 41-й дивизией, начали снова наступление на город. Город был взят очень быстро, ибо махновцы не оказали почти никакого сопротивления. Многие из них из'явили готовность перейти к красным. Махновцев обыскивали, находили немало золота, дорогих сукон, кож и т. п.,—все это отбиралось и сдавалось в денежные ящики полков на хранение.

...В ту же ночь, отряд в 500 сабель, окружив плотным кольцом тачанку, в которой в пуховиках лежал больной тифом сам батько Махно, ушел на юг, в степи, к Орехову...

Л. Широкий

Коммунисты...

В 1919 г. я отступал на бронепоезде, будучи кр-цем-политбойцом из Одессы на Север.

Приехали в Бирзулу в жаркие августовские дни. Помню толкался между вагонами на ст. Бирзула... Ах, какая масса была здесь вагонов: были запружены все пути.

Обстановка была тревожная. Куда ни ткнись—то петлюровцы, то бандиты, то еще какая нибудь сволочь.

Это тогда Махно разогревал паровозы и пускал их по пути в направлении Бирзулы. Паровозы врывались в вагоны и получалась неразбериха.

Среди кр-цев из уст в уста передавали о том, что Махно изменил.

Махно изменил... Это тот Махно, который недавно, кажется, был с нами, а теперь, когда нам трудно, поднял вооруженную руку против нас.

...В огромном зале ст. Бирзула шумно, многолюдно. Здесь сегодня собрались все коммунисты частей, стоящих в Бирзуле.

— Повестка дня,—говорит председатель:

1) Об измене батьки Махно.

2) Что делать.

Помню говорил докладчик о том, что нам нужно прорваться на Вапнярку. Проселочными дорогами итти дальше, держать курс на Житомир, на Киев.

Выступавшие в прениях соглашались с докладчиком. Общее настроение этого оригинального собрания было таково, что нужно итти.

Нужно итти, но нужно повлечь за собой и всю массу кр-цев. Нужно об'яснить кр-цу это решение, принятое на митинге-собрании.

Подив тогда выпустил письма „Слово о махновцах". В этих письмах Подив раз'яснял, что из себя представляет Махно, почему гибелен путь, по которому они идут. Это „слово о махновцах" мы коммунисты читали красноармейцам, собирая их группками. Это была своего рода групповая работа.

Комиссары проводили летучие митинги кр-цев, где ставился тот же вопрос о необходимости вырваться из кольца.

Затем начался тяжелый поход дивизии на соединение с Северной армией.

Бои, стычки с бандитами.

12 сентября была нащупана связь по радио с 44 дивизией.

Комиссар сказал мне:

„Необходимо все внимание сосредоточить на дисциплине, бдительности кр-цев. Засыпают ведь в заставах".

Южный поход был тяжелым походом дивизии. Кр-цы тогда не особенно любили слышать даже слово „коммунист". Нам приходилось работать, так сказать, подпольно.

...Южный поход кончился. Дивизия была переброшена в Вязьму. К этому периоду относится оформление бюро ком'ячеек. Партийные собрания проводились. Повестка дня боевая, военная. Задачи партии в связи с наступлением Деникина. Вязьма это уж не фронт,

можно было заняться и другой работой Помню, наша ячейка организовала тогда драмкружок.

Получали газеты, очень много газет. Шли разговоры о том, что пойдем на юденичский фронт.

Кр-цы встречали эти слухи недоброжелательно:

— Какого чорта нам переться на юденичский фронт, когда Украину, наши села занимают деникинцы и петлюровцы?

...Январь 1920 г. Александровск. Встреча с Махно. Встреча с махновской бандой, безобразничавшей в городе и пьянствовавшей. Нужно было удержать кр-цев от разлагающего влияния „махновской армии". Это не всегда удавалось и некоторые слои кр-цев поддавались этому тлетворному влиянию, уходили к махновцам попить, подебоширить.

В Александровске мы стояли

1928 г. 3 дивизионная комсомольская конференция.

Долго приходилось раз'яснять почему нам сейчас нужно итти на Питер, ибо даже, когда был отдан приказ о погрузке, то целые роты отказывались грузиться.

Но все же усилиями коммунистов, командиров и политработников удалось убедить кр-цев и погрузка состоялась.

Легче было поддерживать боевое настроение кр-цев, когда дивизия возвращалась на деникинский фронт. Кр-цы с большим воодушевлением шли на этот фронт, ибо это было возвращение в свои родные села.

что-то около недели.

В театре — вечерами устраивались с махновцами диспуты—„Наши вожди т. Генин, Озерянский,—с нашей стороны, Волин, Попов, с махновской, кажется, левый эс-эр ломали копья, дискутировали. О чем, я сейчас точно не помню, но все о том же, кто действительно является защитником рабочих и крестьян, махновская ли армия или мы Красная армия. Диспуты продолжались часа по 4 по 5.

В театре было полно—коммунисты и махновцы. Своих ораторов каждая сторона встречала аплоди-

сментами, а противников свистами, криками „Долой, довольно, демагогия"...

Ночью огромной толпой выливались из театра мы и махновцы.

Они начинали песню:

Споем же мы песню под громы ударов.
Под шумы и взрывы и пламя пожаров,
Под знаменем черным гигантской борьбы
Под звуки набата призывной трубы.

А мы пели:

— Вставай проклятьем заклейменный
— Весь мир голодных и рабов...

что-то около 8000 тифозных махновцев).

Дивизия двинулась дальше, держа путь на Вознесенск и Одессу.

Мне была поручена организация советской власти в селах, занимаемых дивизией, как и некоторым другим товарищам. Мне давался список сел и на другой, третий день после прохода частей дивизии я являлся в село, собирал митинг и об'яснял крестьянам, что такое советская власть.

У меня был конспект, данный мне комиссаром и через какую нибудь неделю я свою речь, можно сказать, выучил наизусть. Особенно в моих тезисах было подчерк-

1925 г. За шахматной игрой.

Они старались перекричать нас, мы их. Это было довольно оригинальное зрелище, когда ночью по улицам шли люди толпой и пели песни. На улицах было пустынно и темно.

Махно был разоружен, вернее его армия тифозная, вшивая (в одном Никополе было оставлено

нуто: „нажать на организацию двух отделов: продовольственного и гужевого". Попутно я затрагивал также вопрос и о Махно и нельзя было его не затронуть, ибо вопрос о Махно ставило и само население.

... Польский фронт. Листовки, воззвания. Эти листовки-воззвания

приходилось читать кр-цам. Помню, когда состоялся буденновский прорыв и дивизия держала курс на Галицию в нашей групповой, индивидуальной агитации и пропаганде (да позволено мне будет назвать таким термином, что то похожее на это в то время), приходилось особенно подчеркивать то, как должен себя вести кр-ец в Галиции. Мы коммунисты имели в руках некоторые цифры о том, сколько отобрано у нас, в России у помещиков земли, а сколько сейчас имеется земли у помещиков в Галиции.

Эту арифметику мы должны были сделать достоянием красноармейской массы, а также и крестьян тех сел, которые проходили мы.

Довольно оригинально уже в Галиции собирали крестьянские митинги. Это удавалось в особенности в воскресенье, когда крестьяне шли в церковь.

Мы располагались здесь недалеко возле церкви, делали, что-то похожее на походную трибуну и начинали „ораторствовать".

Крестьяне, выходившие из церкви, подходили к нам и получалось... вроде митинга. Мы здесь не преминули сообщить крестьянам о том, сколько отобрано на Украине и в России у помещиков земли, а что здесь в Галиции вся земля еще в руках помещиков.

...Фронты закончены. Мы в Гайсинском округе по борьбе с бандитизмом.

У меня в памяти сохранилось одно закрытое партсобрание. Делал доклад председатель Особого отдела. Он говорил о том, что Петлюра организовал Всеукраинский Повстанком, который ставит своей задачей организацию широкого восстания на Украине для свержения советской власти. Местным организациям этого повстанкома сейчас дана директива Петлюрой: убивать совработников, мешать продвижению продовольственных грузов, оказывать сопротивление советской власти при попытке взять у крестьян хлеб.

Нужно проследить затем, какие щупальцы пытается повстанком создать здесь и в частях армии Необходима особая бдительность, своего рода „чекистскость" со стороны каждого коммуниста.

Постановили. Каждый коммунист должен сделаться осведомителем Особого отдела и сообщать о всем замеченном.

На партийной работе в той форме, в какой я здесь изложил, лежал отпечаток лихорадочности бешеного темпа и, конечно, отсутствие какой либо системы, плана...

Бей врага!..

Бей врага ты в понедельник,
Что есть духу, бей не трусь.
Чтобы понял он бездельник,
Что крестьянский сын не трус.

Бей врага ты и во вторник,
Бей прикладом коль настиг,
Чтобы понял он крамольник
Пролетарский красный штык.

Колоти покрепче в среду,
Колоти его во всю,
Чтобы красную победу
Зарубил он на носу.

И в своем лихом размахе
Колоти его в четверг,
Чтобы он в безумном страхе
Поднимал лишь руки вверх.

А уж в пятницу с рассвета
Без разбора бей подряд,
Чтобы с поля он с винтовкой
Мчался прямо к чорту в ад.

Загудит в субботу пушка.
Ты же в ход пускай ружье,
Чтоб романовский наемник
Каждый день сменял белье.

Бей всю банду в воскресенье
Пролетарский богатырь,
Чтоб заставить по убитым
Позабыть читать псалтырь.

Бей же снова в понедельник
Без разбора, бей господ,
Бей за старое, бей за новое,
Бей вперед за целый год.

Красноармеец Молодов
1920 г.

На польском фронте.

(Март—октябрь 1920 г.).

6-го марта 1920 года начинается наступление поляков в районе **Мозырь Овруч-Коростень.** Дивизия переходит в район **Сербиновцы.**

17 марта поляки начинают наступление вдоль ж. д. **Проскуров-Жмеринка** и оттесняют наши силы. Противник находится в состоянии наступательного под'ема и потому характер боев с нашей стороны—оборонительный и встречный.

Измена галицийских бригад.

В конце апреля, изменили, входившие в состав дивизии, галицийские бригады, ведомые офицерами. Уход галичан отрицательно отразился на участке, занимаемом дивизией. Поляки перешли в наступление, тогда на фронте XII и XIV Армий. Началось отступление частей XII Армии в восточном направлении. Были оставлены города **Житомир и Бердичев,** а 30-го апреля, уже происходят бои в 50 верстах от Киева.

В связи с создавшейся обстановкой, а также вследствие усилившейся активной деятельности галицийских офицерских частей в районе **Немирова-Брацлава-Бершади и Ольгополя**, дивизия переходит на новый участок фронта, а затем отступает в район **Тальное**. Тем временем поляки продолжают наступление и 10-го мая берут **Киев.**

Рядом с конной армией.

К этому времени с Кавказского фронта перебрасывается конная армия Буденного.

21 мая по приказу Командующего Юго-Западн. фронтом т. **Егорова** части фронта переходят в наступление, при чем все силы Правобережной Украины распределяются на три группы: 1) Фастовского направления, 2) Казатинского направления, 3) Жмеринского направления. Главная задача разгрома поляков под **Киевом** была возложена на конную армию Буденного, а остальным частям фронта, в том числе и группе Фастовского направления, в которую входили 44-я и 45-я дивизии, было приказано стремительным продвижением вперед отвлечь на свои участки как можно больше сил противника, обеспечив таким образом успех конной армии. 25-го мая подготовка к решительному наступлению закончена и того же 25 мая 45-я дивизия сбивает 5 польских конных полков и в два дня занимает **Таращу**.

Конная армия пробивает брешь на польском фронте и устремляется в тыл противника. Этим создаются благоприятные условия для дальнейшего продвижения дивизии.

К 8-му июня частями 135-й и 134-й бригад была занята **Белая-Церковь**, а 9-го июня кавалерийской бригадой—**город Сквира.**

9-го дивизия занимает **Фастов** и преследует противника, отступающего к м. **Брусилову**, смешанный отряд 134-й бригады 16-го июня достигает **Радомысля** и, почти одновременно, два эскадрона **Котовского** занимают **Казатин.**

15-го июня группа **Фастовского** направления, разрешив свою за-

дачу окончательно занятием **Фастова**, расформировывается.

Дивизия теперь входит в состав конной армии Буденного.

Поляки отходят за реку **Случ**, собирают крупные силы и переходят в частичное контр-наступление. Дивизия отбивает это контр-наступление и несколько раз пытается перейти **Случ**. Однако, эти попытки успеха не имели. И, лишь 28-го июня, неожиданным ударом

1927 г. Посещение секретарем ЦККП(б)У с группой ответственных работников блок-поста на польской границе

коммунистический отряд 133 бригады, поддержанный всеми частями этой бригады, перебрасывается на неприятельский берег и овладевает м. **Новомирополем**, распространяясь по всему западному берегу р. **Случ**.

Одновременно **Котовский**, форсировав реку, врывается в м. **Любар**, а 402 полк занимает м. **Барановку**. Эта операция заставляет противника отойти в направлении ст. **Шепетовка**. После боев под Шепетовкой, затем под Изяславлем и на сильно укрепленной позиции реки **Горынь**, к 8-му июля, противник, будучи сбит с этой укрепленной позиции (Горынь), отступает и в спешном порядке перебрасывает новосформированные боевые единицы в район **Дубно, форт Тараканово-Кременец**. Сконцентрировав большие силы и укрепившись в этом районе, поляки часто переходили в контр-атаки, стараясь вырвать у нас инициативу и от активной обороны перейти к наступлению в широком масштабе.

Под Дубно.

Река **Иква**, мало проходимая в брод, являлась хорошим естественным препятствием для наступления наших частей. Другим выгодным для поляков условием было существование на этой линии кре-

пости **Дубно** (форта **Тараканово**). Этот форт, построенный в России еще до империалистической войны, должен был служить опорой в войне с Австро-Германией, но по довольно недвусмысленной прихоти инженера, был более удобен для обороны против востока, чем против запада, что и было учтено поляками. Форт **Тараканово** связан ж. д. с гор. **Дубно** и м. **Верба**, что давало возможность полякам быстро перебрасывать свои части в любой пункт позиции. Кроме того, по этой линии могли курсировать бронепоезда.

Эта Дубенская операция является одной из самых ярких страниц, в истории 45-й дивизии... Здесь дивизия проявила пример необыкновенной стойкости и героизма. Характеристику боев под **Дубно** отчасти дают дивизионные сводки. Например: „19-го июля. В течении вчерашнего дня на фронте (под **Дубно**) велся огневой бой. Подступов к переправе через р. **Икву** абсолютно нет. Всякое наше передвижение производилось на местности без складок с уклоном в сторону противника. Каждый пункт пристрелен противником, располагающим на участке 2-х наших бригад 18-ю орудиями. 134 бригада (действовавшая под **Дубно**) при восстановлении своего положения для захвата обратно переправ к ст. **Дубно**, понесла большие потери. Продвижение самой мелкой нашей партии разведчиков встречается со стороны поляков ураганным огнем".

И все же, после ожесточенных боев, в один час 30 минут, 21-го июля, 134 бригада, совместно с 398-м полком, занимает форт **Тараканово**. Лишившись форта, поляки лишились и всей позиции на реке **Икве** и отступили по всей линии.

Задача, поставленная частями дивизии, была выполнена, хотя в Дубенской операции они потеряли около половины своего состава.

В Галиции.

После взятия крепости **Дубно**, части дивизии продолжают наступление в направлении **Радзивилова** и к 27 июля входят в пределы Галиции и занимают линию **Чехи-Чишки-Надлубистка-Ясенюв**. Поляки и здесь не оставляют своих намерений взять инициативу операций в свои руки, переходят в контрнаступление, имея целью выйти к **Бродам**

Все эти попытки успеха не имели, хотя 3-го августа полякам удалось оттеснить наши части на линию **Подзамчье—Лядухов—Бобровцы**, где дивизия и закрепилась. Неделю противник вел атаку на наше расположение, но понеся потери, перешел к пассивной обороне.

9-го августа из 45-й, 47-й и 8-й Червонно-Казачьей дивизий создается группа **Злочевского** направления. Командующим группой назначается т. Якир.

13-го августа дивизия начинает наступление на **Олевско-Белый Камень**. Через два дня поляки были сбиты и дивизия выходит на линию западного Буга, представляющую новую естественную преграду.

В результате настойчивых атак дивизия форсировала реку **Буг**, заняла **Злочев** и **Буск** и двинулась по направлению к **Львову**.

С занятием **Злочева** группа расформировывается и из частей 45-й и 47-й дивизий создается новая группа **Львовского** направления, по-прежнему, под командованием тов. Якира. Группа выходит из состава 1-й Конной армии Буденного и действует по директивам Командарма XIV. (Конная армия с Юго-западного фронта перебрасывается на Западный фронт).

В составе новой группы дивизия 20 августа выходит на линию **Миклашев, Унтерберг—Подберезцы—Глуховец—Винники**.

Преодолеть ряд траншейных укреплений, переутомленным 500 верстным боевым маршем, оторванным

от снабженческих баз красным частям, несмотря на исключительный героизм и самопожертвование, доходящие до нечеловеческих пределов, в такой обстановке не представлялось физически возможным.

Противник подвозит резервы и начинает наступление. Части дивизии отходят в район **Задружья—Дзензилов**. Инициатива действий, все же остается в наших руках. Поляки ведут лишь отчаянную оборону **Львова**, местами переходя в наступление.

Начавшееся отступление на западном фронте частей Красной армии от **Варшавы** сказалось и на Львовском участке, куда стали стягиваться свободные резервы поляков. 30-го августа противник бросил в атаку несколько своих частей пехоты и кавалерии, вынуждая дивизию отступить в направлении **Буск-Красне**. Около **Буска** развертывается серия беспрерывных боев, идущих с переменным успехом. В течении 10-ти дней, поляки, при поддержке бронепоездов и самолетов, бронеавтомобилей и тяжелых двухбашенных танков, вооруженных траншейными орудиями и пулеметами, начинают наступление и стараются выдвинуться на линию реки **Буг**. Это наступление оканчивается тем, что поляки занимают **Буск, Странибаву и Красне**.

9-го сентября ударная группа, форсировала реку **Буг**, заняла **Буск** и, таким образом, снова, вырвала инициативу из рук польского командования.

Это последняя героическая попытка двинуться вперед к **Львову**. Наступление ударной группы, хотя в начале имело успех (было захвачено 100 пленных и 2 орудия), все же было отбито поляками. Ударная группа понесла большие потери и отошла на берег **Буга**.

Польское командование переносит тяжесть удара для прорыва фронта красных войск на другой участок **Владимир-Волынский, Ковель**.

Отход из Галиции.

Во второй половине сентября, на фронте смежной с нами XII армии происходит прорыв и начинается общий отход наших частей из Галиции. Прорвавшийся к северу от нашего расположения противник форсированным маршем стремился распространиться на юго-восток, чтобы зайти нам в тыл и отрезать путь отступления, но благодаря удачному маневру при отходе главных сил и героизму арьергардных частей, этот марш противника был сведен на нет.

Дивизия вырвалась из кольца, какое готовили ей поляки. Несмотря на поспешность отступления наших частей, дивизия сохранила свой боевой состав и военное имущество. Дивизия, наконец, останавливается на линии **Летичев-Литин** и в первых числах октября закрепляется на этом участке.

18-го октября в 24 часа вступил в силу договор о перемирии с Польшей. По приказу Главкома Республики на фронте установлено перемирие и дивизия заняла линию: **Томашполь-Соломирка-Ивча-Литин - Микулицы - Майдан - Почапинский-Почапинцы-Новоселица - Семахи-Махновка.**

В. Крейн.

Бой под Кожанкой.

(30 мая 1920 года).

20 мая 1920 года, части 45 стрелковой дивизии, сосредоточившиеся после отхода с Комаровских и Барских позиций, в районе гор. Звенигородка Киевской губернии, отдохнувши и приведя себя в порядок после непрерывного в течении двух недель отступления, вновь пришли в движение, на этот раз с наступательным заданием и после ряда переходов достигли гор. Тараща.

Это было в то время, когда польская армия находилась в апогее своих успехов, занимая всю Волынь, Подолию и половину Киевщины вместе с самим Киевом, перекинувшись частично и на Левобережье. Красное командование, не оказывая сопротивления упоенным успехом польским войскам, уступало им украинскую территорию и в то же время спешно заканчивало перегруппировку и концентрацию на польском фронте новых крупных войсковых масс.

На юге Киевщины сосредоточилась конная армия Буденного, переброшенная сюда с Кавказа. Командарму 1 конной были переданы в оперативное подчинение 45 и 44 стр. дивизии, об'единенные в одну оперативную группу под общим командованием Начдива 45 тов. Якира. На эту группу, названную „группой Фастовского направления“ было возложено задание прорвать польский фронт в районе гор. Б.-Церковь и захватить Фастов, в то время, как вся конная армия должна была сделать аналогичный прорыв в районе г. Сквиры и пробиться на Казатин-Житомир.

Когда теперь вспоминаешь все последовавшие за этим оперативным приказом события, то нисколько не сомневаешься, что на группу Якира была возложена задача лишь усиленной демонстрации с расчетом отвлечь внимание и резервы противника на Бело-Церковский участок и тем обеспечить успех конного рейда. Во всей группе едва ли насчитывалось более 4500 бойцов, (в полку в среднем 250 бойцов) правда, не считая кавбригады Котовского, стоившей еще одной пехотной дивизии; на польской же стороне здесь было сосредоточено несколько дивизий полного штата, которые отлично укрепились. Словом, неравенство сил и условий было слишком очевидно для командования, но тогда никто, вероятно, даже и комбриги, не помышляли о том, что это „демонстрация“ и задача овладеть Белой-Церковью и Фастовом понималась и ставилась безоговорочно.

Стратегический план Буденного блестяще оправдался. Конная армия разгромила поляков под Сквирой и Житомиром. Польские войска спешно очищают всю Киевщину и отходят на р. Случ. Успех этот куплен тяжелыми потерями группы Якира, части которой в период с 25 мая по 8 июня ежедневно атаковали польские укрепления южнее Б.-Церкви, неизменно отбрасывались назад, снова шли в атаку и т. д., пока однажды ночью не наткнулись на пустые польские окопы.

405 стр. полк 135 бригады, которым в то время командовал тов.

Де-Рекрю, замещавший больного тов. Минина, в ночь с 29 на 30-е мая перешел из деревни Насташка, (15 верст северо-зап. г. Таращи) занятой им накануне после небольшой стычки с польским кавалерийским отрядом, в деревню Поправка (4 версты северо-западнее дер. Насташка) с заданием в 7 часов начать наступление и овладеть дер. Кожанка в 5 верстах сев. дер. Поправка. Полк состоял тогда из 7 рот, в роте человек по 30-40, имел 18 пулеметов, 40 чел. конных разведчиков и 25 человек в команде пеших разведчиков. Наряду с пионерами дивизии и полка, — приднестровскими партизанами и последующими пополнениями—не менее половины боевого состава полка, состояло из бывших махновцев, присоединившихся к нам в свое время целым полком: эти последние, участники блестящих махновских рейдов против деникинцев, отличались все, как один, мужеством, хладнокровием, инициативностью и стойкостью. Комсостав и политсостав, опытный, закаленный в предыдущих боях, был уверен в себе и в своих бойцах.

Весь истекший месяц прошел без боев и несмотря на то, что он был почти весь заполнен переходами, это обстоятельство было уже значительным отдыхом и передышкой для измученных тяжелыми Барскими боями красноармейцев и сейчас настроение было бодрое, под'емное, боевое, особенно благодаря наступлению теплого времени и разворачивавшемуся лету.

К бою готовились весело с шутками и прибаутками, без особого энтузиазма, но и без тени тревоги.

Был первый день Троицы. Первые удары колокола Поправской церкви совпали с первыми выстрелами нашей батареи, расположившейся в деревне Юдков. В Поправке остался лишь обоз. Все, что должно было участвовать в бою, сосредоточилось в деревне Едноroги и Юдков.

Вместе с командиром полка тов. Де-Рекрю и военкомом Савейко,

1928 г. Отправка собаки на пост с донесением.

я—в то время полковой ад'ютант—прибыл в дер. Юдков в тот момент, когда наша пехота (все батальоны) уже двинулась в атаку на неприятельские проволочные заграждения. Наша батарея беспрерывно била, польская отвечала слабо и как-то невпопад. Ружейный и пулеметный огонь поляков вначале был слаб и разрознен (как потом оказалось поляки нашим наступлением были

застигнуты врасплох, когда в окопах оставались лишь дежурные части).

Наши части шли одной сплошной цепью во весь рост, нимало не помышляя о так называемом „применении к местности". Шли бодро и быстро, соблюдая равнение, как будто бы на учении...

Мы поехали верхом в 200 шагах за цепью; внезапный взрыв пулеметного огня заставил нас спешиться. Польский фронт вдруг ожил. Затрещали пулеметы и ружья, но пули поляков почему то летели через головы.

Наши на каждое оживление огня отвечали криками „ура", хотя до окопов было еще шагов с 1000, и прибавляли шагу.

Приходилось наблюдать такие сцены: в одном месте замешательство, кучка растерянно топчется вокруг внезапно свалившихся товарищей. Вдруг выбегает вперед красноармеец и кричит „вперед ура" и все с криками устремляются за ним. Тут же шагах в 50 за цепью едут тачанки. Время от времени ездовой заворачивает тачанки кругом и останавливает. Наводчик приникает к пулемету, пулемет трещит, потом видя, что цепь далеко подвинулась вперед, тачанка снова заворачивает и догоняет цепь.

...Если бы пулеметы попробовали так действовать сейчас, на учении, это вызвало бы единодушное негодование и пулеметы были бы признаны уничтоженными. Но в описанное время, пулеметчики-махновцы не признавали другой тактики и часто пулеметы с тачанкой бросались, т. к. лошади бывали перебиты. На этот раз однако „судьба" благоприятствовала и взволнованные польские пулеметчики и артиллеристы не сумели подбить наших тачанок.

Шагах в 500 от проволоки мы увидели, как из окопов стали показываться кучками польские солдаты, которые опрометью бежали в свой тыл, бросая по дороге шинели, мешки и оружие. Нечего говорить—насколько это воодушевило наших. Через несколько минут, красноармейцы были уже в польских окопах, безжалостно рас-

1920 г. Красноармейы варят ужин в замке графа Потоцкого.

правляясь с задержавшимися там польскими солдатами. Но вдруг в занятые нами окопы один за другим стали ложиться снаряды Тут же было обнаружено местонахождение польской батареи, которая оказалась всего лишь в полуверсте за польскими окопами и при бегстве пехоты осталась на своей позиции, продолжая вести огонь.

Участь мужественной батареи была решена через 10 минут. Наши стихийно бросились на польские орудия. Храбрые польские артиллеристы, до последнего бившие на картечь, по атаковавшей их пехоте были почти все перебиты и лишь небольшая часть их взята в плен. Нам досталось 4 орудия и столько же полных зарядных ящиков.

Дальнейшее наступление несколько задержалось, так как наша пехота, после первого удачного наскока, почувствовала некоторую усталость и кроме того части несколько расстроились. Их нужно было привести в порядок.

Но главным препятствием для безостановочного наступления явилось обильное количество обмундирования и снаряжения, так называем. „барахла", оставленного поляками.

Оборванные и босые красноармейцы с жадностью набросились на „барахло", раздевая пленных, роясь в мешках, навьючивая на лошадей, грузя на тачанки. Здесь проявилась вся отрицательная сторона партизанщины „барахольство". Между тем медлить было нельзя. На окраине самой дер. Кожанки и в прилегающем с обеих сторон лесу была вторая линия поляков. Закрепить успех мы могли, только овладев самой дер. Кожанкой... и то надолго ли? В сущности мы прогнали бы поляков лишь с небольшого участка их фронта. Вправо и влево тянулись нетронутые польские линии. Здесь должны были атаковать 404 полк (правее) и полки 134 бригады (левее), но они вступили в бой позже и разрозненно

Усилиями командиров части были приведены в порядок и двинуты в дальнейшее наступление. Когда наши цепи подошли вплотную к дер. Кожанке и к кладбищу, что левее ее, оттуда последовала контратака польских резервов. Внезапный огонь в упор до 10 пулеметов обрушился на наши первые ряды и смел их, остальные повернули назад.

Густые массы поляков, с громкими криками выскочили из деревни и принялись преследовать. Началось беспорядочное отступление, бегство. Все перемешалось. Помню, что я сам и все вокруг меня кричали друг другу „стой", но все шли и бежали назад. Тут бросился мне в глаза командир 2 батальона т. Янелюнас, храбрейший человек в полку, способный на отчаянные поступки. Он был без шапки, кричал хриплым голосом и отчаянно жестикулировал, видимо стараясь задержать бегущих. Около него стали группироваться кр-цы и в несколько минут образовалась устойчивая кучка. Но вдруг, я, отвлекшись чем-то, услышал позади себя испуганные голоса обернувшись, увидел тов. Янелюнаса одного, сидящим на земле, а находившихся с ним рядом красноармейцев бегущими от него назад. Я подбежал к нему. Он был тяжело ранен в живот и с трудом проговорил: „лошадь, скорей".

С помощью проезжавших пулеметчиков он был положен в тачанку и доставлен в тыл. По дороге мы подобрали еще двух раненых. О сопротивлении теперь уже никто не думал. Бросая трофеи, все в беспорядке устремились через поле, в овраг перед дер. Юдков, служившей нашим исходным положением. Здесь выбившиеся из сил, утомленные свыше всякой меры люди, бросались на землю и переводили дух. Уцелевшие командиры спешно приводили в порядок свои части, но это было нелегко. Все перемешались, многие

остались на поле, некоторые роты перестали совершенно существовать, другие лишились командиров. Ежеминутно доставляли раненых, которых перевязывали и грузили на повозки. В воздухе носились крики, ругань, команды; большинство красноармейцев, после перенесенных потрясений этого дня, мрачно и сосредоточенно молчало, почти не реагируя на то, что делалось вокруг.

Наша батарея теперь снова открыла сильный огонь, сдерживая преследовавших поляков. Но последние ограничились лишь занятием всех своих окопов и дальше не пошли. Они сидели теперь снова в своих окопах и вели частый ружейный и пулеметный огонь по нашему расположению, не причиняя нам особого вреда.

Командир полка тов. де-Рекрю отдает приказ приготовиться снова к атаке. Вторичная атака до смерти усталых и морально подавленных людей заранее была обречена на неуспех. Но комполка стоит на своем. Он вводит в бой новые части, не участвовавшие в первой атаке: команду пеших разведчиков из 25 человек и конную разведку из 40 всадников. Приказ исполняется. Полк снова идет в атаку, но сейчас это уже значительно более редкая цепь и люди идут неуверенно и неохотно. Часто и подолгу останавливаются и наконец залегают окончательно в 800 шагах от окопов и не двигаются далее с места. На левом фланге пешая разведка, не взирая на потери, доходит до польских окопов на дистанцию атаки, но здесь выбывает из строя тяжело раненый начальник команды тов. Самсонов, падает раненым политрук тов. Муравский и тут же стреляется. Остатки команды отступают...

На правом фланге, конная разведка тов. Соколенко, бросается в атаку на польские окопы. Встреченные сильным огнем пулеметов и винтовок, отступают, атака отбита. К счастью потери были невелики.

Вторая атака полка неудачна. Поляки, разглядев нашу численность, держались стойко. Всякая попытка наступления подавляется сейчас же огнем. Полк медленно по одному отходит и втягивается в деревню.

Этот бой под дер. Кожанкой, один из самых кровопролитных в истории 405 полка наглядно показывает в какой тяжелой обстановке происходили бои дивизии в Фастовском направлении.

Наступление против столь большого превосходства сил было заранее обречено на неуспех и сулило тяжелые потери. Быть может результаты были бы все таки лучше при условии большей координации действий отдельных частей, но все же решительного успеха на этом участке при таком неравенстве сил было ожидать нечего.

После боя 30 мая 405 полк и проч. части дивизии еще неоднократно были бросаемы в наступление, но все с тем же результатом. Для 405 полка бой 30 мая принес потерю 50% боевого состава, в том числе 20 командиров.

Доставленный в Тараще, тяжело раненый комбат Янелюнас скончался от ран. Та же участь постигла начсвязи полка тов. Обуховского. В начале боя он забыл о своих прямых обязанностях по установлению технической связи и бросился в ряды бойцов. В моей памяти запечатлелся образ этого высокого, черноусого человека, догонявшего цепь с карабином в руках. С тех пор я его не видел. Он был ранен в пах и скончался впоследствии в Тараще в один день с тов. Янелюнасом. Оба погребены в гор. Тараще.

Остальные, павшие в этот день бойцы, погребены, как мы потом узнали у крестьян, в братской могиле на кладбище дер. Кожанка.

И. Репин.

Под Дубно.

Июль. На полях убирают хлеба. Везде желтеют копны сжатого хлеба. Стоит чудная летняя погода. Но она нас не радует. Мы ее красоты не замечаем. Все утомлены переходами. Каждый день делаем около 20 верст.

Подходим к Дубно. Большая залитая солнцем долина простирается перед нами на несколько верст. Кое-где виднеются острова зелени, это—хмельники. Дубно был наш, но теперь поляки его опять взяли и засели в форту.

В Дубно стоит вторая Буденновская дивизия. Мы двигаемся на станцию. 402 полк занимает чешскую колонию Страклов.

Приближается ночь.

Наш пулемет идет в заставу, к переправе.

Ночь проходит тревожно. Неизвестность заставляет напрягать нервы.

Я еще спал, хак вдруг над ухом прожужжало: „и-и-и-бух"... То наш снаряд полетел на форт. Выскочили все и стали смотреть, где разорвется. Снаряд разорвался над леском, который рос на холме.

Так неужели это форт? Да, это он.

И взоры всех стали жадно рассматривать лесок, холм. Форт стоял совсем близко, в полуверсте от нас, на другом берегу р. Иквы. Кругом были болота, прорезываемые тоненькой линией. То железная дорога, которая подходила к самому форту, и, огибая его, скрывалась за ним. На этой железной дороге что-то дымилось, затем, показался огонек и над нашими головами, совсем низко, пронесся с воем и стоном польский снаряд.

Так вот это что? Бронепоезд. И мы, скрывая друг от друга, что боимся, стали один за другим прятаться в окопы. Дымившийся предмет стал все чаще посылать нам гостинцы. Заговорил и форт. Наши батареи также загремели и начался артиллерийский бой, продолжавшийся до вечера. Мы сначала интересовались этим боем, а потом надоело. Братва стала искать вшей; некоторые легли спать.

С этого дня началась полоса непрерывных боев. Жуткие, полные ожидания ночи и кровавые дни. Каждый день выбывали из полка.

Убит пулеметчик Дахно. Добродушный наивный украинец. Как сейчас помню его сидящим у таганка и поющим печальные песни: „А вжеж мені сиротині...

Смерть вырвала его из наших рядов первым.

13 июля, солнце еще не вышло из тумана, а влево от нас в колонии Страклов уже началась сильная пулеметная и ружейная стрельба. Шрапнель ежеминутно рвется, покрывая облачками дыма всю колонию. Мы не знаем, что там происходит. Посылают наш пулемет и роту на подкрепление и для связи. Под'езжаем к Страклову: валяется убитая лошадь, вытянув ноги, как палки. Лошади шарахаются, не хотят итти. Приходится об'езжать. Бредут отдельные кр-цы 402 полка. Спрашиваем:

— Что там такое?

— Поляки заняли Страклов, поворачивайте обратно.

Не верится. Военком Коломиец и командир полка Б. с нами. Едем

ближе к Страклову. Начались сады. Попадаются пулеметчики 402 полка. Едут на 2 тачанках:

— Куда вы? В Страклове уже поляки.

И как бы в подтверждение их слов над нашими головами свистят пули. Противная песня их начинает нас волновать. Поворачиваем обратно. Вдогонку поляки посылают снаряды. На-ходу приводим себя в порядок: разбиваемся по-ротно. Занимаем позицию в 2-х верстах от Дубно.

На следующий день мы снова заняли Страклов. Все ребята об'едаются фруктами. Каждый день летают над головой аэропланы. Их звук болезненно неприятен. Но вреда они не приносят.

...А кто может забыть то утро, хорошее свежее утро, в которое так много пролилось крови? Поляки густыми массами повели наступление на город Дубно, где стояла 2-я Буденновская дивизия. Их встретил беспрерывный неумолчный поток пулеметных выстрелов. Трещало больше 20 пулеметов и музыка их продолжалась в течение 15-20 минут. Мы с напряжением смотрели с возвышенности на этот грандиозный бой. Сначала поляки, несмотря на потери шли и шли, и думалось, что наши не выдержат.

Вдруг в их рядах произошло замешательство. Этого было достаточно: буденновцы ринулись с гиком и криками „ура" в кавалерийскую атаку и хотя бой был от нас за 2-3 версты, но этот победный крик мы услыхали: сердце радостно заколотилось. Поляки обезумели от страха, начали все бросать и в беспорядке отступать в форт. Было взято 200 человек пленных и около 300 человек изрублено и убито.

То утро всем показало, что поляки здесь долго не продержатся, что победа будет за нами. Это вошло в сознание каждого кр-ца.

Но ночью поляки хотели наверстать потерянное днем и обрушились на наш полк. Жуткая ночь.

1920 г. Типы красноармейцев на польском фронте.

Мы с 8 человеками (рота) и двумя пулеметами держали переправу. Старались много стрелять, чтобы показать, что нас много. Но эта стрельба видно стала раздражать поляков и они на переправе—на 8 челов.—сосредоточили ожесточенный огонь своей артиллерии.

Выдержать было невозможно. Мы отступили, но поляки еще долго громили пустое место, думая, что мы все еще там.

Военком Коломиец, за умелое распоряжение и действия по удержанию этой переправы, был награжден орденом Красного знамени.

Мы отступили из Страклова. Некоторые жители плакали и просили нас, чтобы мы не уходили но мы ушли. Ушли, чтобы потом обрушиться на поляков и взять форт.

...19 июля, рано утром, мы заметили, что поляки оставили город. Нашим командованием был отдан приказ о немедленном штурме форта. Была подвезена артиллерия, которая начала громить форт. Но оттуда ответа не было. Форт молчал.

—Отмалчиваются, стервы, чтобы сыпануть по нас, когда будем наступать!,—говорили кр-цы.

Штурм форта должен был начаться одновременно 134 и 133 бригадами. Погода была прескверная. Туман. Накрапывал мелкий холодный дождь.

Наш полк сосредоточился по шоссе, идущему из деревни Тараканово в форт.

Справа расположился 402 полк, влево 401.

Часов в 6 вечера наша цепь пошла вперед на форт. Ее встретил неумолчный поток пулеметных и винтовочных выстрелов. Артиллерия не стреляла. Цепь залегла и, казалось, что она больше не подымется, что ее никакая сила не сможет поднять и двинуть вперед на проволочные заграждения. Поляки стреляли разрывными пулями и противный какой-то особенный звук от разрыва пуль бил по нервам.

Цепь поднялась и побежала вперед. Бежать по житу, в мокрой одежде было страшно трудно. Ноги вязли в земле. Несколько кр-цев осталось лежать: раненые и убитые—жертвы нынешнего боя

Вдруг из деревни Тараканово, выехали по направлению к форту 2 автомобиля, на каждом было установлено по 2 пулемета. Автомобили ехали задом к форту и установленные на них пулеметы трещали беспрерывно, посылая поток пуль в форт.

Это были буденновские автомобили, присланные нам на помощь.

Наши пулеметы и артиллерия, также открыли ураганный огонь, снаряды рвались, как раз среди проволочных заграждений, подготовляя проходы для наступающей цепи.

Вот уже и жертвы нынешнего боя. Тяжело ранен политрук 2-й роты: разрывные пули попали ему в ногу и в руку. Его ведут. От боли он весь сделался серым, выносить эту адскую боль он спокойно не может. Кричит и плачет...

Ранен помощник начальника нашей команды, но рана легкая. Постепенно количество раненых все увеличивается; все тянутся к перевязочному пункту.

...Буденновские автомобили усиленно поливают потоком пуль польские окопы и не дают возможности полякам стрелять, видя цель, и пули делают перелет.

Наша цепь подошла к проволочным заграждениям. Спускались сумерки. Братва, подойдя к проволоке, стала руками вырывать столбы. С криками „ура", полк ворвался в форт. Слева и справа еще продолжалась перестрелка. Там еще шел бой, но скоро и там поляки отступили. Спустилась ночь. Мы двигаемся по аллее, ведущей в центр форта. С боковой аллеи слышится вопрос:

— Хто йде?...

Мне послышалось, что нас спросили: „кто идет“. Отвечаем:

— Свои 400 полка, а вы товарищи 401?

Вместо ответа послышалось щелкание затворами и команда „пли“.

Раздалось выстрелов 10, разорвалась бомба, рядом с нами и компания (видно довольно теплая) бросилась с криками—„ура“ на нас.

Застрочил наш пулемет и польский бомбометчик, пронзенный на смерть пулями, перевернулся, как сноп на аллею. „Компания“ разбежалась по кустам.

Наступаем дальше. Темно, хоть глаз выколи.

Вследствие темноты дальнейшее наступление было прекращено. Утром мы нашли в форту богатую добычу. Снаряды, пулеметы, винтовки, продовольствие, патроны и еще теплые кухни, из которых мы пообедали.

Целый день ловили в форту „зайцев“ (попрятавшихся поляков) и без всякого сожаления расстреливали. Слишком велики были потери, слишком была сильна злость —места для сострадания не осталось.

Гор. Дубно, форт Тараканово были взяты.

Мы победили, но ценой каких жертв!...

П. Талдыкин.

Товарищ „поликурп“.

В 1920 г. я попал в 399 полк 45 дивизии и был назначен политруком пулеметной команды.

Представился комиссару:

— Прибыл к вам в полк, политруком назначен.

— Очень хорошо,—сказал комиссар—пойдешь в пулеметную команду. Ты у нас единственный политрук в полку, больше никого нет.

От комиссара я пошел в свою команду. Был уже вечер. Я пошел в лесок.

— Во там на опушке наша застава, — сказал сопровождавший меня красноармеец.

У костра грелись пулеметчики. Их одеяние меня сразу как-то огорошило. Все были в польском обмундировании.

Не к полякам ли попал? — мелькнула мысль.

Но доносившаяся русско-украинская речь и наши крепкие русские словечки, сразу отогнали эту мысль.

— Здравствуйте, товарищи.

— Здравствуйте.

Присаживаюсь к ребятам. Разговорились. Дали мне закурить и после длинных разговоров о том, будет ли наступление завтра утром или вечером, прикурнул у дерева, задремал.

Так началось мое первое знакомство с пулеметчиками, к которым я был назначен пом. политруком.

На следующий день я ближе познакомился с полком. Меня представили секретарю бюро ячейки.

— Ты не знаешь нашего пулеметчика? — говорили товарищи, — пойдем побалакаем.

— Какого пулеметчика,—спросил я.

— Да тов. Купцова, нашего секретаря.

— А почему это пулеметчика?

— Да так уж назвали его. Смелый больно парень. Бывало возьмет пулемет Льюиса, 5—6 кр-цев, свои партийные дела в карман, и пошел в тыл к полякам. Однажды,—засмеялся товарищ,—ходил к полякам и потерял дела. Крыли на партсобрании. Но что ж, — говорит,—поспешно приходилось уходить.

Я познакомился с т. Купцовым. Это был среднего роста человек с лихорадочным блеском глаз, смелым движением рук и какой-то особой располагающей улыбкой.

— У тебя в пулеметной команде 2 коммуниста.

— Да, говорю, два.

— Ну что, как ребята?

— Да, ничего.

На этом закончился наш разговор о партийных делах.

— После завтра собрание может устроим, если отойдем в резерв на какой день, так там, чтобы не барились. Тяни ребят с собой.

— Ладно,—говорю.

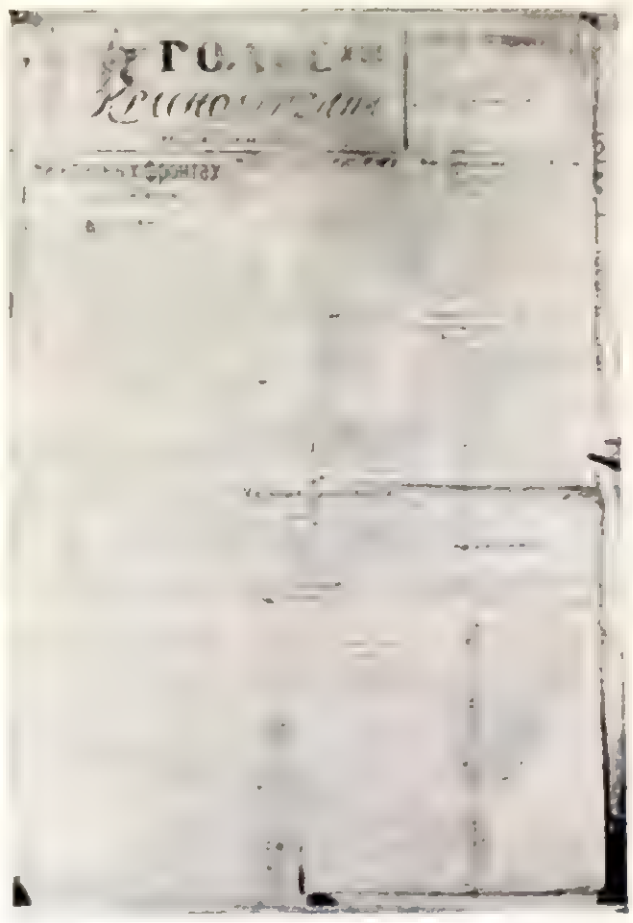
Но был все время фронт и партсобраний мы почти не устраивали. В парторганизации насчитывалось 25 коммунистов на полк—в 260 человек. Приходилось чуть ли не на 10 кр-цев—один коммунист.

Коммунисты тогда были еще слабо развиты. Я сам, греха не буду таить, тоже лишь „кое-что" понимал, хотя и был политруком.

Проводил работу. Бывало пойдем в заставу, пришлют дивизионную газету „Голос красноармейца". Прочтешь ребятам сводку с фронтов, международное, а все больше анектоды им рассказываешь. Любили ребята слушать всякие похождения, а особенно про девчат. Рассказываю бывало и про свою жизнь, как служил у хозяйчика, как меня эксплоатировали, когда учился на столяра. Так прогуторишь всю ночь до рассвета и ребята не спят.

А это-то самое главное.

У кр-цев было довольно своеобразное понимание того, каким должен быть коммунист:



Снимок дивизионной газеты „Голос Красноармейца", выпускавшейся на фронте.

— Раз коммунист, откажись от всего. Есть штаны, отдай последние товарищу.

Бывало пришлют в пулеметную команду две пары штанов и одну рубашку и споры идут часа по 4 кому дать. Дают Гвоздилкину, Петрову, Семенову, хотя и у Гвоздилкина, Петрова и Семенова, есть еще целые брюки, но они беспартийные. Но иногда просыпалась „совесть".

Давали и коммунистам. Мне помню дали как-то брюки. Командиру взвода дали. Правда после больших прений и разговоров.

Так демократически решались эти „обмундировочные" вопросы, как и многие другие вопросы быта и жизни.

...Отступали от Синявы, заблудились ночью.

Куда итти неизвестно. Темь. Поле.

Говорю я своим двум партийцам:

— Ну что-ж ребята, если нападут поляки будем биться до конца. Нам коммунистам все равно умирать.

Набросились на меня остальные красноармейцы:

— Т. е. почему это только вам, а мы то что?

— Не выдадите ребята, спрашиваю?

— Да что вы тов. „поликурп“? Будем биться уж до конца!

— Ну ребята, подождите, пойду я поискать дорогу, — сказал я и пошел.

Нашел дорогу. Через каких нибудь полчаса мы были уже в расположении своего полка. С этого момента мой авторитет поднялся:

— Стратег у нас тов. „поликурп“.

...А когда кончились все фронты, набросились на меня кр-цы:

— Ну, теперь тов. „поликурп“, домой нас надо пускать. Чего там? Война окончилась, нечего медлить.

Мне долго приходилось об'яснять, почему сейчас, на второй день перемирия, нельзя отпускать кр-цев домой.

. . . . . .

Коммунисты на фронте были тем ядром, которое раз'ясняло красноармейцу необходимость биться с врагом. Всегда с кр-цем, испытывая с ними все радости и печали боевых дней, они показывали пример того, как нужно бороться.

Наши армии побеждали потому, что их организатором была коммунистическая партия.

Бои с Петлюрой.

Война с поляками закончилась. Дивизия пошла на петлюровцев, немножко переформировавшись, подковав лошадей и поотдохнувши.

От Винницы курс на Волочиск. Таков путь дивизии.

Наступление началось. Котовцы, эти неугомонные, неустающие железные люди, при поддержке 134 бригады, набрасываются на 3-ю „железную дивизию" полковника Удовиченко, рвут полки этой дивизии на „шмаття".

...6 орудий, много пулеметов, сотни пленных... Обоз с имуществом.

Был ноябрь месяц. Было холодно, шли дожди, ветры мотали неважные шинелишки красноармейцев.

Дивизия идет по пятам убегающей петлюровской армии.

Петлюра переходит в контр-наступление, но 12 ноября... Ах как помнят этот день и господа Шаповалы, и генералы Павленко, полковники Удовиченко и вся их компания!

Ах как помнил этот день и сам атаман Петлюра!

12 ноября петлюровская армия была разгромлена.

С фронта летели сводки, донесения красному командованию об орудиях пулеметах, о пленных петлюровских полках.

Да, в плен было взято несколько полков!

Петлюра разбит... Нет, он тонет и как утопающий, хватается за соломинку. Эту соломинку подает старый хозяин—Польша. Она присылает сформированную на ее территории, вооруженную ее пушками, ее пулеметами, 3-ю врангелевскую армию. Против дивизии выставляется последний резерв. 3-я врангелевская армия и 2-я Волынская дивизия.

Петлюровский резерв бросается на наши части, чтоб задержать наступление к Проскурову.

...Но в темноте ночи, в предрассветных ранних утрах осенних, то тут, то там вспыхивают клинками котовцы. Лицом к лицу с петлюровским резервом. Котовцы врываются в Проскуров и затея Петлюры рушится.

...Пленные, орудия, пулеметы, пушки...

Петлюровские остатки отступают. По пятам за отступающими идут котовцы, пехота и в плен попадает еще одна петлюровская бригада, вместе с начальником штаба „добродием" **Особливим**. Петлюра ведет с поляками переговоры:

— Пропустите на территорию Галиции.

— Можно, но только оружие оставить нам.

...Петлюра стал переправляться на зап. берег Збруча. Польские паны раздевали петлюровскую братию и отбирали оружие. Все шло своим „чинным порядком". Но в гор. Волочиск влетели котовцы. Красные кавалеристы показались возле переправы и тогда вся эта масса раздеваемых и разоружаемых спуталась кучами и в панике стала убегать на другой берег Збруча.

Имущество осталось здесь на этом берегу и петлюровская пехота по льду, кавалерия и артиллерия по мостам, кое-как успели спрятаться под крылышко поляков.

Из Волочиска шли короткие донесения:

— Город взят... 2 бронепоезда, 8 орудий, более 120 пулеметов и эшелоны со снарядами.

С Петлюрой было покончено. Сюда к Збручу явились представители польского командования и вместе с красными командирами установили нейтральную зону.

На восточном берегу р. Збруч, у моста заколыхалось красное знамя...

Волынцам 45-й дивизии.

Сердечный привет от временной граничной Волыни. Каждый рабочий и крестьянин знает Вас, помнит, любит Вас и и надеется на Вас. Поля Волыни знают и заверяют Вас, что по Волыни могут проходить только родные сыны Красной армии, врагу-же каждый куст готовит гибель.

Привет Вам юбилярам, гордым и непобедимым!

Завагитпроп ЦККП(б)У **Доненко.**

б. Секретарь Окружного Комитета КП(б)У Волыни.

В день 10-й годовщины Красной армии, армии проложившей путь строительства социализма—пламенный братский привет.

Путь 45-й дивизии был тяжел и тернист и только железная дисциплина и сознание долга перед революцией привели к победе. Путь еще не закончен, работы много впереди.

Так пусть же жертвы павших бойцов за дело революции послужат лучшим залогом в дальнейшей борьбе.

Председатель Волынского Окружного
Исполнительного Комитета Волыни **Тарнопольченко**.

Председатель Волынского Окрисполкома т. Тарнопольченко

Автобиография.

Родился в 1888 году, в Донбассе (Дружковка), отец—рабочий-слесарь. С раннего детства я (7 лет) служил по найму. Окончил сельскую школу. В революционном движении принимал участие с 1906 года. Был с 1906 г. в бессрочной ссылке до 1917 г. В Красной армии с 1918 по 1922 год. По демобилизации работаю по советской линии.

Тарнопольченко.

Красноармейский привет нашим шефам— рабочим и крестьянам Волыни!

* * *

В скорбную десятую годовщину порабощения румынскими боярами нашей Бессарабии—мы приветствуем славную дивизию.

Рожденные в огне гражданской войны боевые отряды 45 дивизии, высоко держа знамя пролетарской революции, героически защищали бессарабских трудящихся от боярско-румынских полчищ.

Мы бессарабцы—политэмигранты и беженцы, заверяем Краснознаменную дивизию, что 400,000 бессарабцев готовы по первому зову стать в боевые ряды дивизии для защиты Советского Союза, для изгнания румынских бояр из ими порабощенной Бессарабии.

Долой румынских захватчиков!

Да здравствует Советская Бессарабия!

Да здравствует рабоче-крестьянская Красная армия!

Митинг О-ва Бессарабцев Киевского Округа.

Февраль 1928 г.

Матвей Иванович Василенко.

Родился в 1888 году в селе **Подставках**, Гадячского уезда, Полтавской губернии. Отец крестьянин, позже—чернорабочий.

Тов. **Василенко** окончил сельскую школу, после чего занимался самоподготовкой. Будучи офицером принимал участие в империалистической войне. С февраля 1917 г. принимал деятельное участие в революционном движении, будучи членом Армейского Комитета.

Командир 45 дивизии тов. Василенко.

С октября 1917 г. работал по организации Красн. гвардии; в 1918 г. — по организации фронта против немцев, наступавших в период **Брестских** переговоров и позже в 1919 году командовал бригадой Комитетов Бедноты, позже Богучарской дивизией, где лично, руководя боем против казачьей конницы, был ранен. По выздоровлении—с 13-го октября 1919 года — командующим XI Армией. Под руководством т. **Василенко** XI Армия взяла **Царицын, Ставрополь. Грозный и Петровск**.

Весной и летом 1920 года т. **Василенко** командовал IX Армией, организовал операцию против кубанской армии Деникина на Черноморском побережьи, закончившуюся 1-го мая 1920 года пленением всей Армии в составе 60.000 казаков, нескольких тысяч офицеров и более 20.000 лошадей. С сентября 1920 года, XIV Армия под его командованием приостановила сперва наступление Петлюры, а позже, перейдя в контр-наступление ликвидировала петлюровщину.

С декабря 1920 года и по май 1923 работал в должности НачальникаУправления ВУЗ в Сибири. Летом 1923 года возвращается в строй, назначается Комдивом 28-й Горской, а с декабря 1923 года Командиром IX Стрелкового корпуса.

С июня месяца 1924 года командует 45-й Стрелковой Волынской дивизией.

Имеет награды: золотые часы, оружие и др. полученные разновременно за боевые подвиги.

Орден Красного знамени получил за умелое командование XI, IX и XIV Армиями, в результате чего эти армии неоднократно одерживали победы с огромными трофеями.

Марк Федорович Березкин.

Вырос в Киеве, отец работал около 20-ти лет кочегаром, а последние годы слесарем. Мать—крестьянка, с 8-ми лет работающая по найму, батрачкой в деревне, потом прислугой у „господ" в Киеве, лет 15 санитаркой в больнице.

Тов. **Березкин** до 15-ти лет учился. Окончил городское высшее начальное училище. Летом во время каникул подрабатывал, помогая отцу, который, имея семью в четыре человека, получал 9 рублей в месяц. Подработки были разные: разносил газеты, работал поденно на земляных работах, уборщиком в лаборатории и т. п.

В 1917 г. тов. **Березкин** поступил в техническое ж. д. училище. В апреле 1919 г., когда ему пошел 18-й год, бросил училище, ушел добровольцем в Красную армию и одновременно вступил в коммунистическую партию.

Военный Комиссар 45-й дивизии тов. БЕРЕЗКИН.

1919 год служил в армии красноармейцем-подрывником в 1 Украинском бронедивизионе, участвуя в наступлении на петлюровщину и отступлении от петлюровщины.

В 1920 году был назначен Зам-начальника политотдела 1-й Отдельной бригады, где работал до 21-го года. 21-й—23-й годы работал в 44-й Киевской дивизии Начальником оргчасти Подива, Отсекром Дивпарткомиссии и Комиссаром 132 Донецкого полка.

Конец 23, 24 года—на Дальнем Востоке в V Армии. Работал т. **Березкин** там, сначала помощником Начальника Орготдела, а потом — Помощником Начальника **Пуарма** V по специальным войскам.

В 1925—26 г.г. работал в Москве политическим Инспектором Военно-Учебных заведен.

В конце 1926 г. поступил в Военно-Политическую Академ. им. **Толмачева** на курсы усовершенствован. высшего политсостава РККА и, окончи в их в июле 1927 года, получил назначение на должность Военного Комиссара 45-й стрелковой дивизии.

М. Березкин.

Сила 45-й в ее сознательности и героизме.

13 марта 1919 года на митинге, в Петрограде тов. Ленин говорил: „один прусский монарх 18 века сказал умную фразу: „если наши солдаты понимали бы из-за чего мы воюем, то нельзя было бы вести никакой войны". Старый прусский монарх был неглупым человеком. Мы-же, теперь готовы сказать, сравнивая свое положение с положением этого монарха: „мы можем вести войну потому, что массы знают, за что воюют, хотят воевать, несмотря на неслыханные тягости, зная, что придется переносить непосильно тяжелые жертвы, защищая свое социалистическое дело, борясь рядом с теми рабочими в других странах, которые начали понимать наше положение".

В этих ленинских словах дана полная оценка сознательности и героизма трудящихся масс, в частности, Красной армии, которые (сознательность и героизм) в годы гражданской войны дали победу Красной армии над несравненно более сильным в военно-техническом отношении противником.

Коммунистическая партия, руководившая этой борьбой, так определяла направление и содержание работы по обучению и воспитанию армии: „работу военного обучения и воспитания Красной армии, совершать на основе классового сплочения и социалистического просвещения; поэтому необходимы политические комиссары из надежных, самоотверженных коммунистов, наряду с боевыми начальниками; создание в каждой части коммунистической ячейки для установления внутренней идейной связи и сознательной дисциплины".

Вся история Красной армии, каждой отдельной ее дивизии, дают достаточно наглядное и убедительное доказательство того что героизм и сознательность бойцов были основаны именно на классовом сплочении и социалистическом просвещении масс. Роль партийной организации, роль комиссаров и политработников в организации, сплочении и воспитании армии поистине огромна.

Коммунистическая организация дивизии, на протяжении 9 лет существования дивизии, проявила себя подлинным вождем, учителем и воспитателем многих тысяч наших бойцов.

Первый период организации дивизии, протекавший в сложной обстановке борьбы с отрицательными чертами партизанщины в собственных рядах, формирование дивизии в окружении врагов, измена Григорьева, остатки старой вражды к регулярной армии, уходившие корнями в старую армию,—все это могло быть преодолено только благодаря огромнейшей работе, проделанной коммунистами. Коммунисты-командиры, коммунисты красноармейцы были тем цементом, который скреплял воедино отдельные отряды, группы и части в единую организованную дивизию. Первые политработники 45-й дивизии преодолевали такие трудности, о которых сейчас наши молодые работники имеют очень слабое представление. Первая боевая операция дивизии: прорыв Южной группы на

север, парторганизация дивизии насчитывала тогда десятки коммунистов. Нужно было убедить бойцов оставить родные деревни Одесщины и Херсонщины, Бессарабию занятую румынами, и уйти на север, на соединение с частями Красной армии.

500 верст на север в огневом кольце противника! Задача была блестяще разрешена. Это было первой наградой партийной организации дивизии, первым доказательством ее глубокого влияния на массы бойцов.

Политический отдел дивизии в 1919 году был центром сплочения всех революционно-сознательных элементов, организацией, сыгравшей поистине исключительную роль. Кадры наших бойцов обросли отдельными отрядами и группами авантюристически-настроенных партизан, для которых дисциплина регулярной части, ее организация и порядки были непонятны и чужды. Политотдел дивизии проделывает чрезвычайно трудную работу по преломлению этих настроений, по отсеиванию явно безнадежных элементов (Живодеров, полки Стародуба, Мишки Япончика).

Наш противник потрудился достаточно для того, чтобы представить крестьянству Советскую власть и коммунистическую партию в образе какой-то чудовищной коммунии, все пожирающей, уничтожающей и обрекающей крестьянство на голод и гибель. Ненависть

Занятия с неграмотными—молодыми красноарм йцами 1905 г.

к коммунии была ненавистью к коммунистам, и если большевики представлялись в 19-м году значительной части наших бойцов и окружавшего нас крестьянства подлинными защитниками интересов трудящихся масс, то коммунисты в их глазах были врагом, которого надо было истреблять. Показать коммунистов в их настоящем свете, убедить бойцов и раз'яснить крестьянству всю нелепость легенды о коммунии было труднейшей задачей, тем более, что дивизия находилась в обстановке непрерывных боев, и все же политические ра-

ботники дивизии успешно справлялись с ней. История 45-й дивизии содержит огромное количество примеров боевой примерности коммунистов и безудержной смелости в самые опасные минуты боя. Эти примеры в сочетании с огромнейшей политической работой коммунистов и являлись основаниями для укрепления и роста авторитета партии.

Ко времени проведения партией партийной недели 19 года в дивизии уже наступил перелом в понимании роли коммунистов и коммунистической партии. В партийную неделю в ряды партии записались сотни бойцов и командиров и коммунистическая организация дивизии сразу увеличилась в несколько раз. Это была следующая награда за проделанную работу.

Здесь же нужно отметить борьбу дивизии с анархо-бандитизмом, с махновщиной, борьбу, которую вела дивизия на протяжении 2-х лет. Политический отдел дивизии предпринимает огромнейшую кампанию по раз'яснению бойцам сути махновщины. В дивизионной газете изо дня в день печатаются популярные письма о Махно, раз'ясняется контр-революционный смысл махновщины и ей противопоставляется борьба за социалистическое дело, ведущаяся Красной армией. В дальнейших столкновениях с Махно бойцы дивизии сами являлись прекрасными агитаторами за Советскую власть против анархо-бандитизма.

Переброска на Питерский фронт против Юденича, встретившая вначале сопротивление бойцов, желавших идти драться на Южный фронт и отвоевывать захваченные Деникиным родные края, была проведена успешно только благодаря огромнейшей агитационной работе, развернутой Политотделом.

А когда дивизия перешла на деникинский фронт и совершила тысячеверстный поход от Глухова до Днестра, можно было сказать: дивизия изжила свои недостатки (партизанщину, наличие чуждых элементов и пр.).

Успехи отдельных боевых операций обусловливались главным образом желанием драться, бывшим у массы бойцов, а это желание в свою очередь созревало и крепло под непосредственным и повседневным воздействием коммунистической организации дивизии.

За полгода существования пройденный путь в части политической сознательности дивизии измерялся наличием в дивизии сотен коммунистов, вместо прежних десятков, широкой работой по советизации освобожденных от Деникина районов, вместо срывания вывесок у исполкомов и партийных комитетов что имело место в 19 году.

1920-й год: борьба с поляками и Петлюрой. К этому времени совершенствование форм политической работы шагнуло далеко вперед. Еще не было плана, системы, которые так хорошо знакомы нам сейчас, но уже не было прежних случайностей и бессистемности. Война с бело-поляками, революционная война социалистического государства с капиталистами подняли дивизию на следующую ступень политической сознательности. Надо было воспитать на этой борьбе интернациональные чувства у всей массы бойцов, научить их той огромной работе, которую предстояло проделать в освобождаемой от польского гнета Галиции. Бело-поляки в своих листовках и газетах главный упор делали на то, чтобы отделить коммунистов от всей массы бойцов, натравить бойцов на коммунистов, политработников и комиссаров и представить войну, как продолжение царской империалистической политики. Польские паны просчитались: коммунистическая партия завоевала настолько высокий авторитет в рабочей массе и трудящемся крестьянстве страны и армии, что поколебать его полякам было не под силу.

Выдержанное, революционно-сознательное поведение частей дивизии в Галиции завоевало им широкие симпатии и преданность галицийских рабочих и крестьян.

Петлюровская кампания потребовала от политического отдела дивизии и всей партийной организации развернуть широкую работу по раз'яснению братской солидарности между трудящимися Великороссии и Украины и поставила в центр всей агитации вскрытие сути петлюровщины как кулацкого агента империализма.

Надо было раз'янить, что красная армияза Украину Советскую, за Украину трудящихся, против шовинистически настроенных кулацких и буржуазных элементов, мечтавших о подчинении Украины западному империализму. Петлюра был разбит не только физически, петлюровщина потерпела крах, как политическое течение

Этим окончился боевой период жизни дивизии и боевая работа политорганов дивизии.

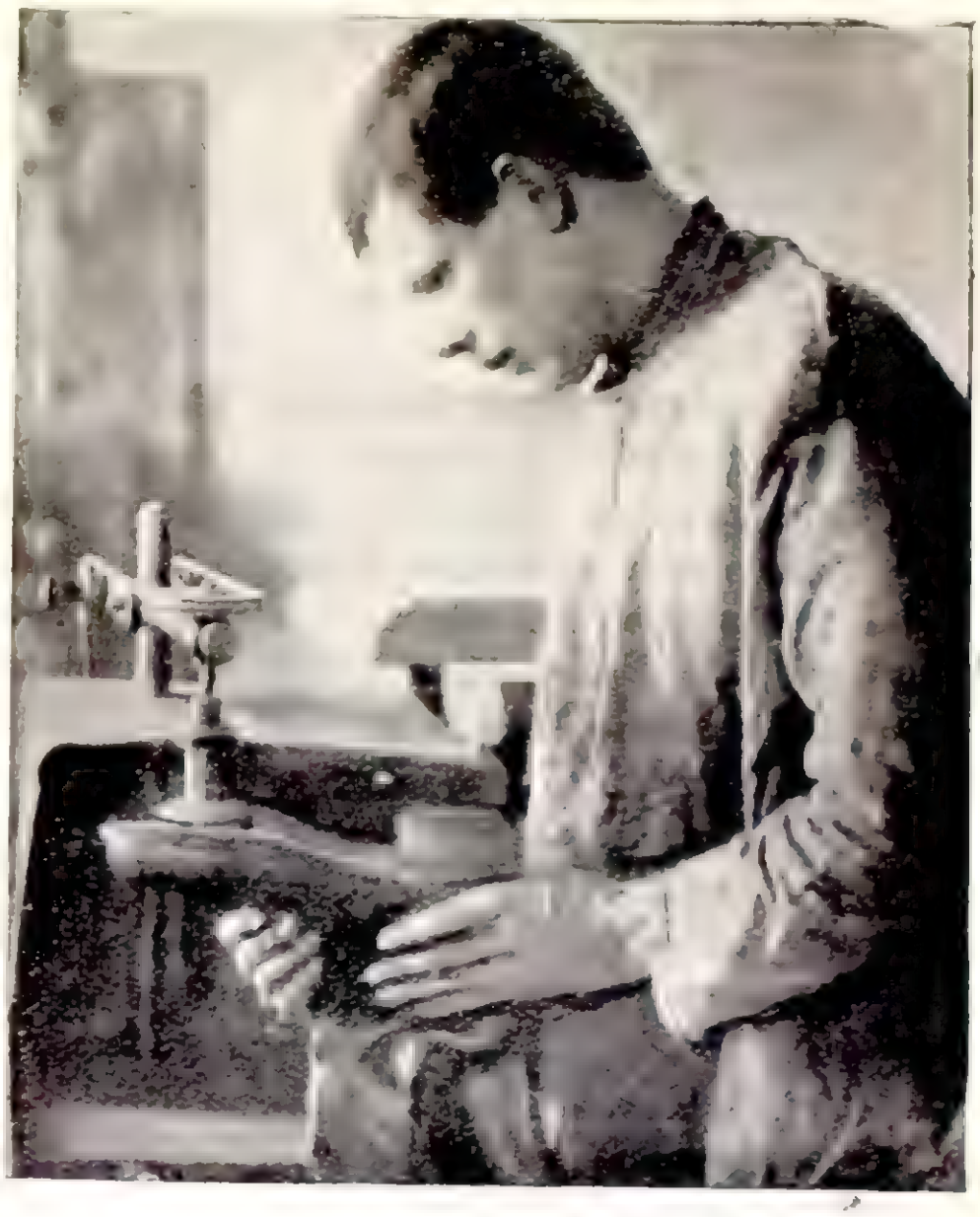
Наступил период мирного строительства. Дивизия на Подолии, Киевщине, ликвидируя мелкие политические и уголовные банды, развертывая работу по обучению бойцов, по дальнейшему укреплению вынесших огромные тяготы гражданской войны, своих славных частей, энергично помогает местным властям на трудовом фронте,

За свою боевую работу дивизия получила Красное боевое знамя.

За трудовой фронт—Красное трудовое знамя.

Только в эти годы начинает разворачиваться массовая культурная работа. При дивизии организовывается театральная мастерская „Березіль", сейчас государствен. ревтеатр Украинской Республики.

К сегодняшнему дню 45-я дивизия, ее партийная и комсомольская организация представляют сплоченную, крепкую, боевую единицу. До тысячи коммунистов и полторы тысячи комсомольцев, 50% коммунистов среди командного состава, клубы и Ленинские уголки, библиотеки, нормальная плановая работа позволяют надеяться, что при новых боевых задачах партийно-политический аппарат сумеет также энергично и умело раз'яснять бойцам задачи борьбы, ее цели и средства, с помощью которых может быть и должна быть одержана победа революционной Красной армии над ее капиталистическими противниками.



1928 г. Наши шефы
Рабочий завода „Червоний Чоботар" на Волыни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.

1. Всегда вперед! К победе! 3
2. Тот не погиб, кто погиб за великое дело! 5
3. Приветствие командира и комиссара XIV стр. корпуса т. И. Н. Дубового 7
4. О боевых традициях 45-й—(Из доклада командира 45-й т. Василенко на 3 комсомольской конференции 1928 г.) 8
5. *Блискавицкий.*—Иона Эманулович Якир 15
6. *И. Якир.*—Сорок пятая Краснознаменная 17
7. *О. Яковлев.*—Илья Иванович Гарькавый 26
8. *И. Гарькавый.*—Ее путь 27
9. *И. Овчаренко.*—Как мы организовались 30
10. *Озерянский.*—Против греков и румын 32
11. *А. Гринштейн.*—О своих и чужих 34
12. *М. Василенко.*—Поход Южной группы 43
13. *В. Агатов.*—Волынская Краснознаменная 49
14. *Я. Охотников.*—Южный поход начался 51
15. *А. Заринцкий.*—В огневом кольце 53
16. *В. Плоткин.*—Мы вернемся... 57
17. *Г. Котовский.*—Непобедимая „дикая" 64
18. *Николаевский.*—Тульское пополнение 66
19. *Н. Павлов.*—На деникинском фронте 68
20. ***.—Махновцы 72
21. *Л. Широкий.*—Коммунисты... 75
22. *Молодов.*—Бей врага 79
23. ***.—На польском фронте 80
24. *В. Крейн.*—Бой под Кожанкой 84
25. *И. Репин.*—Под Дубно 89
26. *П. Талдыкин.*—Товарищ „поликурп" 92
27. ***.—Бои с Петлюрой 95
28. Приветствия шефов 96
29. Приветствие бессарабцев 97
30. Биография комдива 45 т. Василенко 98
31. Биография комиссара 45-й дивизии т. Березкина 99
32. *М. Березкин.*—Сила 45-й в ее сознательности и героизме . . . 100
33. Оглавление 104

Красные числа дивизии.

23 июня 1919 г.	Начало формирования 45-й дивизии.
17 августа 1919 г.	Создание Южной группы для прорыва кольца, в каком очутилась дивизия.
29 „ „ „	Начался поход Южной группы на соединение с северными частями.
13 сентября 1919 г.	Бои под Бровками, Хорлеевкой и Каменкой за прорыв кольца петлюровцев и деникинцев. Было захвачено два полка пленных, 7 орудий и 14 пулеметов.
20 сентября „	Выход из огневого кольца и соединение с северными частями Красной армии.
22 сентября „	Дивизия награждена за славный переход почетным знаменем революции. Кр-цам и комсоставу выдана денежная награда в размере месячного оклада, т.т. **Якир** и **Немитц** награждены орденами Красного знамени.
1 ноября „	Дивизия получает приказ выступить на Петроградский фронт.
3 „ „	Дивизия прибыла на Петроградский фронт.
16 „ „	Дивизия перебрасывается на Южный фронт.
22 „ „	Дивизия прибыла на Южный фронт для борьбы с Деникиным.
24 декабря „	1-я стычка с деникинцами под Дмухайловскими хуторами.
29 „ „	Дивизия заняла Новомосковск.
30 „ „	Дивизия заняла Екатеринослав.
3 января 1920 г.	Дивизия занимает Александровск.
15 „ „	Ликвидация банд Махно.
17 „ „	Разбита группа ген. Склярова.
30 „ „	Взят город Вознесенск.
3 февраля „	При взятии Березовки кавбригада Котовского уничтожила кавполк белых.
7 „ „	Совместно с частями 41 дивизии взята Одесса.
9 „ „	Разбита у Маяков группа Струка 4000 чел. пехоты и 800 сабель. Захвачено 38 пулеметов и много военного имущества.

19 февраля 1920 г.	Разбита группа ген. Бредова.
14 „ „	Взят город Тирасполь, где на протяжении 12 верст стояли эшелоны, среди каких 16 бронепоездов.
19 „ „	Ликвидация Южного фронта.
25 „ „	Дивизия переходит на польско-петлюровский фронт.
15 марта 1920 г.	Дивизия начинает борьбу с наступающими поляками.
К 20 числам июня	Дивизией заняты: Сквира, Белая-Церковь, Радомысль, Фастов и Казатин.
25 июня	Началось наступление в Ровенском направлении.
21 июля 1920 г.	Взят гор. Дубно и форт Тараканово, главная опора поляков на р. Икве.
27 июля 1920 г.	Части дивизии вступили в Галицию.
9 августа 1920 г.	Части дивизии начали движение на Львов.
20 „ „	Бои под Львовом.
16 октября „	Дивизия взяла гор. Летичев.
10 ноября „	Начата ликвидация петлюровщины.
21 „ „	Занят Волочиск. Петлюровщина ликвидирована.
1921 год.	При активной помощи дивизии Киевщина выполняет продналог первой на Украине.
20 февраля 1922 г.	2-й с'езд советов Волыни принимает шефство над 45 дивизией.
Октябрь-ноябрь 1922 г.	В дивизию прибыло молодое пополнение. Начинается учеба.
7 ноября 1922 г.	В 5 годовщину Октябрьской революции дивизия торжественно была награждена орденом трудового Красного знамени.

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

БОЕВОЙ ПУТЬ 45 КРАСНОЗНАМЕНН. ВОЛЫНСКОЙ ДИВИЗИИ

1919 — 1920

ЛЕНИНГРАД

На защиту Петрограда

ЯМБУРГ

ст. Медведка

ТВЕРЬ

МОСКВА

ВЯЗЬМА 22/X 19г.

СМОЛЕНСК

КАЛУГА

РОСЛАВЛЬ

БРЯНСК

Гомель

МОЗЫРЬ

ОВРУЧ

Глухов

Сумы

Ахтырка

КИЕВ

ФАСТОВ

ЖИТОМИР

ДУБНО

КРЕМЕНЕЦ

БЕРДИЧЕВ

СТАРОКОНСТАНТИНОВ

ЛЬВОВ

Б-ЦЕРКОВЬ

ВОЛОЧИСК 21/XI 1920г.

ПРОСКУРОВ

ВИННИЦА

ЗВЕНИГОРОД

ПОЛТАВА

УМАНЬ

КАМЕНЕЦ-ПОД.

НОВО-МОСКОВК

ВЕРХНЕ-ДВОРОВСК

Знаменка

Александрия

ЕКАТЕРИНОСЛАВ

Кривой-Рог

БЕЛАЯ

Вознесенск

Никополь

Дубоссары

Григориополь

Тирасполь

ХЕРСОН

ОДЕССА

На Житомир

На Фастов

На Полтаву

На Екатеринослав

На Одессу